

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МИНИСТЕРСТВА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
(ФГКОУ ВО РЮИ МВД России)

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ
И РЕАЛИЗАЦИИ**

**Сборник материалов Всероссийской
научно-теоретической конференции**

19 мая 2017 года

Часть 2

Ростов-на-Дону
2017

УДК 343 (08)
ББК 67.408
У 261

Рецензенты:

начальник полиции отдела МВД России
по Зерноградскому району
ГУ МВД России по Ростовской области
кандидат юридических наук **К. В. Безручко**;
заместитель начальника УТ МВД России по СКФО –
начальник Следственного управления
кандидат юридических наук **А. Н. Жинко**

У 261 Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации: сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции: в 2 ч. / отв. ред. Е. В. Безручко. – Ростов н/Д: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. – 160 с.

ISBN 978-5-89288-330-6

Сборник подготовлен по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции «Уголовная политика Российской Федерации: проблемы формирования и реализации», состоявшейся в Ростовском юридическом институте МВД России 19 мая 2017 г. В материалах сборника освещаются актуальные вопросы уголовной политики России в сфере экономической преступности и коррупции, профилактики экстремизма и терроризма, несовершеннолетней преступности и т. д.

Предназначен для преподавателей, докторантов, адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов юридических вузов и факультетов, практических работников.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

ISBN 978-5-89288-332-0 (ч. 2)
ISBN 978-5-89288-330-6

УДК 343 (08)
ББК 67.408

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2017
© Коллектив авторов, 2017

В. И. Коваленко

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С КРИМИНАЛЬНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Наблюдаемые в последние годы в мире явления, такие как: усиление социальных противоречий, расширение зоны военных конфликтов, активизация миграционных процессов, финансово-экономическая нестабильность, падение цен на мировые энергоресурсы (нефтепродукты), безработица, развивающиеся на фоне неблагоприятного общеполитического климата и режима экономических санкций, явились предпосылками проявления негативных тенденций преступности, в частности – увеличения количества случаев криминальной эксплуатации человека.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 подчеркивается, что в настоящее время «обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» (п. 22) [4]. Данные преступные посягательства отнесены к числу основных угроз государственной и общественной безопасности (п. 43) [4].

В то же время эффективность противодействия криминальной эксплуатации человека (далее – КЭЧ) обусловлена в том числе и точным определением в законе понятия исследуемого деяния, установлением основных признаков, его формирующих.

Согласно сложившейся международно-правовой концепции эксплуатации человека все ее формы в понятийном плане входят в группу посягательств, объединенных общим термином «торговля людьми». При этом конструкция изложения представлена таким образом, что можно говорить о некой тавтологии: основная цель торговли людьми – это эксплуатация человека, которая одновременно определяется как форма торговли людьми, а деяния, осуществляемые в целях эксплуатации человека, являются торговлей людьми. Это определенным образом приводит к сложностям в трактовке базового понятия «эксплуатация человека», поскольку до последнего времени криминальная эксплуатация человека рассматривалась лишь как основная цель торговли людьми, не исследовалась как самостоятельное посягательство, не получила должной уголовно-правовой и криминологической оценки.

На это обращено внимание и в методических рекомендациях ООН, в которых справедливо подчеркивается, что «система определений основных терминов, играющих особо важную роль в правовой основе противодействия торговле людьми, нуждается в дальнейшем углубленном анализе, систематизации, дополнении и конкретизации, особенно в отношении терминов для обозначения средств и способов торговли людьми и уточнения конкретных форм эксплуатации» [5].

В соответствии с Протоколом ООН № 2 «О предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее»

2000 года, дополняющим Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности «эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов; все случаи вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения ребенка для целей эксплуатации считаются «торговлей людьми» [3].

С точки зрения трактовки интересующего нас понятия целесообразно обратиться к отечественному законодательству и материалам научной дискуссии, посвященной определению признаков криминальной эксплуатации человека и деяний, которые могут быть отнесены к ней.

Многие специалисты справедливо указывали на то, что в российском уголовном законодательстве, а также в международных нормативных правовых актах отсутствует легальное определение понятия «эксплуатация человека», в диспозиции ст. 127.1 УК РФ дано указание лишь на виды эксплуатации [6].

Так, упоминается «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние» (примечание 2 к ст. 127.1 УК РФ «Торговля людьми»), то есть фактически представлен перечень деяний, относимых к эксплуатации, не содержащий определения самого явления (его содержательных признаков).

Серьезной теоретической и, как следствие, практической проблемой становится разрешение вопроса о том, являются ли преступными, то есть уголовно наказуемыми, такие формы эксплуатации, которые совершаются как самостоятельные общественно опасные посягательства – вне сферы торговли людьми, то есть без предварительной купли-продажи человека, совершения в целях его эксплуатации вербовки, перевозки, передачи, укрывательства, получения.

В настоящее время фиксируются новые виды деятельности, которые можно, следуя международным императивам, отнести к криминальной эксплуатации человека: эксплуатация человека в антиобщественной (эксплуатация попрошайничества) и криминальной деятельности (наркотрафик, незаконный оборот оружия, терроризм и экстремизм). По выявленным и зарегистрированным единичным фактам незаконного принуждения и эксплуатации потерпевших в качестве попрошайек, в ходе криминальной деятельности (наркотрафика), нелегального суррогатного материнства и незаконного усыновления виновные были привлечены к уголовной и административной ответственности согласно различным основаниям, не связанным с противоправной эксплуатацией потерпевших (ст. 154, 228, 292, 327 УК РФ, ст. 20.1 КоАП РФ и другие).

Признавая теснейшие взаимосвязи торговли людьми и криминальной эксплуатации человека, автор вместе с тем разделяет точку зрения специалистов, дифференцирующих два самостоятельных состава преступления: «торговля людьми» и «эксплуатация человека». Так, представляется справедливой позиция Е. Б. Мизулиной, которая отмечает: «Включение в понятие цели “торговли людьми” различных, пусть и вполне определенных, видов эксплуатации жертвы привело, на наш взгляд, к смешению двух самостоятельных видов

преступлений: собственно торговли людьми как способа обращения человека в положение, сходное с положением раба, и эксплуатации человека, ставшего жертвой торговли людьми. Возможно, именно с этим связано почти повсеместное неразличение данных преступлений в национальных законодательствах большинства стран» [2].

Как свидетельствует практика, при эксплуатации человека могут и отсутствовать факты его предварительной купли-продажи (передачи, получения, вербовки, иных сделок – как при торговле людьми), лишения свободы, предшествующего перемещения. Он мог самостоятельно прибыть к месту последующей его эксплуатации, например, на работу, и там уже оказаться в состоянии эксплуатируемого (в несвободном положении, принуждаться к труду и т. д.). Многие жертвы «добровольно» продают свои органы и ткани в системе незаконной их трансплантации, даже не догадываясь, что становятся жертвами эксплуатации. При этом «добровольность», особенно в случаях с участием несовершеннолетних, носит сомнительный характер, и справедливо международными и отечественными нормами права не отменяется противоправность совершаемых общественно опасных деяний такого рода.

С учетом международной практики можно говорить о том, что криминальная эксплуатация человека включает в себя более широкий круг действий. В связи с этим она исследуется нами в качестве криминологического явления, которое проявляется не только в таких его формах, как торговля людьми с целью их эксплуатации (ст. 127.1 УК РФ), использование рабского труда (ст. 127.2.), но и в соответствии с международными определениями включает в себя: принуждение к изъятию органов или тканей человека для последующей их трансплантации (ст. 120 УК РФ), вовлечение в занятие проституцией (ст. 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), организацию занятия проституцией (ст. 241 УК РФ), незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), использование несовершеннолетних в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ).

В уголовно-правовом смысле объекты составов указанных посягательств различны и разведены по отдельным главам Уголовного кодекса (преступления против жизни и здоровья человека, свободы личности, здоровья населения и общественной нравственности), соответственно, характеризуясь различными уголовно-правовыми признаками.

Дефиниция «криминальная эксплуатация человека» выступает как криминологическое определение группы посягательств, характеризующихся рядом структурных, сущностных признаков, свидетельствующих о преступной эксплуатации человека, а именно: корыстное посягательство, в ходе которого принудительным, насильственным способом противоправно используется человек, его различные свойства как человека и личности.

Содержание посягательств, связанных с эксплуатацией человека, отражает их внутреннюю структуру: их объектом является личная свобода человека, цель такого деяния – получение выгоды, что характеризует эксплуатацию

как преступление, совершенное с корыстной целью путем принуждения (насилия) в отношении лица, которое не может отказать от выполнения работ, услуг, поскольку находится в несвободном состоянии (подневольном положении, состоянии раба и т. п.).

Неоднозначно в специальной литературе оценивается позиция отнесения к криминальной эксплуатации незаконного извлечения и использования органов и тканей человека. Так, по мнению Е. В. Авдеевой, «эксплуатацию человека не образует изъятие его органов или тканей. Извлечение неотъемлемой части или системы клеток организма, как правило, исключает возможность полноценной деятельности человека, ставя под возможность его эксплуатацию. Вследствие этого обоснованным представляется исключение из определения искомого понятия данного дополнения, подчеркивающего расширенное толкование эксплуатации человека» [1].

Действительно, изъятие органов и тканей человека затрудняет возможность его полноценной эксплуатации в дальнейшем. Если иметь в виду возможность трудовой эксплуатации после извлечения органа (органов), надо признать, что потерпевший, как правило, превращаясь в инвалида, уже не способен быть ценным объектом эксплуатации еще и *post factum*. Но в действительности суть дела в другом. На наш взгляд, эксплуатацией является сам по себе факт использования человека в целях добровольного или принудительного изъятия у него органов, тканей, клеток. Полагаем, что противоправное использование полученных таким образом органов и тканей человека в корыстных целях есть своего рода продолжение, один из этапов его эксплуатации, поскольку они изымаются преступником с целью дальнейшей продажи и получения выгоды.

Целесообразность криминализации общественно опасных деяний, представляющих собой преступную эксплуатацию человека, и ограничение от статьи «торговля людьми» нормы об ответственности за эксплуатацию человека обусловлены не только высокой степенью их общественной опасности, но и масштабом распространения исследуемого явления на территории нашей страны. Анализ криминальной ситуации позволяет констатировать, что рассматриваемый вид преступности продолжает оставаться одним из самых высоколатентных, количество пострадавших от данных преступлений ежегодно увеличивается, при этом установить максимально приближенную к действительности численность жертв является трудновыполнимой задачей даже для специалистов.

Так, судя по данным официальной статистики МВД России, за последние пять лет в ходе регистрации и расследования рассматриваемого типа посягательств ежегодно выявляется, как минимум, от пятидесяти до ста потерпевших от различных форм криминальной эксплуатации – в сфере торговли людьми с целью сексуальной и трудовой эксплуатации (нелегального принудительного труда) и использования рабского труда, от шестисот до полутора тысяч жертв, пострадавших в связи с вовлечением их в занятие проституцией (то есть от эксплуатации в сфере проституции), от тысячи до двух тысяч – насильно приобщенных к незаконному изготовлению и обороту порнопродукции, причем две трети из них – несовершеннолетние.

В специальной литературе неоднократно высказывались точки зрения о необходимости введения отдельной нормы об уголовной ответственности за эксплуатацию человека. Так, предлагалось под криминальной эксплуатацией понимать «осуществление законного или незаконного перемещения потерпевшего с целью дальнейшей его продажи или непосредственной эксплуатации труда в различных сферах деятельности либо для использования его физиологических параметров. Криминальная эксплуатация может осуществляться с помощью различных способов: путем купли-продажи, обмана, захвата и незаконного удержания, принуждения, либо с помощью насилия либо угрозы его применения, иного психологического воздействия, либо с помощью использования материальной зависимости лица, либо с помощью каких-либо сильнодействующих препаратов» [7].

В целом следует поддержать точку зрения о необходимости криминализации данного явления и введения нормы об ответственности за него. Однако полагаем, что в вышеприведенной редакции не совсем точно отражена сущность криминальной эксплуатации. На наш взгляд, криминальная эксплуатация – это непосредственно сама эксплуатация человека, в независимости от того, перемещали жертву или нет. Не имеет принципиального (не только теоретической, но и практической точки зрения) значения, каким способом эта цель была достигнута, поскольку криминальная эксплуатация – это противоправное принудительное (насильственное) использование человека, осуществляемое с корыстной целью (получение коммерческой прибыли, иных выгод).

Изучение существующих взаимосвязей между преступной эксплуатацией человека и торговлей людьми, похищением людей, их незаконным перемещением, лишением свободы, анализ основных подходов к определению криминальной эксплуатации человека в научной доктрине и законодательстве позволяют сделать вывод о том, что существуют все основания для криминализации эксплуатации человека и актуальной является необходимость введения отдельной (дифференцированной от торговли людьми) нормы об ответственности за нее. Это позволит восстановить справедливость и в любом случае привлечь к уголовной ответственности лицо, которое непосредственно противоправно эксплуатирует человека (была при этом жертва предварительно куплена, продана и т. д.), пресечь нарушение естественных и иных прав и свобод большой группы лиц, ставших жертвами эксплуатации, осуществить меры их реабилитации. Данное действие является превентивной мерой, которая позволит значительно уменьшить объем вышеперечисленных преступлений (похищения людей, их незаконного перемещения, лишения свободы и других), совершаемых с целью эксплуатации.

Диспозиция предлагаемой нормы может быть представлена в следующей редакции: ст. 127.3 УК РФ «Эксплуатация человека»: «Эксплуатация человека, то есть принудительное использование человека с корыстной целью, находящегося в условиях, когда лицо не может отказаться о выполнения работ, услуг – наказывается...».

В примечании к статье следует указать, что к условиям, которые не позволяют потенциальной жертве отказаться от выполнения работ, услуг, то есть избежать эксплуатации, как минимум относятся: подневольное состояние,

рабство, институты и обычаи, сходные с рабством, иное уязвимое положение лица, сложившееся в результате совершенного в отношении него преступления, насилия, принуждения, злоупотребления властью, похищения, обмана, мошенничества, злоупотребления доверием, шантажа, социального, правового статуса, состояния здоровья.

Литература

1. Авдеева Е. В. Модернизация законодательства в сфере уголовно-правовой регламентации торговли людьми // Вестник Кузбасского института. 2012. № 5 (13).
2. Мизулина Е. Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М., 2006.
3. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Генеральная Ассамблея ООН. 15 ноября 2000 года (подписан и ратифицирован Российской Федерацией Федеральным законом от 26 апреля 2004 года № 26-ФЗ, вступил в силу для Российской Федерации 25 июня 2004 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 18. Ст. 1684.
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 15.02.2017).
5. Торговля людьми в Российской Федерации: обзор и анализ текущей ситуации: доклад Е. В. Тюрукановой совместно с фондом «Институт экономики города» // Рабочая группа ООН / МОМ. М., 2006.
6. Торговля людьми и легализация преступных доходов. Вопросы противодействия: научно-практическое пособие / А. Андриани и др.; под ред. О. П. Левченко. М., 2009.
7. Торговля людьми в Российской Федерации: квалификация, предупреждение, расследование: учебно-практическое пособие. М., 2007.
8. Шакин В. Б. Понятие криминальной эксплуатации людей: криминальная эксплуатация в уголовном законодательстве России // Сибирский юридический вестник. 2001. № 3. URL: <http://www.lawinstitut.ru/ru/science/vestnik/20013/shakin.html> (дата обращения: 10.09.2016).

Д. А. Корецкий

«НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ» В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ: НОРМА ИЛИ ПАТОЛОГИЯ?

«Новая нормальность» – экономический термин, ставший популярным во время глобального кризиса 2008 года. Тогда специалисты говорили, что для ситуации «новой нормальности» характерны низкие темпы экономического роста и высокий уровень безработицы. В феврале 2016 года бывший глава

Минэкономразвития России А. Улюкаев заявил, что глобальная и российская экономики вошли в «новую нормальность» и рассчитывать на быстрые темпы роста не стоит [1].

В социально-экономическом плане «неологизм “новая нормальность” в целом означает сложившуюся в мировой экономике и политике ситуацию неопределенности и высокой волатильности. Более того, это означает не только констатацию данной ситуации, но и установку на принятие новой сложившейся реальности и осуществление жизнедеятельности в ее условиях, при этом предлагается принимать сложившуюся данность без каких-либо оправданий и сожалений об утерянных возможностях и неиспользованных ресурсах. Такая установка оправдывает не только замедление темпов социально-экономического развития каждой страны, но и снижение качества жизни населения» [1].

По существу, «новая (современная) нормальность» не является только экономическим феноменом. Она наблюдается практически во всех сферах современной жизни, в том числе и в юриспруденции. Наряду с экономическими факторами, которые являются первопричиной, здесь играют роль аномия общества, снижение государственного и общественного контроля, падение профессионального уровня законодателей и правоприменителей, вытеснение служебных интересов должностных лиц личной мотивацией, правовой нигилизм, насаждение стандартов традиционно неодобряемого поведения и т. д. и т. п.

Так, обыденностью «новой нормальности» стал невиданный размах коррупции и хищений, совершаемых руководителями высших эшелонов власти, и, как следствие, их аресты, причем эта мера пресечения была применена и в отношении самого А. Улюкаева.

Известные российские ученые А. И. Алексеев, В. С. Овчинский, Э. Ф. Побегайло [2], М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин [4] и другие неоднократно критиковали уголовную политику последних лет. Многие авторы обращали внимание на хаотические, бессистемные, криминологически необоснованные изменения УК РФ, нарушившие его внутреннюю структуру, логику и системность, отмечалось, что отсутствие концептуальных основ уголовно-правовой политики порождает «законодательную клоунаду» [6]. Предлагался вывод, заключающий о том, что «сегодня с достаточным основанием можно говорить даже об определенной криминогенности (и коррупциогенности) ряда уголовно-правовых норм и уголовной политики в целом» [14]. Следует отметить, что современная законодательная и правоприменительная практика нарушает фундаментальные принципы уголовного права [11], в частности, рост репрессивного потенциала Уголовного кодекса не отражается благоприятно на состоянии преступности, и не может отразиться, ибо ужесточение наказания после каждого «резонансного» преступления заведомо не может принести результата в силу общепризнанного в теории уголовного права принципа «важна не жестокость наказания, а его неотвратимость».

Не может достичь профилактического эффекта и возобладавший в «новое» время запретительно-ограничивающий подход к обороту предметов или орудий преступлений и несчастных случаев (например, гражданского оружия, спиртосодержащих жидкостей), заменивший устранение причин и условий, как общеизвестно, носящих социальный характер и требующих большой,

кропотливой и затратной работы, которую не заменит ни один самый быстрый и дешевый (а иногда и приносящий выгоду) запрет.

Забыта и общеизвестная, сформулированная Ч. Беккариа аксиома относительно роли уголовных запретов в сфере противодействия преступлениям, чрезмерность которых оказывает не предупредительный, а прямо противоположный эффект: «Запрещать множество безразличных действий – не значит предупреждать преступления», а произвольное расширение круга уголовно наказуемых деяний увеличивает вероятность их совершения [5].

Тревожным элементом «новой нормальности» является также исчезновение принципа демократизма из закона, на что больше 10 лет назад обратил внимание Ю. В. Голик [7], а С. Ф. Милюков уже совсем недавно убедительно обосновал факт его изгнания из системы общих принципов российского права [12]. Он также отметил такие реалии «новой нормальности», как открытие и подспудные шаги по созданию целой системы льгот и привилегий для богатых и сверхбогатых преступников, действующих в сфере экономической деятельности [12].

Следствием этого стала привычка к невозможным в прошлые годы хищениям и взяточничеству на суммы, выражающиеся в миллионах и миллиардах рублей, обращение в криминальном обороте немислимых объемов денежных средств, аресты должностных лиц самого высокого уровня (мэров, губернаторов, руководящих сотрудников МВД, Следственного комитета и прокуратуры, министров). Также вошло в норму превращение очередного сенсационного разоблачения в «пшик»: тихое прекращение «громких» уголовных дел, освобождение их фигурантов по амнистии (даже если они под нее не попадают), вынесение смехотворно мягких приговоров, никак не соответствующих общественной опасности преступления. Все это происходит на фоне бесконечных заявлений о борьбе с коррупцией и хищениями, об отсутствии «неприкасаемых» и обязательном наказании всех виновных, невзирая на личности. Их расхождение с действительностью оказывает еще более тлетворное влияние на общественное мнение, чем сами факты преступлений, ибо граждане разочаровываются в государстве и перестают ему верить.

Совершенно необъяснимыми и шокирующими являются появившиеся в последнее время факты открытого осуждения борьбы с коррупцией, причем со стороны должностных лиц высокого уровня, которые и должны активно с ней бороться. Так, 26 марта, выступая на Международной конференции «Партнерство государства и бизнеса», председатель парламентского комитета по безопасности и противодействию коррупции И. Яровая заявила, что борьба с коррупцией может использоваться для разрушения суверенитета государства. Политолог О. Матвейчев в интервью газете «Пермская трибуна» сказал следующее: «Нет такой внутренней угрозы, как коррупция. Это надуманная чушь, пришедшая к нам с Запада... Все разговоры о коррупции – это способы дестабилизации нашей внутривнутриполитической ситуации». До него в том же ключе высказывался заместитель министра внутренних дел И. Зубов: «Все цветные революции во всех странах начинались под лозунгом борьбы с коррупцией» [17]. Сенатор Е. Мизулина на заседании Совета Федерации рассказала об «опасной тенденции», которую она обнаружила в нескольких школах, в том

числе в Санкт-Петербурге, где «уроки патриотизма начали заменять уроками борьбы с коррупцией» [13].

Эти беспрецедентные, немислимые еще пять лет назад заявления прямо противоречат позиции Президента России В. В. Путина, который постоянно выступает против коррупции, видит в ней угрозу экономике и ведет с ней реальную борьбу. Так, на встрече с активистами ОНФ он сказал, что в деле борьбы с коррупцией в стране предстоит еще много работы. Президент назвал проект «За честные закупки» очень востребованным и выразил надежду, что удастся и дальше менять ситуацию к лучшему. «Имею в виду борьбу, конечно, с коррупцией, которая подавляет любую экономическую активность. А у нас еще очень многое нужно сделать по этому направлению», – отметил президент. Он подчеркнул, что без борьбы с коррупцией невозможно улучшать инвестиционный климат, так как «когда все отдают “своим да нашим”, то ничего хорошего с точки зрения эффективности никогда не получается» [15].

Обстановка в обществе, в том числе и в сфере борьбы с преступностью, во многом определяется господствующими представлениями о похвальном и постыдном, допустимом и недопустимом, терпимости или непримиримости к нарушениям закона. В современных условиях на общественное сознание громадное воздействие оказывают средства массовой информации, особенно телевидение. Психолог И. Чеснокова изучила модели поведения, которые предлагает зрителям телевидение и пришла к выводу, что все они нездоровые. «На этом строится большинство ток- и реалити-шоу: а давайте разберем, кто здесь прав, кто виноват и как кому жить. Давайте пройдемся по чужому интимному пространству, заглянем во все его уголки, вывернем наизнанку, зададим неудобные вопросы, поставим героев в неловкое положение и обсудим. Поступки, стремления, желания других людей все так же смакуются, критикуются или высмеиваются “всем миром”, как когда-то на кухнях в коммунальных квартирах или на партсобраниях». Она отмечает, что телевизионные каналы насаждают истеричность, хамство и насилие как норму поведения [8].

Надо сказать, что подобная тенденция затрагивает не только бытовые ситуации. В ток-шоу центральных каналов на явно истеричном фоне регулярно избивают и вытаскивают из студии тех, чей голос не нравится ведущему, официальный представитель МИДа вместо отточенных и взвешенных дипломатических формулировок употребляет выражения, которые уже исчезли из лексикона даже базарных торговки. Например, критиков действительно весьма сомнительного с точки зрения этики и бережного отношения к памяти жертв фашистских концлагерей танца на льду в полосатой одежде дипломат совершенно неадекватно ситуации, бездоказательно и оскорбительно назвала «лицемерами и лгунами. Причем трусливыми лицемерами и лгунами, отработывающими политический заказ» [10].

Рекламный, неосуждаемый характер истеричности, хамства и насилия приводит к деформации нравственных ценностей, порождая откровенные, воинствующие проявления общего бескультурья, которое раньше стыдливо пряталось в тени. В последнее время наблюдаются попытки бороться с обнаженными скульптурами, которым сотни лет, с изображениями на картинах обнаженной натуры. Авторы этих инициатив широко и педально известны. Неясно, бывали ли они в Эрмитаже, Лувре, Дрезденской

картинной галерее, и если бывали, то как реагировали на то, что практически все скульптуры Геракла, Аполлона, Венеры и других мифологических и библейских героев не имеют фиговых листков, прикрывающих интимные места.

Не так давно произошел скандал, связанный с выставкой работ известного фотохудожника Джозефа Стерджеса, которые были названы порнографией и педофилией одиозными фигурами российского законодательства и общественными деятелями высокого уровня, даже не посетившими выставку и судившими заочно. В результате задержанный, но оставшийся неизвестным и безнаказанным хулиган облил мочой представленные фотоснимки, представители славной общественной организации «Офицеры России» заблокировали вход, а организаторы выставки сочли за лучшее ее закрыть, хотя, как потом выяснилось, ничего запрещенного на фотографиях не было.

Приведенный факт демонстрирует уже не просто отсутствие культуры, а разгул дикости и бескультурия. Но, к сожалению, приведенный случай не единичен: некоторое время назад злоумышленники облили фекалиями известную журналистку Ю. Латынину, причем, по ее словам, подобных нападений было около полутора десятков. Еще раньше зеленкой была облита известная писательница Л. Улицкая.

Наступление воинствующего бескультурия проявляется в деяниях несовершеннолетних и молодых людей, балансирующих на грани закона, причем, скорее, по другую сторону этой грани. Так, активисты Революционного коммунистического союза молодежи повесили у входа в Музей истории ГУЛАГа в Москве чучело с портретом фронтовика, жертвы сталинских репрессий, лагерника, нобелевского лауреата, писателя мирового уровня, под конец жизни широко признанного в России, А. И. Солженицына, сопроводив это действие оскорбляющей надписью [3], девушки 14 и 15 лет в Новочеркасске осквернили Мемориал Славы. В Хабаровске несколько несовершеннолетних девушек жестоко убивали животных, снимали свои действия на видео, которое размещали в Интернете.

Характерно, что все перечисленные выше правонарушители, кроме юных живоделок, не привлекались к ответственности (во всяком случае сообщений об этом, как бывает в случае всех «резонансных» дел, в СМИ не прозвучало). Более того, пресса с некоторым сочувствием называет их «активистами», а не преступниками и варварами.

В последнее время появилась мода на обращения отдельных неизвестных, или, наоборот, скандально известных «активистов» в различные общественные и государственные органы с сообщениями (которые только из соображений вежливости не хочется называть доносами) о якобы имевших место «нарушениях закона» в сфере культуры. Так, проверив письмо одного из жителей Санкт-Петербурга, Общественный совет по рекламе при управлении Федеральной антимонопольной службы по Санкт-Петербургу признал, что реклама программы «Ревизорро» актером в образе М. И. Кутузова «не нарушает закон», но компания (очевидно, телеканал «Пятница») «непатриотична» [9]. Встает вопрос о том, нарушен какой именно закон? Разве есть законы, запрещающие использовать аллюзии на исторических персонажей, тем более, что телеведущая другого пола и совершенно не похожа на Михаила Илларионовича? И по каким критериям определяется патриотичность? В каких единицах она измеряется? Правда, сам анонимный для широкой общественности

заявитель сконструировал «обвинение» еще более серьезно: «Такая форма пропаганды телепрограмм и сами телепрограммы являются способом воздействия на подсознание людей и могут оказать вредное влияние на... обороноспособность страны» [9]. Надо сказать, что здесь анонимный знаток способов неизвестного в мире целенаправленного воздействия на тайны подсознания прямо обвиняет телеведущую в подрыве обороноспособности России, а это уже дело серьезное.

Е. Летучая, конечно, не безупречна. Она длительное время совершала самоуправные действия на предприятиях общественного питания по всей стране, дезориентировала работников общепита относительно российского законодательства, срывала работу в местах приготовления пищи, но вскрывала вопиющие факты антисанитарии, подтверждающие бездеятельность контрольно-ревизионных органов и наводящие на мысли о «крышевании» ими подконтрольных точек вместо выполнения своих прямых служебных обязанностей. И похоже, что несуразное обвинение исходит из кругов столичных контролеров, тех самых «прохудившихся крыш», которым не понравилось то, что по ним «шмаляют»! Но подрыв обороноспособности страны – это уже слишком, так как может потянуть на ч. 2 ст. 306 УК РФ (заведомо ложный донос с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления) либо на ч. 5 ст. 128.1 УК РФ (клевета, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления). Конкретную квалификацию помогла бы определить прокурорская проверка, но прокуратура почему-то данным фактом не озаботилась. Однако теперь, следуя логике «современной нормальности», Е. Летучая должна сделать ответный ход и заявить в прокуратуру, Следственный комитет или ФСБ на анонимного обвинителя: за выдачу тайны возможности разрушения обороноспособности страны через вредоносное подсознательное воздействие внешне невинными рекламными роликами. Пусть теперь подставной «знаток» попробует оправдаться!

Конечно, нетерпимость к любым нарушениям закона – это похвально, и тройне похвально, когда по одному заявлению лица, озабоченного незамутненностью российской законности, в проверки включается столь авторитетная организация, как Общественный совет по рекламе, делающий солидные, научно обоснованные выводы: дескать, хотя в женских ягодицах на рекламе нарушение закона отсутствует, однако в культурной столице «нет места постерам, которые спекулируют на частях тел женщин с пониженной социальной ответственностью» [9]. Правда, есть здесь юридическая заковыка: вдруг завтра обладательница этих ягодиц обратится в суд с иском о защите чести и достоинства, представив документы, что она обладает вовсе не пониженной, а повышенной социальной ответственностью: является передовиком фотомодельного производства, активной общественницей, волонтером, а вдруг еще и помощником депутата от какой-либо уважаемой партии?! Ведь в этом случае ее ягодицы придется оценивать совсем по-другому!

Недавно на сайте Роспотребнадзора появилась информация о том, что «количество смертельных отравлений алкоголем во время новогодних праздников удалось сократить в России на 65 % благодаря надзорным проверкам и временному запрету на продажу спиртосодержащих непивных жидкостей. Если в новогодние праздники 2015–2016 годов было зарегистри-

ровано 2 516 случаев отравлений алкоголем, из которых 641 имел летальный исход, то в новогодние праздники 2016–2017 годов – 1 697, причем к летальному исходу привели 228 случаев». Не знаю, победа это или поражение, если россияне пьют в праздники «непищевые спиртосодержащие жидкости», ограничение продажи которых привело «всего» к полуторам тысячам отравлений, причем «всего» 228 оказались смертельными? Вряд ли это успех, даже если в прошлом году и отравлений, и смертей было больше. Скорее, это разгром, но несколько меньший, чем в прошлом году. И, несомненно, это новая (или современная) нормальность.

Попробуем сформулировать определение рассматриваемого феномена.

Новая (современная) нормальность есть совокупность форм поведения, которые традиционно и устойчиво считались ненормальными и противоречили принципам юриспруденции, нормам нравственности и морали, но в настоящее время получили широкое распространение, не прямое или явное одобрение, а в некоторых случаях нейтралитет, выливающийся в попустительское, со стороны властных и общественных структур, и в силу многократного неосуждаемого повторения постепенно закрепляющиеся в общественном сознании, юриспруденции и государственной идеологии в качестве нормы.

Это, несомненно, вредоносное явление, которое не может считаться терпимым и требует осуждения и противодействия на основе фундаментальных правовых принципов, законов и норм морали, пересматривать которые нет никаких оснований.

Литература

1. Архивы категории «новая нормальность» и российское общество. URL: <http://forum24.fa.ru>.
2. Алексеев А. И., Овчинский В. С., Побегайло Э. Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006.
3. Активисты повесили чучело Солженицына у входа в московский Музей истории ГУЛАГа. URL: <http://nslovo.info/aktivisty-povesili-chuchelo-solzhenicyna-u-vxoda-v-moskovskij-muzej-istorii-gulaga>.
4. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014.
5. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М., 2004.
6. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? URL: http://lexrussia.ru/articles/2014/12/30/article_101284.html.
7. Голик Ю. В. Понятие, метод, задачи и принципы уголовного права // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. О. Н. Ведерниковой и С. И. Никулина. СПб., 2005.
8. Говорит и показывает: каким отношениям нас учат по телевизору. URL: <https://lady.mail.ru/article/493083-govorit-i-pokazyvaet-kakim-otnoshenijam-nas-uchat-po-televizoru>.

9. Елену Летучую в образе Кутузова признали угрозой обороноспособности России. URL: <https://news.rambler.ru/starlife/35882791-fas-obvinila-revizorrov-gazrushenii-osnov-patriotizma/?smi2=1>.

10. Захарова ответила на критику в адрес танцевального номера Навки. URL: <https://news.mail.ru/politics/27947027>.

11. Корецкий Д. А., Шимбарева Н. Г. Фундаментальные принципы уголовного права и современная юридическая практика // Противодействие современной преступности: проблемы теории и практики: сб. научных трудов / под ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2014.

12. Милюков С. Ф. О лжедемократизме российской уголовно-правовой политики // Юридическая техника. 2014. № 8.

13. Мизулина рассказала об «опасности» уроков борьбы с коррупцией в школах. URL: <http://maxpark.com/community/4765/content/5756357>.

14. Номоконов В. Г. О криминогенности российской политики в сфере борьбы с преступностью // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3.

15. Путин В. В. В борьбе с коррупцией еще предстоит много работы. URL: http://www.aif.ru/money/corruption/putin_schitaet_chno_v_borbe_s_korrupciey_eshche_predstoit_mnogo_raboty.

16. Российские банки предупредили о ловушке «новой нормальности». URL: <https://lenta.ru/news/2016/08/23/newreality>.

17. Яровая: борьба с коррупцией угрожает суверенитету РФ. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/1869485>.

И. И. Короленко

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса представляет собой в настоящее время одну из актуальных задач, стоящих перед правоохранительными органами Российской Федерации. В первую очередь это связано с тенденциями в динамике преступности несовершеннолетних, проявившимися в последние десятилетия. Несмотря на меры по предупреждению правонарушений, совершаемых этой категорией лиц, принимаемые государством, состояние преступности дает основание сделать вывод о том, что негативные процессы продолжают существовать в молодежной среде. Выявлено несовершеннолетних лиц, совершивших преступления: за 2012 год – 59 461, за 2013 год – 60 761, за 2014 год – 54 089, за 2015 год – 55 365, за 2016 год – 48 023. Приведенные показатели очень высоки. В Ростовской области по состоянию на 2016 год они равны 1 032 (14 место в рейтинге регионов) [1].

К тому же вследствие непрофессионализма некоторых сотрудников правоохранительных органов права несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых систематически нарушаются, особенно на стадии предварительного

следствия. Также несовершеннолетние вовлекаются в уголовное судопроизводство не только в качестве лиц, совершивших преступление. Нередко преступления совершаются и в отношении них. Следовательно, и подходить к данной проблеме следует с точки зрения нескольких аспектов.

Рассмотрим вопросы обеспечения прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Во-первых, уголовно-процессуальное законодательство устанавливает обязательное участие защитника в уголовном судопроизводстве, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним. В качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда также может быть допущен наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо может выступить и вместо адвоката. Следует отметить, что в литературе существуют споры относительно того, кого, кроме адвоката, целесообразно допускать в качестве защитника: одни исследователи считают, квалифицированную помощь может оказать только адвокат, другие же полагают, что профессионализм защитника зависит от опыта и знаний, третьи утверждают, что адвокат непременно должен специализироваться исключительно на данной категории лиц. Отметим, предпочтение отдается адвокату как субъекту, профессионально занимающемуся защитой граждан в ходе предварительного следствия и в суде. Это выражается в том, что государство, реализуя конституционное право граждан (ст. 48 Конституции РФ) на получение квалифицированной юридической помощи на досудебных стадиях процесса, доверяет защиту только адвокату. Это объясняется тем, что любое лицо, участвующее в процессе в качестве защитника, может не обладать необходимыми профессиональными навыками. Подобное толкование смысла конституционной нормы права на профессиональную защиту дано в постановлении Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 года № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б. В. Антипова, Р. Л. Гитиса и С. В. Абрамова».

С нашей точки зрения, целесообразным было бы участие в таком уголовном судопроизводстве в качестве защитника адвоката, являющегося профессионалом и имеющего соответствующие знания и опыт работы с данной категорией участников процесса, некоторые знания в области педагогики и психологии.

При этом защитник, исполняя свои обязанности, должен незамедлительно реагировать на любые нарушения закона и прав подозреваемого или обвиняемого, пресекать любые недопустимые приемы при допросе, давать советы по поводу задаваемых вопросов и т. д.

Также он, осуществляя защиту прав и интересов своего подопечного, обладает правом собирания доказательств путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Примечательно, что позиция и все действия защитника должны соответствовать позиции подзащитного независимо от точки зрения первого, за

исключением случаев самооговора. Так же права и законные интересы несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого защищает и его законный представитель. К числу таковых законодатель относит родителей, усыновителей, опекунов или попечителей несовершеннолетнего, а также представителей учреждений или организаций, на попечении которых он находится, органы опеки и попечительства. Данный перечень является исчерпывающим.

Вышеуказанные лица привлекаются по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, независимо от желания и воли последнего, который, в свою очередь, не может отказаться от их помощи.

Законные представители допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления прокурора, следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого.

В научной литературе имеется одна из точек зрения, согласно которой ими могут быть признаны и иные лица, кроме перечисленных в п. 12 ст. 5 УПК РФ, например, брат или сестра, бабушка, дедушка и т. д. [2, с. 118]. Это происходит, например, когда несовершеннолетний воспитывается одним из родителей, который при этом злоупотребляет спиртными напитками или не занимается его воспитанием вообще. Следователь в данном случае должен получить информацию об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, о его родителях и характере взаимоотношений в семье. И после ее анализа ему следует выбрать того, кто действительно будет осуществлять обязанности по защите прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Таким образом, по нашему мнению, круг лиц, которые могут быть законными представителями несовершеннолетнего потерпевшего, должен быть расширен. Перечень этих лиц будет выглядеть следующим образом: а) близкие родственники (родители, усыновители и т. д.); б) близкие лица, которым жизнь, здоровье и благополучие несовершеннолетнего дороги в силу сложившихся личных отношений; в) опекуны или попечители несовершеннолетнего; г) представители учреждений или организаций, на попечении которых находится несовершеннолетний; д) органы опеки и попечительства [3].

Как уже было сказано выше, несовершеннолетние в уголовном судопроизводстве могут выступать и в качестве потерпевших.

По общему правилу (независимо от субъективных особенностей соответствующего участника уголовного судопроизводства) потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред. Результаты анализа содержания его процессуального статуса приводят к выводу, что несовершеннолетний потерпевший самостоятельно реализовать совокупность предоставленных прав не может. При этом процессуальный статус несовершеннолетнего потерпевшего, равно как и понятие указанного участника уголовного процесса, в законе не конкретизирован.

Следует учитывать, что несовершеннолетним потерпевшим лицо может быть с момента рождения и до достижения совершеннолетия. Поэтому, когда возникает вопрос о возможности непосредственного участия такого лица в уголовном судопроизводстве, в каждом конкретном случае следует исходить из возрастных и социально-психологических особенностей конкретного индивида, определяющих его способности в той или иной мере реализовать предоставленные законом права и исполнить возложенные обязанности.

При этом необходимо помнить, что Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в ст. 4 определяет степень развития личности в зависимости от физического, интеллектуального, психического, нравственного и морального состояния ребенка. Очевидно, что на определенных возрастных этапах и с учетом степени развития несовершеннолетнего потерпевшего о его самостоятельном участии в уголовном судопроизводстве в контексте процессуального статуса, предусмотренного в ст. 42 УПК РФ, речи идти не может. Здесь же следует обратить особое внимание и на положение ч. 10 ст. 42 УПК РФ, согласно которому участие в уголовном деле законного представителя потерпевшего не лишает его прав, предусмотренных УПК РФ. Подчеркивая значимость и необходимость представительства интересов несовершеннолетних потерпевших, в уголовно-процессуальном законе содержатся положения, обуславливающие императивное требование об обязательном участии в уголовном деле законных представителей или представителей, призванных обеспечивать защиту прав и законных интересов указанной категории лиц (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), устанавливающие их субъектный состав (ч. 1, 2.1 ст. 45 УПК РФ). Надлежащая реализация положений, составляющих содержание института представительства применительно к несовершеннолетним потерпевшим, предполагает конкретизацию перечня лиц, наделенных правом отстаивать права и интересы указанных доверителей. Согласно ст. 45 УПК РФ к ним относятся законные представители, близкие родственники, адвокаты.

Обращает на себя внимание тот факт, что по уголовным делам о преступлениях, в результате которых наступила смерть лица, круг правопреемников умершего потерпевшего шире, чем круг лиц, которые по закону могут представлять его интересы в уголовном судопроизводстве. В таких случаях права потерпевшего, предусмотренные в ст. 42 УПК РФ, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а в случае их отсутствия или невозможности участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников (ч. 8 ст. 42 УПК РФ).

Также следует отметить, что согласно ч. 2.1 ст. 45 УПК РФ по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности, уполномоченные должностные лица обеспечивают такому лицу в качестве представителя адвоката, оплата услуг которого производится за счет средств федерального бюджета. Однако при отсутствии ходатайства законного представителя, в случаях совершения в отношении несовершеннолетних иных преступлений либо после достижения возраста 16 лет право на участие адвоката по назначению органов уголовного судопроизводства реализовано быть не может. С данным подходом вряд ли можно согласиться, так как не предусмотрена возможность индивидуального решения вопроса в каждом конкретном случае, не учитываются часто возникающие на практике проблемы, связанные с отсутствием у законных представителей материальной возможности заключения соглашения с адвокатом на платной основе даже применительно к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым (например, неблагополучные семьи, органы опеки и попечительства). Не принимаются во внимание возрастные и психофизиологические особенности

несовершеннолетних потерпевших, нуждающихся в квалифицированной юридической помощи независимо от преступного посягательства, а также возможная незаинтересованность законных представителей в ее осуществлении при совершении преступлений в отношении детей близкими лицами.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что по общему правилу на потерпевшего возложен ряд обязанностей, вытекающих из содержания ч. 5–7 ст. 42 УПК РФ: являться по вызову должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, не уклоняться от дачи показаний (за исключением возможности реализации прав, предусмотренных ст. 51 Конституции), давать правдивые показания, не разглашать данные предварительного расследования. Кроме того, потерпевший не вправе уклоняться от прохождения освидетельствования, от производства в отношении него судебной экспертизы в случаях, не предусматривающих его согласие, от предоставления образцов для сравнительного исследования, включая образцы почерка (п. 4 ч. 5 ст. 42 УПК РФ).

Помимо этого, предусмотрена уголовная ответственность потерпевших по ст. 308 УК РФ за отказ от проведения перечисленных следственных действий. При этом общие для потерпевших правила не учитывают необходимости их конкретизации применительно к несовершеннолетним потерпевшим.

Позитивно следует оценить и положение закона об обязательном безальтернативном участии психолога при производстве допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии (ч. 4 ст. 191 УПК РФ). Однако здесь обращают на себя внимание ограничения, с которыми вряд ли можно согласиться. Так, обязательное участие психолога имеет место лишь в процессе рассмотрения уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и только при производстве указанных выше следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших, упомянутых в ч. 4 ст. 191 УПК РФ. Следует отметить отсутствие надлежащих четких критериев, руководствуясь которыми следователь, дознаватель может решить вопрос о приглашении соответственно педагога или психолога.

Наличие подобной альтернативы, как нам думается, не способствует оптимизации защиты прав несовершеннолетних потерпевших, чревато формальным подходом к решению вопроса без учета их индивидуальных потребностей. Кроме того, допуская возможность приглашения к участию в расследовании педагога или психолога, законодатель фактически ставит знак равенства между специалистами различного профиля. При производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, указанные участники наделены совокупностью прав, предусмотренных в ч. 5 ст. 425 УПК РФ. Однако применительно к несовершеннолетним потерпевшим права педагога и психолога в законе не конкретизированы. Помимо изложенного, необходимо учитывать и иные особенности проведения допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний с участием несовершеннолетних потерпевших, так как с учетом их физиологических и психологических

характеристик выполнение указанных следственных действий может вызывать определенную сложность.

При проведении очной ставки следует исключить возможность их запугивания, оказания психологического воздействия другим участником следственного действия. В определенных ситуациях, когда есть опасения относительно возможного нанесения вреда интересам несовершеннолетнего, следует и вовсе отказаться от ее организации.

При осуществлении опознания в целях обеспечения безопасности, исключения психологического травмирования несовершеннолетнего потерпевшего надлежит руководствоваться правилами ч. 8 ст. 193 УПК РФ и во всех случаях производить данное следственное действие в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Следовательно, в отношении лиц указанной категории подобные правила надлежит применять независимо от наличия достаточных данных полагать, что существует угроза их безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ). Проверка показаний на месте и следственный эксперимент – это такие следственные действия, при выполнении которых несовершеннолетние лица, погружаясь в обстановку имевших место событий, в силу повторных переживаний могут проявить неадекватную реакцию, отнюдь не способствующую продуктивности дальнейшей с ними работы следователя, дознавателя. Тем не менее в законе отсутствуют какие-либо указания, позволяющие должностным лицам провести в случае необходимости предварительную психологическую подготовку несовершеннолетних потерпевших с участием специалиста.

Таким образом, затронув в данной статье лишь некоторые проблемы, связанные с обеспечением прав несовершеннолетних потерпевших на досудебных этапах уголовного судопроизводства, приходим к выводу о необходимости оптимизации подходов к правовому регулированию правоотношений применительно к данной – наиболее уязвимой со всех точек зрения – категории его участников.

Обеспечение при производстве по уголовному делу прав и законных интересов лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, представляется в настоящее время одной из важных задач. Происходящие в последнее время сложные и противоречивые процессы в общественной, политической жизни отразились на правовом, государственном механизме предупреждения преступности несовершеннолетних, обеспечения их права на защиту в уголовном судопроизводстве. Поэтому они находятся под пристальным вниманием государства, при этом речь идет о поиске новых средств противодействия негативным явлениям в данной сфере.

Литература

1. Показатели преступности в России // Информационно-аналитический портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 1.02.2017).
2. Научно-практический комментарий к УПК РФ / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2002.

3. Макаренко И. А. Проблемы участия третьих лиц в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. № 1 (10). URL: <http://www.juvenjust.org/> (дата обращения: 1.02.2017).

Н. Ю. Лазарева

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА

Уголовная политика Российской Федерации сегодня подвергается обоснованной критике. Особенно наглядны ее изъяны в сфере законодательства. Только в 2016 году в Государственную Думу РФ было внесено 63 законопроекта об изменении или дополнении Уголовного кодекса РФ; 14 из них были приняты. Всего же за 20 лет действия УК РФ изменения в него были внесены 200-ми федеральными законами (первый из них – от 27 мая 1998 года № 55-ФЗ, последний – на момент написания данной статьи – от 7 марта 2017 года № 33-ФЗ) и 7-ю постановлениями Конституционного Суда РФ. «У будущего историка, – пишет профессор А. В. Наумов, – может сложиться впечатление, что Государственная Дума была уголовно-правовой» [11, с. 162].

Разумеется, подобная работа законодателей не могла не отразиться на качестве уголовного законодательства. Как следствие, действующий Уголовный кодекс РФ является уже не столько системным нормативным актом, сколько, по меткому выражению ряда исследователей, «лоскутным одеялом». И в таком виде он не может служить стратегическим целям уголовной политики.

Очевидно, одна из причин этого – непрофессионализм и некомпетентность отечественных законодателей, низкий уровень культуры российского правотворчества.

Справедливо критикуя отечественного законодателя за низкий уровень принимаемых законов, отметим, что Государственная Дума РФ перегружена законопроектами (см. таблицу).

Таблица

Статистические данные о результатах законодательного процесса в Российской Федерации (по итогам работы Государственной Думы второго, третьего, четвертого, пятого и шестого созывов)

Законопроекты	Периоды работы Государственной Думы				
	II созыв	III созыв	IV созыв	V созыв	VI созыв
внесенные в ГД	4 034	4 324	4 809	4 394	7 129
принятые ГД	1 045	781	1 087	1 608	2 200
подписанные Президентом РФ	737	731	1 076	1 605	2 195

Исходя из сложившейся практики, можно отметить, что в течение каждого созыва вносится около пяти тысяч законопроектов (данный показатель значительно превышен в VI созыве, поскольку он впервые был 5-летним), при этом не все они успевают пройти необходимые стадии законодательного процесса. В итоге каждому последующему созыву приходится «разгрести завалы» предыдущего периода, что сокращает время работы депутатов с актуальными законопроектами. Однако подобная загруженность отнюдь не снимает с законодателя ответственности за качество принимаемых им законопроектов, которое, по мнению профессора Т. Я. Хабриевой, в первую очередь зависит от умения подготавливать тексты документов, видеть и просчитывать их цели, юридические последствия их действия [12, с. 245]. Об отсутствии подобного навыка в современном уголовном законодательстве свидетельствует тот факт, что в некоторые статьи УК РФ изменения вносились неоднократно. Так, с момента принятия УК РФ изменения в ст. 116 УК РФ «Побои» были внесены пять раз (ФЗ от 8.12.2003 № 162; ФЗ от 24.07.2007 № 211; ФЗ от 7.12.2011 № 420; ФЗ от 3.07.2016 № 323 и ФЗ от 7.02.2017 № 8).

Вообще, «поправочное уголовное законодательство» приобрело лавинообразный характер. Подавляющая часть законодательной деятельности – это работа над ошибками. Частота внесения изменений и дополнений в Уголовный кодекс явно превышает разумный уровень, иногда доходя до абсурда, когда редактированию подвергаются даже те статьи, в которые совсем недавно были внесены изменения.

Профессор А. И. Бойко, отмечая низкое качество нормотворчества в сфере противодействия преступности, упоминает ст. 171, 174, 205, 228 и 234 УК РФ, которые «меняли свое содержание по семь раз» [2, с. 61]. При этом автор пишет не только о «поправочном», но и о так называемом «возвратном правотворчестве», когда за «непродолжительное время отношение к одному и тому же вопросу меняется на строго противоположное» [2, с. 61]. Классический пример нелогичного и непоследовательного изменения УК РФ – нормы об ответственности за клевету и оскорбление. Как известно, в настоящее время вместо утративших силу ст. 130 «Оскорбление» и ст. 128 «Клевета» в Уголовном кодексе РФ предусмотрена ответственность за клевету в ст. 128.1.

Нет сомнений, что у законодателей имеются основания для внесения в уголовный закон изменений и дополнений. Но и у таких изменений должны быть какие-то пределы – пределы стабильности. Как отмечают авторы монографии «Законодательный дисбаланс»: «Изменять закон 2–3 раза в год – значит подрывать его действие» [6, с. 471]. Что же можно сказать о стабильности Уголовного кодекса, если только за несколько дней – в декабре 2011 года на последней сессии Госдумы – были приняты десятки изменений и дополнений, введенных в российское законодательство, в том числе и в УК РФ. В. В. Лунеев пишет по этому поводу: «У нас стало традицией принимать важные для власти законы в последние дни работы Думы, когда многие депутаты прощаются с Думой. У большинства думцев нет времени вникать в представленные властями законопроекты, они многопрофильные, объемные и непонятные. Юридическая подготовка депутатов недостаточна для того, чтобы охватить Землю разом. Поэтому они голосуют так, как сказала партия. Сколько научно необоснованных и порочных законов было принято в таких «пожарных» условиях, неведомо» [10, с. 51–52].

Вполне очевидно, что нестабильность законодательства порождает ряд нежелательных явлений, последствия которых для общества могут быть необратимыми. Во-первых, подрывается сам авторитет закона. Во-вторых, бесконечные поправки, изменения и дополнения, которым подвергается действующий Уголовный кодекс, формируют такую ситуацию, когда рядовому гражданину, а порой и правоприменителю, не удается найти окончательный вариант текста той или иной статьи. Еще в начале XIX века Г. Ф. Покровский писал: «Несчастен тот народ, который имеет необъятное множество законов» [6, с. 472].

Еще одну серьезную претензию в адрес законодателя формулирует профессор А. И. Бойко: «Новации в УК стало модно производить по ситуативным криминализационным поводам, а не по тенденциозным социальным показателям (чего стоит скоропостижное введение нормы о повышенной и обособленной ответственности сотрудников органов внутренних дел после стрельбы по людям из табельного оружия одного негодяя в милицейской форме в одном из торговых центров; а если завтра в другом универсаме начнет убивать граждан вооруженный представитель Министерства обороны, ФСБ России, ФСО России и т. д. – станем точно работать и по этим адресам?)» [2, с. 62].

С указанным доводом трудно не согласиться. Припомним еще несколько предлагаемых «сиюминутных» новелл: так, на участившиеся случаи нападения на врачей Дума отреагировала двумя законопроектами: одним из них предлагалось дополнить УК РФ ст. 124.1 «Посягательство на жизнь медицинского работника при оказании скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи», ст. 124.2 «Применение насилия в отношении медицинского работника при оказании скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» и ст. 124.3 «Оскорбление медицинского работника при оказании скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи» [7]. Есть и альтернативный этому законопроект, посвященный схожей тематике, предлагающий за нападения на врачей «неотложки» привлекать к уголовной ответственности по ст. 318 УК РФ «Применение насилия к представителю власти» [8].

Впрочем, вышеуказанные законопроекты, на наш взгляд, свидетельствуют не об отсутствии правовой культуры отечественных законодателей, а, скорее, об отсутствии у них специальных знаний, профессиональных навыков формулирования законодательных актов уголовно-правового характера. Подтверждением сказанного является и тот факт, что в последнее время в российское уголовное законодательство неоднократно вносились изменения, которые порой противоречили друг другу, нарушая единство и системный характер норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса РФ, посвященных ряду правовых институтов.

Профессоры Ю. В. Голик и А. И. Коробеев в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ, проанализировав состояние современной уголовно-правовой политики России, дали свою оценку бесконечной череде изменений и дополнений, внесенных законодателем в Уголовный кодекс, который, по мнению авторов, в настоящее время представляет собой «абсолютно бессистемный конгломерат облеченных в закон, но оторванных от науки и жизни идей и фантазий его проектантов» [5, с. 1399].

Признавая, что Уголовный кодекс потерял всю системность и плохо способствует делу борьбы с преступностью, отметим и появление в нем «мертвых норм» [1, с. 4–10] и даже «норм аватаров» [4, с. 56–57], которые, по сути дела, воспроизводят действующие нормы уголовного права, создавая при этом путаницу и серьезные трудности в механизме уголовно-правового регулирования. Например, Федеральным законом от 6 июля 2010 года № 352-ФЗ примечание к ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» было дополнено п. 1.1, в котором дается понятие пособничества, повторяющее текст п. 5 ст. 33 УК РФ «Виды соучастников преступления». Представляется, что решение законодателя в этом случае не совсем корректно, поскольку нарушает требования законодательной техники построения юридических норм, с одной стороны, а с другой – такие повторения не способствуют правильной квалификации преступлений, наоборот, создают еще больше вопросов и разночтений, что приводит к судебным ошибкам.

Как отмечает профессор Л. И. Романова, все многочисленные и нескончаемые в настоящее время дополнения и изменения, вносимые в действующий Уголовный кодекс РФ, нарушили его внутреннюю систему, целостность восприятия, создали дополнительные трудности в практике применения. Однако действующих законодателей данная ситуация несколько не смущает, они продолжают с большим энтузиазмом вносить все новые и новые предложения по совершенствованию уголовного законодательства. Если же им не удастся придумать какой-то новый закон, то можно попытаться возродить старый, пусть даже неэффективный, в чем-то провальный и декриминализованный в далеком прошлом [13, с. 324–325].

Еще более жестко в отношении реформирования действующего уголовного законодательства высказался профессор С. Я. Лебедев. По его мнению, современная ситуация весьма пренебрежительного и далекого от юридического профессионализма отношения отечественного законодателя к уголовному закону превращает последний из мощного социально-правового средства защиты общественных отношений от преступлений в демонстративный атрибут законодательных инициатив чиновников, более направленных на лоббирование их собственных политических, как правило, замешанных на финансово-экономических, амбиций, интересов. Это повергает одних специалистов в области уголовного права и криминологии в откровенное отчаяние, других – в доходящую до агрессии реакцию неприятия любых инноваций уголовно-правового характера, сыплющихся на головы россиян из известного властного источника [9, с. 145].

Сказанное свидетельствует об очевидной потребности в расширении и углублении профессиональной компетентности парламентариев, служащих государственного аппарата в процессе постижения специально-юридических знаний в области права, законодательства и законодательной техники. Необходимо обеспечить высокий уровень квалификации специалистов и экспертов, вовлеченных в процесс подготовки законопроектов. Представляется, что российское уголовное законодательство обретет статус эффективного регулятора общественных отношений лишь тогда, когда законотворческая деятельность будет отвечать самым высоким стандартам правовой культуры, будет отражать

насуточные потребности социума, демократические основы разработки качественных нормативных правовых актов.

Подводя итог, хотелось бы отметить еще одну «удивительную» черту отечественного уголовного законодательства – наличие так называемого правового идеализма отечественных законодателей, преувеличение реальных регулятивных возможностей права. Считается, что решение всех проблем в сфере противодействия преступности – это принятие соответствующего закона, внесение изменений в УК РФ. Этот «романтизм» современного законодателя очень точно и емко прокомментировал профессор А. И. Бойко, высказавшийся за необходимость «временно приостановить производство нормативных предписаний и произвести санитарную уборку ненужного хлама... Лишь то общество имеет будущее, которое делает преимущественную ставку на саморегуляцию, нравственные стандарты, религиозные наставления и опыт старшего поколения, даже на поговорки и пословицы, а не на понуждение к официальным правилам силой государственного аппарата» [2, с. 62].

Литература

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. «Мертвые» нормы в Уголовном кодексе: проблемы и решения // Уголовное право. 2010. № 6.
2. Бойко А. И. Уголовное законодательство: от самонадеянности к ответственности // Закон и законодатель: проблемные вопросы законодательского процесса: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2014 года). М., 2015.
3. Власенко Н. А., Залоило М. В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законодательства // Юридическая техника. 2016. № 10.
4. Голик Ю. В. Уголовное право и криминология должны «работать» вместе // Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2016 года / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2016.
5. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства России: быть или не быть? // Lex Russia. 2014. Т. ХСVII. № 12.
6. Законодательный дисбаланс / И. Н. Сенякин и др. Саратов, 2013.
7. Законопроект № 992972-6 «О внесении изменений в статью 318 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части отнесения сотрудников бригад скорой помощи к представителям власти)». URL: www.duma.gov.ru (дата обращения: 12.04.2017).
8. Законопроект № 999789-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части введения повышенной уголовной ответственности за посягательство на жизнь медицинского работника, применение насилия в отношении медицинского работника и оскорбление медицинского работника)». URL: www.duma.gov.ru (дата обращения: 12.04.2017).
9. Лебедев С. Я. Криминология российского уголовного закона: оценки темного настоящего и предпосылки светлого будущего // Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2016 года / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2016.

10. Лунеев В. В. Проблемы российского уголовно-правового законотворчества (ч. I) // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2013. № 2 (29).

11. Наумов А. В. Основная причина бессистемных изменений («крюйки и шитья») Уголовного кодекса Российской Федерации // Закон и законодатель: проблемные вопросы законотворческого процесса: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 24 ноября 2014 года). М., 2015.

12. Парламентское право / под ред. Т. Я. Хабриевой. М., 2013.

13. Романова Л. И. Проблемы взаимодействия российского уголовного права и криминологии // Криминологические основы уголовного права: материалы X Российского конгресса уголовного права, 26–27 мая 2016 года / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2016.

**В. С. Маслов,
С. С. Сейфуллаев**

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Принудительные работы – вид уголовного наказания, который связан непосредственно с привлечением осужденного к оплачиваемому труду в местах, определяемых органами уголовно-исполнительной системы, с вычетом из его заработной платы определенной денежной суммы.

Принудительные работы были внесены в УК РФ как новый вид наказания 7 декабря 2011 года. Процесс применения данной новеллы должен был начаться с 2013 года. Однако, как известно, процесс реализации новых установленных норм является сложным, трудоемким и требующим физических и финансовых затрат. К сожалению, в связи с неготовностью уголовно-исполнительной системы, которая проявилась в отсутствии мест для отбывания наказания, введение в действие принудительных работ как вида наказания было отложено на 2014 год. В дальнейшем в средствах массовой информации появились сведения о том, что Министерство Юстиции РФ планирует выступить с законодательной инициативой о перенесении сроков применения данного нововведения на 2017 год. Обоснование ситуации было простым – нехватка финансовых средств для создания исправительных центров.

Исправительные центры – это места отбывания наказания приговоренных к принудительным работам. Об этом сказано в п. 1 ст. 60.1 УИК РФ «Места отбывания принудительных работ» [1].

С 1 января 2017 года в России были открыты 4 исправительных центра в Тюменской и Тамбовской областях, в Ставропольском и Приморском краях. Уже созданные и создающиеся в дальнейшем центры базируются на перепрофилированных исправительных или воспитательных колониях, каждый из них сможет принять от 70 до 150 человек. Кроме того, в ряде регионов откроются участки для содержания осужденных к принудительным работам. «То есть уже на первом этапе возможностью применения этого вида наказания будут охвачены все федеральные округа – появится 896 мест для осужденных

к этому новому виду наказания по всей стране», – отметил В. Максименко, заместитель директора ФСИН.

В интервью для ТАСС он подчеркнул: «Для осужденных есть лишь несколько ограничений: они не смогут самостоятельно выбирать работу, уволиться или поменять работу, без разрешения администрации покинуть исправительный центр. Других ограничений, по сути, нет – они живут в обычных общежитиях, а после отбытия одной трети срока наказания, если не было никаких нарушений, осужденному может быть разрешено проживать за пределами центра с семьей, но в пределах муниципального образования, где находится исправительный центр» [2].

Исправительные центры расположены в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором осужденные проживали или получили приговор.

При отсутствии на территории субъекта РФ по месту жительства осужденного к принудительным работам или по месту его осуждения исправительного центра или невозможности размещения и привлечения к труду осужденных в имеющихся исправительных центрах осужденные направляются по согласованию с соответствующими вышестоящими органами управления уголовно-исполнительной системы в исправительные центры, расположенные на территории другого субъекта РФ, в котором имеются необходимые условия.

Более того, изолированные участки, функционирующие как исправительные центры, могут создаваться при исправительных учреждениях, а сами принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы.

Каждый осужденный к принудительным работам обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров. Он привлекается к труду в соответствии с трудовым законодательством РФ, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, перевода на другую работу, отказа от выполнения работы, а также предоставления отпусков.

С осужденными к данному виду наказания администрацией исправительного центра проводится работа. Им разрешается обучение по заочной форме в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего профессионального образования, находящихся в пределах населенного пункта, на территории которого расположен исправительный центр. Принудительные работы назначаются на срок от двух месяцев до пяти лет.

Их срок исчисляется со дня прибытия осужденного в исправительный центр, но в этот срок не засчитывается время самовольного отсутствия осужденного на работе или в исправительном центре свыше одних суток.

В случае уклонения осужденного от отбывания наказания в виде принудительных работ или признания его злостным нарушителем порядка и условий отбывания данного наказания оно заменяется лишением свободы из расчета: один день лишения свободы за один день принудительных работ [3].

Однако стоит обратить внимание на тот факт, что замена принудительных работ лишением свободы при злостном нарушении порядка и условий отбывания наказания не предусматривается уголовным законом. Таким образом,

можно прийти к выводу, что законодательство в уголовно-исполнительной сфере и законодательство в уголовно-правовой сфере не скоординированы и не приведены в соответствие между собой.

Рассмотрим ч. 1 ст. 53.1 УК РФ. Наказание в виде принудительных работ является альтернативой лишению свободы. Однако если проанализировать полностью этот вид наказания, то несложно выявить аспекты, близкие именно к лишению свободы. Далее необходимо учесть ч. 6 ст. 53.1 УК РФ, в которой сказано, что в случае уклонения осужденного от отбывания данного вида наказания, он заменяется лишением свободы из расчета один день лишения свободы за один день принудительных работ. Время содержания лица под стражей до судебного разбирательства засчитывается в сроки принудительных работ также из расчета один день за один день. Видится верной позиция Э. В. Лядова, отмечающего, что такой вид наказания, как принудительные работы, вовсе не представляет собой альтернативу лишению свободы, а наоборот, тождественен ему [4].

На основании ст. 60.17 УИК РФ уклоняющимся от отбывания принудительных работ признается осужденный к ним:

а) уклоняющийся от получения предписания, указанного в ч. 2 ст. 60.2 УИК РФ;

б) не прибывший к месту отбывания принудительных работ в установленный предписанием срок;

в) не возвратившийся в исправительный центр по истечении разрешенного срока выезда;

г) самовольно оставивший исправительный центр, место работы и (или) место проживания, определенные администрацией исправительного центра, на срок свыше 24 часов [5].

В данном случае весьма интересно решение законодателя, стремящегося избежать бесосновательного применения традиционного термина – «злостное уклонение от отбывания наказания», несмотря на то, что он звучит оптимально.

Также в отношении осужденного к принудительным работам, признанного злостным нарушителем, существует возможность осуществления такой ситуации, как направление в суд представления о замене неотбытой части наказания к принудительным работам лишением свободы.

Согласно ч. 3 ст. 60.15 УИК РФ существуют две возможных вариации признания осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий их отбывания: при совершении злостного нарушения и при совершении в течение года трех нарушений, предусмотренных ст. 60.15 УИК РФ. При этом со дня направления представления и до принятия решения судом осужденный выдворяется в помещение для нарушителей.

Существует объективная необходимость отметить, что название «принудительные работы» не является соответствующим самой сущности данного наказания. По нашему мнению, принудительными являются все предусмотренные УК РФ виды наказания. Таким образом, вышесказанное еще раз подтверждает критическое отношение к новому виду нормы – принудительным работам, поскольку существующие проблемы ставят под сомнение его альтернативность и самостоятельность.

Литература

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 3 июля 2016 года) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
2. К вопросу о применении принудительных работ как вида уголовного наказания. URL: <http://novainfo.ru/article/8689> (дата обращения: 6.04.17).
3. Места отбывания принудительных работ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/d08045c89170627481513b3bc95aaceb167ba681/ (дата обращения: 6.04.17).
4. Уклонение от отбывания принудительных работ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/06d025f21c8af4fa87110b5acaf7d35d290dc420/ (дата обращения: 7.04.17).

**А. И. Марков,
Е. В. Решетов**

ПРОФЕССИОГРАММА И ПСИХОГРАММА ЮРИСТА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Кропотливая и крайне ответственная профессиональная деятельность юристов, работающих в судебной системе, органах внутренних дел, прокуратуре, следственном комитете и других правоохранительных органах, является разновидностью государственной службы, которой присущи определенные специфические особенности. Их понимание важно не только для разработки профессиограммы юристов-практиков, но также крайне актуально и при отборе кандидатов на получение юридического образования, то есть тех, кто мечтает в полном объеме познать одно из важнейших профессиональных направлений, призванное защищать законные права и интересы граждан.

Например, рассматривая деятельность прокурора, в первую очередь важно выделить те психологические особенности, которые составляют основу требований к его профессиональной пригодности и готовности выполнять крайне сложные повседневные служебные обязанности. Профессиограмма позволяет также акцентировать внимание и на тех основных требованиях к психологическим качествам юриста, которые определяют значимость и важность комплектования органов прокуратуры достойными гражданами нашей страны. Ведь одной из основополагающих функций прокуратуры как особого органа в системе правоохранительных и иных государственных органов и учреждений является надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и иных законодательных и подзаконных актов на всей территории страны.

Надлежащее исполнение юристом возложенных на него должностных обязанностей включает в себя и активное применение предусмотренных законом мер принудительного характера. Использование в случае необходимости от имени государства властных полномочий заранее предопределяет

и значительный уровень персональной ответственности юриста за свои профессиональные действия. Важно отметить еще одну особенность юридической деятельности, без которой вряд ли можно говорить о какой-то ее эффективности. Это правовая самостоятельность и независимость от всякого рода влияний, исходящих как от государственных, так и от негосударственных органов, учреждений и организаций, а также от любых должностных и иных лиц. Никто не вправе заставить юриста исполнять профессиональные обязанности вопреки закону и его личным убеждениям. Например, прокурор не обязан давать каких-либо объяснений по существу находящихся в его производстве дел и материалов, а также предоставлять их кому бы то ни было для ознакомления, кроме случаев, предусмотренных законом, в соответствующем порядке [1].

Тщательный анализ различного рода подходов и источников, характеризующих направления профессиональной юридической деятельности, позволяет согласиться с А. М. Шевченко, С. И. Самыгиным и В. В. Романовым, выделяющими четыре блока ведущих подструктур служебной деятельности: познавательную (познавательно-прогностическую), коммуникативную, организационно-управленческую и правовоспитательную (воспитательную) [2, с. 220–222; 3, с. 370–374].

Итак, к числу важнейших подструктур, характеризующих профессиональную деятельность юриста (профессиограмму), принято относить познавательную (познавательно-прогностическую). И это действительно так. Ведь без процесса познания вряд ли можно провести полноценное расследование преступления, изучение причин его совершения, а также разработать различного рода рекомендации по его недопущению и устранению. Характерной предпосылкой процесса познания является умение юриста, своевременное и качественное (в соответствии с регламентирующими документами), в строго определенной законом процессуальной форме закрепить полученные результаты. Иными словами, познавательная подструктура позволяет юристу выполнять профессиональные обязанности в соответствии с регламентированными, документально фиксируемыми действиями, с помощью которых, в том числе, можно и удостовериться в правильности полученных знаний и законности принятых решений.

Примером познания может служить процесс расследования преступного деяния, который характеризуется строгой регламентацией, протекает в условиях дефицита времени, а нередко и общественного резонанса. При этом, и это крайне важно, в большинстве своем он должен проводиться следователем (дознавателем) в пределах своей компетенции и с использованием имеющихся властных полномочий [4, с. 122–126]. Юрист (прокурор, следователь), проверяя информацию о совершенном противоправном деянии, изучает, сопоставляет (познает) обнаруженные на месте совершения противоправного деяния разнообразные вещественные доказательства и различного рода следы, оформляет многочисленные протоколы, закрепляющие проведенные следственные действия.

Отмечая важность процесса познания, полагаем необходимым указать на необходимость наличия у юриста определенных личностных качеств, которые в своей совокупности и составляют один из основных факторов

профессиональной пригодности: разносторонних общих и глубоких профессиональных знаний; развитого интеллекта и высокой умственной работоспособности; аналитического склада ума и прогностических способностей; умения выделять главное, активного восприятия и емкой памяти; устойчивого внимания, развитого воображения и интуиции. Разумеется, что юрист должен быть как физически, так и психически здоров.

Ни для кого не секрет, что регулярно сотруднику сферы юриспруденции приходится сталкиваться как с открытым (явным), так и скрытым (нередко и косвенным) противодействием. С одной стороны, оно преследует цель создания препятствий в ходе установления истины и исходит как со стороны нарушивших закон и пытающихся уклониться от уголовно-правовой (гражданско-правовой, административно-правовой) ответственности граждан, так и от иных лиц. С другой же стороны, противодействие расследованию может быть вызвано стремлением избежать давления со стороны «коллег по цеху», желающих повлиять на правомерность принимаемого решения.

Сотрудникам правоохранительных органов приходится повсеместно сталкиваться с различного рода нарушениями законности, и в результате их служебная деятельность нередко приобретает весьма напряженный характер, то есть отличается высокими эмоциональными и психологическими нагрузками, неритмичностью, а нередко и экстремальностью.

Отмечая важность коммуникативной подструктуры для повседневной профессиональной деятельности сотрудников в области юриспруденции, полагаем необходимым отметить, что в большинстве своем она протекает в условиях взаимодействия с окружающими, разновидностью которого является допрос и опрос граждан, обратившихся за помощью в правоохранительные органы. Общение юриста с людьми приобретает особый вид, становится профессиональным явлением. Полагаем, что профессиональное общение (допрос, опрос) можно рассматривать не только как обмен правовой информацией (коммуникативная его сторона), но и как процесс взаимодействия (интерактивная сторона), как процесс восприятия юристом и гражданином друг друга (перцептивная сторона).

По нашему мнению, именно способность юриста устанавливать межличностные (психологические) контакты в немалой мере способствуют созданию условий для более эффективного исполнения последним крайне сложных и невероятно ответственных профессиональных задач, стоящих перед ним. Регулярное его участие в следственных действиях, судебных разбирательствах или оперативно-разыскных мероприятиях – все это служебные или, иными словами, профессиональные ситуации, в ходе которых осуществляется коммуникативная деятельность юриста [5, с. 201]. В связи с особенностями профессии ему приходится проявлять себя в двух направлениях. Во-первых, в межличностном взаимодействии (допрос или опрос), а во-вторых, в публичных выступлениях перед аудиторией (например, в суде). Каждая из этих ситуаций, разумеется, требует от него специфических умений, особых психологических свойств. В первом случае это – владение средствами, способствующими установлению психологического контакта (межличностного познания), такими как: рефлексия, идентификация, умение слушать партнера, способность понимать и интерпретировать его невербальные сигналы. Наиболее важным, на

наш взгляд, для второй ситуации является умение выступать публично, развитая культура речи (четкость, понятность, правильность, убедительность) и хорошее владение механизмами психологического воздействия на коллективы (группы) людей [4, с. 122–126].

Значительное место в деятельности юриста занимают организационно-управленческие вопросы, от своевременного и правильного разрешения которых в немалой мере зависит и вся ее эффективность. Полагаем, что к числу приоритетных направлений здесь в первую очередь необходимо относить его умение работать с людьми. Это именно то качество, без которого он не состоится как специалист. Юрист-руководитель должен уметь эффективно и своевременно, с учетом индивидуально-психологических особенностей рядовых сотрудников, равномерно распределять между ними рабочую нагрузку и другие служебные поручения. Хорошим тоном для него является умение координировать и контролировать ход выполнения каждым сотрудником подразделения своих служебных обязанностей. Крайне важным видится умение создавать и поддерживать благоприятный психологический климат в коллективе, а также, если возникнет такая необходимость, оперативно устранять условия, способствующие возникновению конфликтных ситуаций. Полагаем, что важнейшие характеристики как юриста, так и юриста-руководителя, помимо глубоких профессиональных знаний и накопленного опыта, включают в себя: активность, инициативность и находчивость; смелость и настойчивость; умение найти и выделить главное, прогнозировать последствия принимаемых решений, нести ответственность за свои действия и совершенные поступки.

Не менее важно отметить и негативные качества, способствующие существенному снижению организаторских возможностей юриста-руководителя, эффективности его управленческого воздействия, психопатические черты и свойства характера, повышенная агрессивность и эмоциональная неустойчивость, пассивность и безответственность, а также избыточная мнительность и тревожность.

Подчеркивая важность в повседневной профессиональной деятельности правовоспитательной (воспитательной) подструктуры, необходимо обратить особое внимание на цели и задачи правосудия, ведущей составляющей которого является публичное осуществление профессиональной деятельности. Среди ее составляющих значительное место занимает участие в проведении профилактических мероприятий в ходе борьбы с преступностью. Данная ее подструктура проявляется и при проведении разъяснительной работы по действующим и вновь принятым законодательным актам, в том числе и с помощью средств массовой коммуникации [2, с. 220–222]. Каждодневная профессиональная юридическая деятельность немислима без участия в правовоспитательных мероприятиях, которое, разумеется, предполагает наличие у сотрудников правоохранительных органов не только высокого профессионального и культурного уровня, но и достаточной общеобразовательной компетентности, широкого кругозора и эрудиции.

По нашему мнению, анализ профессиограммы сотрудника в сфере юриспруденции будет не совсем полным, если мы не рассмотрим ее основополагающую составляющую – психограмму, представляющую собой системное описание требований, предъявляемых профессией юриста к характеризующим

ее психическим процессам, свойствам и состояниям [3, с. 370–374]. В число основных комплексов (факторов профессиональной пригодности), позволяющих выполнять служебные обязанности на должном профессиональном уровне, полагаем возможным включить: высокий уровень социализации личности и ее интеллектуального развития, эмоционально-волевую устойчивость, коммуникативную компетентность и организаторские способности. При этом одним из главных факторов, по нашему мнению, следует считать фактор социализации личности. Она проходит более успешно у тех сотрудников юридической сферы, которые обладают высоким уровнем правосознания, которым свойственно стремление помогать людям, честных, принципиальных, дисциплинированных и обладающих чувством долга. Свидетельством же профессиональной непригодности юриста будут полярно противоположные качества, включающие в себя: низкий нравственный облик, нечестность, безответственность, склонность к алкоголизму, аморальный образ жизни.

О высоком уровне интеллектуального развития сотрудника юридического профиля будет свидетельствовать наличие: аналитического склада ума, способности к абстрагированию, широкого кругозора и эрудированности, развитого воображения, наблюдательности, проницательности, интуиции и ряда других характеристик. Отмечая качества, способствующие высокоорганизованной работе, считаем необходимым указать и на те, которые характеризуют профессиональную непригодность и среди которых выделяются: низкая умственная работоспособность, недостаточно развитое воображение, слабая память и ряд других.

Выносливость в ситуациях длительных и интенсивных нагрузок, высокий уровень стрессоустойчивости, владение формами самоконтроля и способностями, позволяющими сдерживать спонтанно возникающие импульсивные реакции, служат своего рода показателем наличия высокого уровня эмоционально-волевой устойчивости, столь необходимой в рассматриваемых нами видах деятельности. Свидетельством же профессиональной непригодности по данному направлению факторов психограммы являются: низкий порог устойчивости к стрессу и повышенная эмоциональная напряженность, избыточная агрессивность и импульсивность поступков, быстрая истощаемость нервных процессов, психопатические свойства характера и другие качества.

Коммуникативная компетентность юриста предполагает наличие способности устанавливать и поддерживать психологический контакт с различными категориями граждан, оказавшихся в сфере деятельности правоохранительных органов. Среди качеств, столь необходимых юристу, обязательно должны быть сформированы и такие, как: проницательность, способность правильно интерпретировать поведение и невербальные проявления поведения собеседника. Разумеется, успешный юрист должен уметь различать правдивые и ложные утверждения показания опрашиваемых. Отличительной его чертой является вежливость, тактичность, умение слушать партнера по диалогу, а также способность в конфликтной ситуации избирать адекватную линию поведения и следовать ей. Полагаем, что юрист должен обладать и чувством юмора. Касаясь же качеств, свидетельствующих о профессиональной непригодности юриста, в первую очередь необходимо указать на такие, как замкнутость и повышенная сосредоточенность на своих проблемах и переживаниях,

легкоранимое самолюбие и повышенная обидчивость, конфликтность, агрессивность, эмоциональная неустойчивость и импульсивность, слабое владение вербальными и невербальными средствами общения.

Отмечая важность для юриста организаторских способностей, необходимо помнить, что ему, вольно или невольно, но приходится оказывать административное воздействие на различных субъектов, с которыми приходится вступать в диалог в процессе профессионального общения. Юрист, особенно управленческого звена, как мы уже отмечали ранее, должен обладать следующими качествами: повышенной работоспособностью, самостоятельностью, инициативностью, настойчивостью, целеустремленностью, уверенностью в себе, высоким уровнем стрессоустойчивости, чувством ответственности за свои действия, развитыми аналитическими способностями, умением планировать и прогнозировать совместную деятельность, распределять задания с учетом способностей и психологических качеств подчиненных и другими.

Таковы, на наш взгляд, основные подходы к пониманию важности и необходимости осмысления сути не только профессиограммы юриста, но и одной из главных ее составляющих – психограммы, позволяющих при правильном их понимании и использовании в повседневной практической деятельности более качественно исполнять сотрудниками-юристами возложенные на них служебные обязанности.

Литература

1. Федеральный закон от 17 декабря 1992 года № 2202-ФЗ «О Прокуратуре Российской Федерации» 1 (ред. от 19.12.2016). URL: <http://consultant.ru>.
2. Шевченко А. М., Самыгин С. И. Юридическая психология: учебное пособие / отв. ред. П. С. Самыгин. М., 2016.
3. Романов В. В. Юридическая психология: учебник для бакалавров. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
4. Еникеев М. И. Юридическая психология. М., 2014.
5. Бажович О. Я. Основы юридической психологии: курс лекций. М., 2005.

**Н. П. Мелешко,
А. Ю. Безгодов**

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ЕЕ ЗАЩИТЫ

Уголовный кодекс РФ 1996 года впервые включил общую норму, устанавливающую ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни.

Родовым объектом состава, предусмотренного ст. 137 УК РФ, в соответствии с законодательным размещением нормы следует считать общественные отношения по охране личности как носителя многих социальных благ и интересов (жизни, здоровья, достоинства, чести, конституционных прав и

свобод и т. д.). Личность в современном обществе выступает в качестве главного социального блага, что подтверждается архитектурой законодательного текста. Личность как объект уголовно-правовой охраны выступает в единстве своих биологической и социальной составляющих.

Видовым объектом преступлений данной группы выступают отношения по реализации и защите основных конституционных прав человека и гражданина. Л. Г. Мачковский указывает, что законодатель признает объектом посягательства на неприкосновенность частной жизни одноименное конституционное право. Об этом свидетельствует место нормы в системе Особенной части УК РФ [1, с. 148]. Однако точнее будет говорить о том, что непосредственным объектом данного преступления являются общественные отношения, связанные с обеспечением конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

В научной литературе в качестве предмета данного преступления называют сведения о частной жизни лица, то есть такие сведения, которые потерпевший и его семья желали сохранить в тайне, а также сведения, доверенные виновному без согласия на их дальнейшее разглашение [2, с. 20].

Существуют различные точки зрения, разнообразные определения сведений, относимых к личной и семейной тайне, но вместе с тем обозначающие характерные признаки данного понятия.

Например, И. Л. Петрухин, И. В. Смолькова и ряд других авторов полагают, что личную тайну составляет информация, имеющая сугубо личный характер. Это могут быть взаимоотношения, связи, привычки, взгляды, обстоятельства интимной жизни, склонности, пристрастия, скрытые физические недостатки, порочное прошлое, тайна дневников, личных бумаг и т. д.

К семейной тайне относятся такие обстоятельства, которые касаются семьи конкретного лица и по этическим соображениям скрываются от посторонних лиц [3, с. 104]. И. В. Смолькова отмечает, что понятия личной и семейной тайн тесно связаны между собой и во многом совпадают [4, с. 44].

Интересно мнение Л. И. Котиевой, которая считает, что к личным и семейным тайнам могут быть отнесены сведения, которые человек доверяет представителям отдельных профессий (сюда относятся тайна исповеди, врачебная тайна, тайна усыновления, адвокатская тайна и т. д.) [5, с. 18].

В русском языке под тайной понимается «нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет» [6, с. 85]. Если информация о личной и семейной жизни человека по каким-либо причинам уже стала известна неопределенному кругу лиц, распространилась, получила огласку, то такие сведения тайной уже не являются, и за их собирание или распространение ответственность не должна наступать не должна.

Личную тайну представляют собой сведения, касающиеся человека и сохраняемые им в режиме секретности от других лиц, за исключением сведений, характеризующих его публичную деятельность. К ней можно отнести информацию о: персональных данных, дружеских и интимных отношениях, сексуальной ориентации, религиозных или атеистических взглядах и убеждениях, имущественном положении, источниках доходов, месте проживания, увлечениях, пристрастиях, вредных привычках, заболеваниях (в том числе и о социально опасных: ВИЧ-инфекции, венерических болезнях, туберкулезе), проведении

досуга и т. д. Сведения о противоправном поведении лица (совершении преступления или административного проступка) не образуют личную тайну, и их разглашение (например, сообщение правоохранительным органам) должно признаваться общественно полезным, а не общественно опасным деянием.

Семейная тайна – это групповая тайна, носителями которой выступают члены одной семьи, представляющая информацию о взаимоотношениях между ними. В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (ред. от 03.12.2012) [7] семья – это лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство. В качестве носителей семейной тайны следует рассматривать не только супругов, родителей и детей, но и других лиц, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство (например, иждивенцев, не имеющих кровного родства с другими членами семьи).

Семейная тайна со временем может приобрести характер личной тайны. Например, супруги после расторжения брака продолжают держать в тайне сведения, которые ранее считали своей семейной тайной, а после развода сохраняют уже как личную тайну. Разновидностью семейной тайны является тайна усыновления. За ее разглашение ответственность наступает по специальной норме – ст. 155 УК РФ.

На наш взгляд, к предмету данного преступления следует отнести и сведения конфиденциального характера. УК РФ не содержит такого термина. Но понятие сведений конфиденциального (лат. *confidentia* – доверие), то есть доверительного, секретного характера давно стало правовым.

Следует сказать, что объектом уголовно-правовой охраны является лишь личная жизнь, не конфликтующая с законом. В том случае, если предметом тайны является противоправная деятельность как проявление личной жизни, то разглашение сведений о ней с целью пресечения противоправных действий не может рассматриваться как незаконное. Также нельзя относить к личной или семейной тайне сведения, ставшие известными, например, вследствие публичных высказываний лица о своей частной жизни, демонстрации своих фотографий, публикации собственных дневников, воспоминаний и т. д. Не относится к тайне и информация о личной жизни, которая в силу ее характера не может быть скрыта от окружающих (место жительства, работы).

Обязательной характеристикой данных сведений в рамках состава ст. 137 УК РФ является степень соответствия действительности – они не должны быть ложными. Иначе образуется состав клеветы, а не состав нарушения неприкосновенности частной жизни.

Интересный квалификационный вопрос возникает в ситуации, когда лицо распространяет сведения о частной жизни, не соответствующие действительности, не осознавая их ложности. В этом случае деяние следует квалифицировать по правилам о фактической ошибке – как покушение на нарушение неприкосновенности частной жизни, а не как клевету.

В юридической литературе нет единства взглядов на вопрос содержания объективной стороны преступления. По мнению одних авторов, объективная сторона нарушения неприкосновенности частной жизни предусматривает два вида противоправных действий, которые связаны с информацией о частной

жизни человека. Каждое из них выступает самостоятельной формой объективной стороны: 1) незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну, без его согласия; 2) распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации [8, с. 103].

В специальной литературе обозначена и иная позиция, согласно которой объективную сторону данного состава преступления образуют три, а не два противоправных действия: 1) незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну; 2) распространение таких сведений без его согласия; 3) распространение таких сведений в публичном выступлении, публично выставленном произведении или в средствах массовой информации [9, с. 146].

Полагаем, что эта дискуссия обусловлена неудачной конструкцией диспозиции ст. 137 УК РФ. Вполне логично говорить о том, что состав данного преступления альтернативен, и его формируют два равнозначных действия – собирание и распространение. Конструктивным его признаком является также негативный аспект – отсутствие согласия лица, к частной жизни которого эти сведения относятся, на указанные действия. Но введение в диспозицию в качестве самостоятельной формы основного состава распространения таких сведений в публичном выступлении, публично выставленном произведении или в средствах массовой информации представляется нам неудачным. В иных статьях данного раздела (ст. 130, ст. 131 УК РФ) сходный признак используется в качестве квалифицирующего. Полагаем, что более удачным законодательным решением было бы его закрепление в качестве квалифицирующего в ч. 2 ст. 137 УК РФ наравне с использованием служебного положения.

Публичность распространения значительно повышает степень общественной опасности содеянного, придает ему дополнительный общественный резонанс, информация о сугубо частных вопросах становится известна неопределенному кругу лиц. В этом ключе дифференциация ответственности представляется последовательной и оправданной.

Полагаем, что частная жизнь человека нуждается в повышенной уголовно-правовой защите от преступных посягательств и нормы, регулирующие ответственность за преступные нарушения частной жизни, требуют совершенствования и корректировки на законодательном уровне.

Литература

1. Мачковский Л. Г. Ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни в уголовном законодательстве России и зарубежный опыт // Правоведение. 2009. № 5.
2. Борзенков Г. Н. Уголовно-правовое обеспечение неприкосновенности частной жизни // Юридический мир. 2007. № 9.
3. Петрухин И. Л. Личные тайны (человек и власть). М., 1998.
4. Смолькова И. В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе. М., 1999.

5. Котиева И. Л. Частная жизнь как юридическая категория // Юридический мир. 2007. № 9.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 2011.
7. Федеральный закон от 24 октября 1997 года № 134-Ф «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (ред. от 3.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 43. Ст. 4904.
8. Журавлев М. П., Никулин С. И. Российское уголовное право. Особенная часть. М., 2009.
9. Борзенков Г. Н., Комиссаров В. С. Уголовное право РФ. Особенная часть. М., 2009.

В. Ю. Мельников

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Как обеспечиваются дознавателями, следователями, прокурорами права и законные интересы участников уголовного судопроизводства на современном этапе? Рассмотрим данный вопрос на примере производства некоторых следственных действий в отношении подозреваемого.

Содержание функции подозреваемого как участника процесса складывается из элементов осуществляемой им процессуальной деятельности, характер и направление которой зависят, в том числе от предоставленных ему законом процессуальных прав. Как субъект уголовного процесса он наделен законом необходимым правом для защиты своих интересов и несет определенные обязанности. Статус этого субъекта не в полной мере соответствует конституционным нормам. Используя формулировку Конституционного Суда РФ, можно утверждать, что понятие «подозреваемый» подлежит толкованию в конституционно-правовом, а не в придаваемом ему УПК РФ более узком смысле [1].

В пункте 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого однозначно определяется как мера процессуального принуждения. Его цель – кратковременная изоляция лица, подозреваемого в совершении преступления, «для нейтрализации вероятного противодействия расследованию». Цель же следственных действий – установление фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Процессуальное задержание не обладает познавательными свойствами, а лишь создает необходимые предпосылки для проведения таких следственных действий, как личный обыск задержанного, допрос подозреваемого, осмотр его одежды, освидетельствование [2, с. 39–40].

Для того чтобы произвести следственное действие, также необходимо принять решение о его производстве. Не всегда оно должно отображаться в каком-либо документе. В УПК РФ определение понятия следственных действий, а также их четкая система отсутствуют, что создает трудности теоретического переосмысления этого правового института и практического его применения. Так, УПК РФ не содержит прямого указания на задержание как неотложное следственное действие (ранее это предусматривалась законом в ст. 119 УПК РСФСР).

Пункт 19 ч. 1 ст. 5 УПК РФ не указывает, что задержание относится к неотложным следственным действиям. Какие действия относятся к таковым – ст. 157 УПК РФ также не разъясняет. 68,2 % опрошенных автором практических работников продолжают считать задержание неотложным следственным действием, обосновывая это, в частности, тем, что составляется протокол следственных действий (задержания). В то же время задержание, по мнению автора, понимается законодателем напрямую – как мера принуждения и косвенно – как неотложное следственное действие. В результате задержания подозреваемого и составления соответствующего протокола могут быть обнаружены и зафиксированы следы преступления и доказательства (п. 19 ст. 5 УПК РФ).

Задержание, являясь первоначальным актом уголовного преследования лица, существенно затрагивает право гражданина на свободу и личную неприкосновенность. Оно может применяться только в исключительных случаях, не терпящих отлагательства. Если нет необходимости в его срочном проведении, то задержание не может быть признано правомерным. В таких случаях следует решать вопрос о наличии оснований для применения к лицу меры процессуального принуждения.

По данным исследования, проведенного И. А. Веретенниковым, протокол задержания фактически не используется в качестве самостоятельного доказательства [3, с. 10]. В то же время задержание лица по подозрению в совершении преступления дает возможность органам расследования предотвратить или пресечь преступные действия правонарушителя, получить сведения относительно обстоятельств преступления, личности подозреваемого, его соучастников, мотивов совершения преступления, обнаружить вещественные доказательства, документы и иные сведения, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела.

УПК РФ строго урегулированы условия, основания и порядок осуществления задержания подозреваемого [4, с. 99]. Неотложность этой меры объясняется тем, что она осуществляется без предварительного разрешения прокурора или суда, ориентирована на кратковременный срок, в течение которого выясняются обоснованность подозрения и необходимость применения к задержанному меры пресечения заключения под стражу [5, с. 28].

В. А. Семенов справедливо отмечает, что одним из процессуальных средств раскрытия преступлений и изобличения виновных является институт следственных действий, основные положения которого регламентируются законом в рамках досудебного производства [6, с. 3–5]. В то же время в УПК РФ отсутствует единое понятие следственных действий, хотя этот термин достаточно часто встречается в законе. В научной литературе до сих пор разрабатываются различные подходы к попытке его конкретизировать с учетом главных признаков, отражающихся в предлагаемых дефинициях и позволяющих сформулировать развернутое определение.

В последние годы в УПК РФ система следственных действий расширена за счет проверки показаний на месте, контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Важное значение имеет правильное установление оснований производства следственных действий, их формальная выраженность в процессуальных решениях органа предварительного расследования. Законность

и обоснованность их проведения определяются не только наличием фактических и юридических к тому оснований, но и соблюдением условий и общих правил производства, которые требуют своего совершенствования.

Как известно, в п. 32 ст. 5 УПК РФ дается понятие процессуальных действий, охватывающее совокупность следственных, судебных или иных действий, предусмотренных УПК РФ. Это означает, что понятие «процессуальное действие» является общим по отношению к термину «следственное действие», который прочно закрепился в научных исследованиях, законодательной деятельности и правоприменительной практике. Вместе с тем в законе не указаны отличительные признаки, присущие следственному или иному действию, предусмотренному УПК РФ, позволяющие отграничить друг от друга эти правовые категории.

Отсутствие четкой регламентации рассматриваемого вопроса в уголовно-процессуальном законодательстве на протяжении длительного времени является одной из причин существования различных точек зрения на понятие подозреваемого [7, с. 161]. Анализ правового положения подозреваемого в уголовном процессе России часто основывался на его чисто уголовно-процессуальных аспектах. Такой подход всегда был традиционен, поскольку само понятие подозреваемого в юридическом, а не в общеупотребительном смысле – исключительно уголовно-процессуальная категория. Фактически же совокупность правовых средств, определяющих процессуальное положение подозреваемого, гораздо обширнее, она далеко выходит за рамки уголовно-процессуальных отношений.

«Способы закрепления в уголовно-процессуальном законе, – пишет А. В. Гриненко, – таких действий, как задержание подозреваемого (ст. 91 УПК)... дают основание утверждать, что они являются процессуальными, но не следственными действиями, так как производство указанных действий осуществляется главным образом для обеспечения надлежащих условий производства следственных действий или для достижения иных целей, не связанных непосредственно с получением доказательств» [8, с. 160]. С. А. Шейфер считает, что для достижения познавательной цели может быть пригодно задержание подозреваемого [9, с. 40]. В то же время основания, время и место задержания, указываемые в протоколе процессуального задержания, часто самостоятельного доказательственного значения не имеют и используются при принятии решения о применении этой меры принуждения, поскольку уже присутствуют в материалах уголовного дела (например, показания очевидцев).

М. В. Савельева, А. Б. Смушкин рассматривают задержание как «одно из немногих следственных действий, которое характеризуется большим количеством неблагоприятных стрессовых факторов» [10, с. 91]. Неубедительна аргументация А. П. Аленина, который утверждает, что размещение меры принуждения «задержание подозреваемого» в отдельной гл. 12 раздела «Меры процессуального принуждения» свидетельствует о признании законодателем ее двойственного характера: одновременно быть мерой процессуального принуждения и самостоятельным следственным действием [11, с. 89].

В. А. Семенцов полагает, что законодатель совершенно верно отказался от двойственного понимания правовой природы задержания подозреваемого, тогда как согласно УПК РСФСР 1960 года это процессуальное действие

являлось одновременно и мерой принуждения, и неотложным следственным действием.

Следует отметить, что задержание не содержит ни поисковых, ни познавательных, ни удостоверительных операций. В то же время задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, создает необходимые предпосылки для получения доказательств, установления и закрепления следов преступления (ст. 74, 86 УПК РФ), а также проведения других следственных действий: личного обыска задержанного (ст. 93, 184 УПК РФ), допроса подозреваемого (ст. 46, 76, 187–190 УПК РФ), осмотра его одежды (ст. 83, 166 УПК РФ), освидетельствования (ст. 179 УПК РФ).

Осуществленное автором исследование показало, что по вопросу о понятии процессуального задержания у практических сотрудников до сих пор имеются противоположные мнения: задержание является, с одной стороны, мерой процессуального принуждения, а с другой – неотложным следственным действием. Не все процессуальные действия являются следственными (п. 32 ст. 5, ч. 1 ст. 86 УПК РФ), поскольку могут не иметь свойств и признаков, присущих только им, например, непосредственной направленности на собирание доказательств [12, с. 98–102].

Не является обоснованной идея о том, чтобы признавать лицо подозреваемым только на основаниях, указанных в ст. 91, 97, 140, 146, 147, 223.1 УПК РФ. Перечисленные в них основания, как не входящие в предмет доказывания, могут рассматриваться в качестве причин для подозрения, а не признания лица подозреваемым. И. Л. Петрухин обращал внимание на то, что только через официальную, первоначальную постановку подозрения и производную от нее возможность принуждения можно полноценно закрепить статус подозреваемого в соответствии с логикой уголовно-процессуальной деятельности [13, с. 56–57]. В УПК РФ нет единого подхода к исчислению периода пребывания лица в процессуальном статусе подозреваемого. Следует отметить, что данная неопределенность проявляется в ряде нарушений уголовно-процессуального закона.

В уголовном судопроизводстве России предусмотрены единые основания привлечения граждан к участию в уголовно-процессуальной деятельности, единые гарантии их прав, свобод и законных интересов (ст. 42, 44, 47, 54, 55 УПК РФ). Применительно к подозреваемому такая логика нарушена, так как лицо становится подозреваемым не на основании специального постановления, а в основном на основании актов, свидетельствующих о применении мер процессуального принуждения, уведомления о подозрении.

Существующий порядок обозначения лица в качестве подозреваемого, с одной стороны, не совсем согласуется с общими правилами уголовного судопроизводства, а с другой – не обеспечивает на достаточном уровне надежности охраны прав и законных интересов граждан. Логически неверным было бы считать, что человека подозревают потому, что к нему применяли, например, задержание, а не потому, что для принятия этих мер имеются фактические данные об его причастности к преступлению.

Важно не только правильно определить понятие подозреваемого, но и установить соответствующие гарантии того, чтобы действия, посредством которых гражданин ставится в положение подозреваемого, совершались лишь

при наличии действительной необходимости быстро и полно раскрыть преступление. Нет оснований согласиться с позицией Е. Э. Цибарта, заявляющего, что «...специальное постановление о признании лица подозреваемым будет являться... расширяющим основанием для привлечения лица в качестве подозреваемого...», так как постановление – это лишь решение дознавателя, следователя, прокурора, вынесенное при производстве предварительного следствия (п. 25 ст. 5 УПК РФ), а не основание для признания лица подозреваемым [14, с. 39].

Подозреваемого необходимо допросить немедленно после вручения ему уведомления о подозрении. На взгляд автора, УПК РФ необходимо дополнить отдельной статьей, посвященной допросу подозреваемого: «Часть 1. Следователь, дознаватель допрашивает подозреваемого после предъявления ему постановления о привлечении в качестве подозреваемого с соблюдением требований п. 3 ч. 4 ст. 46 и ч. 4 ст. 92 настоящего Кодекса. Часть 2. В начале допроса следователь объявляет подозреваемому, в совершении какого преступления он подозревается, с указанием на время, место, его юридическую квалификацию в соответствии с Уголовным кодексом РФ, выясняет, желает ли он дать показания по существу предъявленного подозрения и на каком языке. В случае отказа подозреваемого от дачи показаний следователь, дознаватель делает соответствующую запись в протоколе его допроса. Часть 3. Допрос проводится в порядке и с изъятиями, установленными ст. 189 настоящего Кодекса».

Показания подозреваемого также имеют значение для определения степени общественной опасности его личности и могут сыграть существенную роль в определении избранной для него меры пресечения до предъявления обвинения (ст. 100 УПК РФ). В некоторых случаях данный вопрос может быть рассмотрен только с учетом результатов допроса. Правдивые показания задержанного о совершенном им преступлении могут быть приняты во внимание при принятии решения об избрании для него меры принуждения.

По мнению автора, случаи допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет с участием педагога и его законного представителя (ч. 1 ст. 191 УПК РФ) следует распространить на подозреваемого и обвиняемого, обладающих аналогичным статусом (если они подозреваются или обвиняются в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления). Стоит применить к несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым в возрасте до шестнадцати лет особенности допроса, предусмотренные ч. 2 ст. 191 УПК РФ, то есть при разьяснении их процессуальных прав, предусмотренных ст. 46, 47 УПК РФ, им указывается на необходимость говорить правду.

Как показало осуществленное автором исследование, в ситуациях непосредственного обнаружения общественно опасного деяния задержание заподозренного лица всегда производится тогда, когда уголовного дела еще нет, и оно объективно не может быть возбуждено, процессуальное решение не вынесено. В случаях, абсолютно не терпящих отлагательства, когда лицо застигнуто в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения, либо очевидцы прямо укажут на определенное лицо как на совершившее преступление, задержание подозреваемого в совершении преступления может быть произведено до возбуждения уголовного дела. В этих случаях

оно позволит воспрепятствовать подозреваемому лицу довести преступление до конца, скрыться от органов дознания и следствия или продолжить преступные действия.

В ходе проведения автором анализа более 392 уголовных дел и опроса следователей было установлено, что 64,2 % из них выносили постановление о возбуждении уголовного дела хотя и в день задержания, до решения вопроса о водворении подозреваемого в ИВС или следственный изолятор, но фактически только после оформления протокола задержания.

В УПК РФ не содержится прямой нормы, запрещающей производить задержание до возбуждения уголовного дела. Согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ оно может быть отнесено к числу неотложных следственных действий, производство которых допустимо при определенных обстоятельствах только до возбуждения уголовного дела. Во время общения с доставленным для проверки лицом должны параллельно решаться вопросы и о возбуждении уголовного дела по данному факту, о его возможном признании подозреваемым в совершении преступления путем его допроса.

К сожалению, в следственной практике имеются случаи, когда следователь допрашивает лицо, подозреваемое в совершении преступления, в качестве свидетеля. Такая практика фактически нарушает требования презумпции невиновности.

При непосредственном обнаружении признаков преступления, задержании заподозренного лица основаниями для возбуждения уголовного дела будут объективные данные, указывающие на причастность к нему задержанного. Автор предлагает ст. 140 УПК РФ «Поводы и основания для возбуждения уголовного дела» дополнить п. 4 ч. 1 следующего содержания: «Непосредственное обнаружение признаков преступления при задержании заподозренного лица».

Непосредственное обнаружение признаков преступления можно рассматривать в качестве конкретных жизненных обстоятельств, представляющих собой достаточный набор данных о признаках преступления, предполагающий обязательное возбуждение уголовного дела. Повод, являясь результатом констатации наличия основания к возбуждению уголовного дела, неразрывно связан с последним [15, с. 65]. Его выяснение является одновременно и уточнением основания к задержанию определенного лица и его допроса.

Если обрисовать до конца логическую схему деятельности дознавателя, следователя в данной ситуации, то, полагаем, ему необходимо составить протокол задержания, принять решение о возбуждении уголовного дела (с согласия прокурора), рассмотреть вопрос о возможности признания физически задержанного подозреваемым по уголовному делу, допросить его в качестве подозреваемого и только затем рассмотреть возможность применения меры пресечения до предъявления подозреваемому обвинения (ст. 100 УПК РФ) или снятия подозрения и освобождения задержанного.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой

статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова». URL: <http://consultant.ru>.

2. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве. М., 2017.

3. Веретенников И. А. Задержание подозреваемого как комплексный правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

4. Цоколова О. И. Меры уголовно-процессуального принуждения, состоящие в изоляции подозреваемого, обвиняемого. М., 2008.

5. Григорьев Е. Л. Задержание подозреваемого. М., 1999.

6. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве. М., 2017.

7. Аверченко А. К. Подозреваемый и реализация его прав в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2001.

8. Руководство по расследованию преступлений: учеб. пособие / под ред. А. В. Гриненко. М., 2002.

9. Шейфер С. А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004.

10. Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия: учебник. М., 2011.

11. Аленин А. П. Виды и система следственных действий // Правоведение. 2004. № 1.

12. Комлев Б. А. Действие «процессуальное» и «следственное»: содержание и соотношение понятий // Право и государство. 2010. № 3.

13. Петрухин И. Л. Задержание // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права: сборник научных трудов М., 1987.

14. Цибарт Е. Э. Процессуальное положение подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2001.

15. Зажицкий В. И. Научные основы использования в уголовном процессе результатов оперативно-разыскной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

Е. В. Миллеров

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ
И СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫХ КРИТЕРИЕВ
ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ,
ПЕРЕМЕЩАЕМЫХ ЧЕРЕЗ ТАМОЖЕННУЮ ГРАНИЦУ
КОНТРАБАНДНЫМ ПУТЕМ**

Эффективная охрана культурных ценностей является важной социальной составляющей политики любого цивилизованного государства. Понятие культурных ценностей официально закреплено в ст. 3 Основ законодательства РФ о культуре [1]. Обращает на себя внимание широта данного понятия. Так, под культурными ценностями понимаются не только произведения в области культуры и искусства, результаты и методы научных исследований, культурной

деятельности, которые имеют историко-культурную значимость, здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты (то есть «опредмеченное» отражение нашей культуры), но также нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла.

Нельзя не сказать о том, что в уголовно-правовой литературе существует и ряд авторских определений культурных ценностей, сопровождающихся выделением их характерных признаков, довольно удачно обобщенных и проанализированных в некоторых научных трудах [2, с. 762–765].

Здесь пойдет речь об уголовно-правовой охране «опредмеченных» культурных ценностей, непосредственно о некоторых вопросах борьбы с их контрабандой.

Уголовная ответственность за нее сегодня предусмотрена ст. 226.1 Уголовного кодекса РФ. Данная уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за так называемые «особые виды контрабанды», поэтому предметом данного преступления выступают не только культурные ценности, но и ряд других объектов, например, таких, как боеприпасы, оружие, ядовитые, радиоактивные, отравляющие вещества и другие. Контрабанда наркотических средств и психотропных веществ выделена законодателем в отдельный состав преступления (ст. 229.1 УК РФ).

Относительно непосредственно контрабанды культурных ценностей состав преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, будет иметь место лишь в случае ее наличия в крупном размере. В соответствии с примечанием к ст. 226.1 УК РФ крупным размером применительно к данному случаю признается стоимость, превышающая 100 тыс. рублей.

Между тем следует подчеркнуть, что существовавшая ранее ответственность за контрабанду культурных ценностей согласно ч. 2 ст. 188 УК РФ (эта норма утратила силу в 2011 году) не предусматривала их стоимостного критерия в качестве основания для уголовной ответственности. Если еще немного углубиться в историю данного вопроса, то увидим, что ст. 78 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года в числе одного из видов контрабанды указывала незаконное перемещение через таможенную границу «...предметов художественного, исторического и археологического достояния народов РСФСР и зарубежных стран», опять же без указания их стоимости.

Если обратиться к положениям Закона РФ от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства РФ о культуре» [3], регламентирующего порядок вывоза из нашей страны, а также порядок ввоза в нее культурных ценностей, то увидим, что в числе признаков отнесения предметов к культурным ценностям также нет стоимостного критерия.

Более того, если вновь обратиться к диспозиции ст. 226.1 УК РФ, можно заметить, что, к примеру, для наличия состава указанного преступления при незаконном перемещении через таможенную границу особо ценных диких животных, занесенных в Красную книгу РФ и (или) охраняемых международными договорами, участниками которых является Россия, учета параметра какой-либо их стоимости не требуется. Вместе с тем прекрасно известно, что такие наиболее популярные для вывоза из нашей страны контрабандным

путем птицы, как сокол-сапсан и сокол-балабан в некоторых странах Азии пользуется особым спросом, и стоимость одной особи может достигать нескольких десятков тысяч долларов. Однако мы видим, что законодатель не применил стоимостный критерий для данного вида контрабанды, наверное, в большей степени руководствуясь в данном случае гуманистическими, а не материальными началами.

В случае же с контрабандой культурных ценностей законодатель сегодня в приоритет поставил в большей степени материальный, а не духовный критерий, с чем довольно сложно согласиться, поэтому считаем, что такое деяние, как незаконное перемещение через таможенную границу культурных ценностей должно образовывать состав преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, без привязки к материальному критерию (то есть без указания стоимости культурной ценности).

Литература

1. Закон РФ от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» (ред. от 29 июля 2017 года). URL: <http://consultant.ru>.
2. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2014. Т. 22.
3. Закон РФ от 15 апреля 1993 года № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ред. от 23.07.2013). URL: <http://consultant.ru>.

Е. А. Миллерова

ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРОСТИТУЦИЕЙ

Уголовную ответственность за деяния, связанные с проституцией, сегодня предусматривают ст. 240 и 241 УК РФ. Вместе с тем само занятие проституцией, как известно, является административно наказуемым деянием (ст. 6.11 КоАП РФ), равно как и получение дохода от занятия проституцией другим лицом (ст. 6.12 КоАП РФ).

Как справедливо отмечают в своих трудах некоторые ученые, преступления, связанные с проституцией, вызывают немало сложностей и ошибок в их квалификации [1, с. 122].

Итак, в ст. 240 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия этой деятельностью. Согласно ст. 241 УК РФ подлежат квалификации действия по организации занятия проституцией другими лицами, в том числе под данную уголовно-правовую норму подпадает и деятельность, направленная на содержание притонов для занятия проституцией или систематическое предоставление помещений для этой цели.

Говоря об уголовной ответственности за деяния, связанные с проституцией, нельзя обойти стороной и еще одну норму, ею является ст. 240.1 УК РФ «Получение сексуальных услуг несовершеннолетнего». Эта статья была введена

в УК РФ в декабре 2013 года. Уголовно наказуемым деянием согласно данной норме является получение сексуальных услуг несовершеннолетнего в возрасте от 16 до 18 лет лицом, достигшим 18-летнего возраста. Мы видим, что в диспозиции законодатель не применил термин «услуги проституции», а использовал обозначение «сексуальные услуги». Вместе с тем из примечания к данной норме, раскрывающего понятие «сексуальные услуги», видно, что это практически и есть услуги проституции, поскольку совершение лицом, достигшим 18-летнего возраста, с лицом указанного возраста (с 16 до 18 лет) полового сношения, мужеложства, лесбиянства или других действий сексуального характера именно при наличии условия денежной оплаты таких услуг или любого другого вознаграждения несовершеннолетнего или же третьего лица либо обещания вознаграждения этим лицам как раз и будет образовывать состав данного преступления. Не совсем понятно, почему законодатель отказался в данной норме применить термин «услуги проституции», ведь это очевидно из содержания примечания.

Установление законодателем в ст. 240.1 УК РФ уголовной ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, достигшего возраста не моложе 16 лет, понятно, ведь половые отношения с лицами, которые не достигли указанного возраста, а также развратные действия с ними охватываются ст. 134 и ст. 135 УК РФ.

Рассматривая основные сложности квалификации преступлений, связанных с проституцией, прежде всего, следует вспомнить об отсутствии официального закрепления понятия «проституция» в действующем законодательстве. В современном мире помимо традиционного, издревне сложившегося в обществе вида данного социального явления появились и иные формы оказания сексуальных услуг («секс по телефону», эротический массаж). В связи с этим возникает вопрос о том, являются ли они проституцией, соответственно, подлежит ли вовлечение лиц в данный бизнес и организация этого бизнеса уголовной ответственности по ст. 240 или 241 УК РФ.

Несмотря на сложности официального закрепления понятия порнографии законодателем, все же введено такое определение, как «материалы и предметы с порнографическим изображением несовершеннолетних» (примечание к ст. 242.1 УК РФ), помимо этого, как уже сказано выше, в примечании к ст. 240.1 УК РФ дано определение понятия «сексуальные услуги» применительно к данной норме. Настало время обозначить и официальную формулировку такого явления, как проституция, хотя, безусловно, как справедливо отмечают некоторые авторы, учитывая все современное разнообразие так называемой «сферы сексуальных услуг», законодателю это сделать будет непросто [2, с. 158].

Другой проблемой является уголовная оценка систематичности предоставления помещений для занятия проституцией при квалификации деяния по ст. 241 УК РФ. Относительно данного вопроса некоторые авторы правильно отмечают, что в примечании к ст. 232 УК РФ сегодня дано определение «систематичности» как для данной нормы, так и для ст. 241 УК РФ [3, с. 74]. Согласно этому примечанию под «систематическим предоставлением помещений понимается предоставление помещений более двух раз». Несмотря на введение в декабре 2013 года данного дополнения, видим, что оно не лишено

недостатков, а именно – не указан временной промежуток, в течение которого предоставление помещения более двух раз в вышеуказанных целях будет порождать систематичность. Ведь очевидно, что предоставление помещения для занятия проституцией более двух раз в течение года и в течение, например, пяти лет будет иметь разную общественную опасность.

Еще одной сложностью в квалификации преступных деяний, связанных с занятием проституцией, является необходимость разграничения ст. 241 УК РФ (организация занятия проституцией) с административно наказуемым деянием, предусмотренным ст. 6.12 КоАП РФ (получение дохода от занятия проституцией другим лицом). Здесь отличительным критерием объективной стороны состава преступления являются активные действия организационного характера.

Литература

1. Алихаджиева И. С. О совершенствовании практики применения составов преступлений о проституции // Современное право. 2009. № 5.
2. Миллеров Е. В. Юридическое значение и проблемы определения понятия «проституция» в условиях современной секс-индустрии // Проблемы права. 2012. № 5.
3. Готчина Л. В., Курилова Е. Н. О некоторых аспектах квалификации преступлений, предусмотренных статьей 241 УК РФ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1.

С. Ф. Милюков

ЭВОЛЮЦИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ К ЭКСТРАОРДИНАРНОЙ

Современная преступность (прежде всего, ее организованный и (или) вооруженный сегмент) становится все более дерзкой, безжалостной, изощренной. Наличие огромного (по сравнению с советским периодом) силового аппарата, как государственного, так и частного, не в состоянии надежно сдержать преступную экспансию. Причин его слабости множество. Назовем одну наиболее наглядную для юриста – несовершенство правового механизма применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, боевой и специальной техники для предупреждения, пресечения преступлений и других общественно опасных посягательств, а также задержания лиц, их совершающих.

Дело в том, что ст. 37 ныне действующего Уголовного кодекса РФ рассчитана на оборону от единичных, зачастую спонтанных насильственных и корыстно-насильственных посягательств (причинения вреда здоровью, убийства, изнасилования, грабежа, разбоя, хулиганства и некоторых других). Судя по официальной статистике, количество соответствующих преступлений неуклонно снижается. Так, в первом квартале 2017 года число зарегистрированных убийств сократилось на 8,8 %, умышленного причинения тяжкого вреда

здоровью – на 11,8 %, а изнасилований – даже на 31,6 % (!). Наряду с последними почти исчезли из следственно-судебной практики дела о хулиганстве – таких удалось выявить всего 448 примеров (- 26,3 %).

Ясно, что приведенная статистика не соответствует реальности – скажем, в I квартале текущего года, то есть накануне знакового террористического акта в петербургском метро, было зафиксировано всего 303 факта заведомо ложного сообщения об акте терроризма (- 39,3 %) и 307 эпизодов организации незаконной миграции (- 27,3 %). Однако и просто так отмахнуться от этих сведений нельзя – именно на их основе рассчитывается штатная численность органов МВД и других «силовых» ведомств, осуществляется дислокация подразделений и отдельных сотрудников, определяются стратегические и тактические цели и направления оперативно-разыскной, охранной и профилактической деятельности.

Поэтому законопослушная часть населения и впредь будет вынуждена прибегать к самозащите своей жизни, здоровья, половой свободы и имущества, не рассчитывая особо на своевременную и исчерпывающую помощь полиции и других правоохранительных органов.

Однако положение граждан, да и самого государственного аппарата усугубляется тем, что еще в позднеперестроечные времена они оказались под прессом организованных преступных формирований как гангстерского, террористического, вооруженно-сепаратистского, так и коррупционно-экономического толка.

От такого ранга преступников уже невозможно, что называется, «отмахаться» кулаками, отбиться подручными предметами и даже стрелковым оружием (охотничьим или травматическим). Здесь требуется выработать нетрадиционные подходы как с научных, так и, прежде всего, с практических позиций. Обозначим наше видение данного процесса.

Во-первых, оборона должна стать инициативной. Иначе говоря, правоохранительным структурам необходимо не только идти по следу бандита или террориста, но заблаговременно выявлять потенциальных кандидатов на эту роль, при необходимости провоцируя их, естественно, в рамках закона [1, с. 45–53], на проявление своей общественно опасной активности в удобной для сотрудников ситуации.

Во-вторых, некоторые (если не многие) акты обороны от представителей криминалитета высшего уровня должны оставаться тайными. Как это ни прискорбно, коррупция и низкий профессионализм многих следователей, прокуроров и судей не только не гарантируют привлечение виновных к должной ответственности, но и создают угрозу для более честных, инициативных сотрудников и, увы, немногочисленных «доброхотов» из числа граждан. Поэтому придется смириться с тем, что некоторые акты необходимой обороны будут фиксироваться как нераскрытые преступления (коль скоро «потерпевшие» осмелятся заявить о них в органы власти либо последние, не будучи посвященными в суть дела, начнут расследование сами).

Наконец, в-третьих, предлагаемая экстраординарная оборона может быть как симметричной, адекватной природе посягательства, так и асимметричной, когда ответный или упреждающий вред может существенно отличаться от наносимого злоумышленником по своей социальной и экономической природе.

Конечно, и впредь активные члены преступных группировок («боевики») будут уничтожаться на месте их выявления. Такая участь в некоторых случаях должна постигать их командиров разного уровня.

Что же касается пособников (прежде всего, финансистов, связников, укрывателей), то нужно ущемлять те их интересы, которые накрепко связаны с их не только противоправной, но и легальной деятельностью. Речь идет по существу об их разорении (в результате компьютерных «атак» исчезают финансовые активы, а материальные увозятся в неизвестном им направлении, нарушается связь, повреждается транспорт и т. д.).

Поскольку предлагаемые меры могут показаться фантастическими (хотя ряд из них уже давно применяется на практике) и требуют детальной научной экспертизы на предмет их законности, обратимся к более реалистичным вещам – состоянию уже сформированного нормативно-правового аппарата в этой сфере.

Нам неоднократно приходилось обращать внимание законодателей, практических работников и ученых-правоведов на вопиющие противоречия между основополагающими нормами уголовного права (ст. 37–42 УК РФ) и отраслевыми законами, регулирующими деятельность милиции (ныне полиции), внутренних войск (ныне Национальной гвардии), ФСБ, МО, ФСИН, природоохранных и прочих военизированных (вооруженных) структур, призванных силовым путем подавлять общественно опасную активность организованных и неорганизованных групп, а также посягателей-одиночек, которые могут быть не менее и даже более опасны как раз ввиду отсутствия контактов с преступной средой, находящейся под гласным и негласным надзором и наблюдением государственных структур и общественников-энтузиастов [3, с. 28, 44; 4, с. 34–36, 44–47, 80–83; 5, с. 40–44, 100–101; 6; 7; 8; 9, с. 176–190].

Однако законодатель остается глух к подобным рекомендациям. Мало того, он предпринимает шаги, усугубляющие вышеобозначенные правовые коллизии и усиливающие боязнь сотрудников силовых структур реализовывать предоставленные им полномочия даже тогда, когда промедление чревато угрозой для их собственной жизни и здоровья.

Подтверждением сказанного служит Федеральный закон от 28 декабря 2016 года № 503-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» и Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [9].

Первый из этих законов посвящен преобразованию строго законодательного акта (он был принят еще 21 июля 1993 года и в последующем неоднократно подвергался изменениям и дополнениям), который и раньше обладал серьезными недостатками в рассматриваемом ракурсе, на что нам приходилось обращать внимание [10; 12, с. 351–358]. Федеральный закон от 28 декабря 2016 года № 503-ФЗ эти недостатки не только не устранил, но и изрядно усугубил.

В новой редакции ч. 1 ст. 28 старого варианта закона установлено, что сотрудники уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) имеют право на применение силы, спецсредств и огнестрельного оружия «в случаях и порядке,

предусмотренном настоящим Законом и федеральными законами». Таким образом, Уголовный кодекс как системообразующий нормативный фундамент силового противодействия общественно опасным посягательствам специально не упоминается, а его главенствующая роль замалчивается.

Мало того, в ч. 4 той же статьи говорится, что «в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершающего побег... или иное преступление, сотрудник ... при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства». В результате неизбежно возникновение парадоксальных ситуаций, когда сотрудник УИС будет не вправе применять, скажем, резиновую палку или слезоточивый газ, но может наносить вред осужденному (заключенному) ломом, топором, молотком или гвоздодером. При этом в первом случае обороняющемуся следует руководствоваться положениями упомянутого закона от 21 июля 1993 года, а во втором – статьями 37–39 УК РФ, которые далеко ему не соответствуют.

Обозначенное противоречие рельефно проявляется при анализе содержания вновь введенной в данный закон ст. 28.1 («Порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия»).

Скажем, ч. 1 этой статьи обязывает сотрудника предупредить нарушителя о своих намерениях и предоставить ему достаточное время (!) для выполнения своих требований. Хотя закон и оговаривает возможность для сотрудника не делать такого предупреждения в некоторых экстремальных ситуациях, совершенно ясно, что он оказывается в гораздо более стесненном положении, нежели находящийся в той же обстановке обычный гражданин (ст. 37 УК РФ совершенно обоснованно не накладывает на обороняющегося обязанности предупреждать посягающего о причинении тому вреда и, тем более, не дает последнему своего рода временную «фору»).

Еще более дискриминационным выглядит требование п. 2 ч. 1 той же ст. 28.1, настаивающее на том, чтобы сотрудник обеспечивал наименьшее причинение вреда осужденным, заключенным и иным лицам (следует полагать, имеются в виду находящиеся на свободе их сообщники), а также безотлагательно предоставлял пострадавшим возможность получения медицинской помощи и способствовал «фиксированию медицинскими работниками полученных указанными лицами телесных повреждений».

Характерен обвинительный уклон последнего установления законодателя – налицо презумпция вины сотрудника! При этом он совершенно равнодушен к жизни и здоровью последнего, не обязывая управомоченных лиц оказывать ему медицинскую помощь и фиксировать последствия посягательств на его неприкосновенность.

Дискриминационный характер носит и сугубо техническая, на первый взгляд, норма, заключенная в п. 3 ч. 1 рассматриваемой ст. 28.1, в соответствии с которой сотрудник обязан доложить непосредственному начальнику и начальнику учреждения УИС «в письменной форме в возможно краткий срок, но не позднее 24 часов с момента применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия о каждом случае их применения».

Дело в том, что содержащаяся в докладе информация нередко инкриминируется сотруднику в ходе последующей проверки, предварительного

следствия и судебного разбирательства. Получается, что он обязан свидетельствовать против самого себя, что противоречит основополагающей конституционной норме, воспроизведенной в ст. 14 УПК РФ («Презумпция невиновности»). Посягающий при этом не обязан делать сообщение о конфликте с представителями власти, что ставит их в неравное процессуальное положение и зачастую влечет необоснованную дисциплинарную и даже уголовную ответственность инициативных и настойчивых сотрудников, оправдывая пассивность прочих коллег.

Следующие затем ст. 29 и 30 Закона от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» также отредактированы законодателем, что не избавило их от аналогичных пороков. Мало того, они противоречат и друг другу.

Так, ст. 29 («Применение физической силы») допускает применение таковой, в том числе боевых приемов борьбы, для пресечения не только преступлений, но и административных правонарушений. Тем самым законодатель занял, на наш взгляд, правильную позицию в многолетнем споре о допустимости необходимой обороны в отношениях иных, нежели преступление, правонарушений [12, с. 105–106].

Однако следующая за ней ст. 30 («Применение специальных средств») говорит о пресечении исключительно преступлений, обрывая, таким образом, правильную линию, ориентированную на противодействие административным деликтам, многие из которых (особенно в условиях концентрации общественно опасного элемента) по своей опасности приближаются к преступлениям и даже превосходят некоторые из них.

При этом применение электрошоковых устройств в случае противодействия законным требованиям сотрудника УИС, связанного с угрозой его жизни (!), оговаривается казуистическим условием невозможности применения для этого резиновой палки. Это еще одно (но не единственное) доказательство предвзятого отношения законодательной власти к жизненно важным интересам должностных лиц, стоящих на страже правопорядка.

В анализируемый закон введена новая ст. 31.1 («Запреты и ограничения, связанные с применением специальных средств»), многие положения которой также вызывают возражения с позиций приоритета защиты правоохраняемых интересов государства, должностных лиц и законопослушных граждан.

Так, сотруднику УИС запрещено применять специальные средства в отношении женщины с видимыми признаками беременности. Получается, что сотрудник вправе ударить палкой или натравить собаку на заведомо для него беременную женщину, у которой таковых признаков не наблюдается в виду ранних сроков беременности или (и) конституционных особенностей ее тела.

Запрещая применение спецсредств, направленное на лиц с явными признаками инвалидности, законодатель ударяется как в эту же крайность (внешние признаки инвалидности могут отсутствовать), так и в другую – отсутствие глаза, 1–2 пальцев на руке, хромота или немота суть, конечно, явные признаки физической неполноценности посягающего. Но в состоянии ли и подобная патология сколь-нибудь существенно снизить общественную опасность посягателя?

Серьезными недостатками страдает и вновь введенная ст. 31.2 («Применение огнестрельного оружия»). Уже в первой ее части (равно как и в ч. 1 ст. 29

того же закона) законодатель делает оговорку, что применение оружия возможно лишь в случаях, когда «другими мерами пресечь противоправные действия невозможно», а это прямо противоречит установлениям ч. 3 ст. 37 Уголовного кодекса РФ, гласящей: «Положение настоящей статьи в равной мере распространяется на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти».

Спрашивается, думали ли всерьез те, кто вводил это ограничение, о возможности его реализации при пресечении попытки осужденных завладеть огнестрельным оружием (п. 2 ч. 1 ст. 31.2) или отражении нападения уже вооруженных преступников на здания или сооружения УИС (п. 6 ч. 1 той же статьи)?

Характерно, что ст. 31.4 («Особенности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций») не закрепляет прямо критикуемое условие, что еще раз наглядно показывает бессистемность законодательных решений этих жизненно (в прямом смысле данного слова) важных практических вопросов силового противостояния общественно опасной экспансии.

Как отмеченные, так и другие недостатки проанализированного закона представлены в полном объеме и в Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Более того, в ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2016 года № 503-ФЗ «О внесении изменений в Закон РФ “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» трижды (!) подчеркнуто, что применение силы, спецсредств и оружия сотрудниками УИС, военнослужащими (в том числе органами ФСБ) и сотрудниками ОВД допускается только в порядке, на основании и в случаях, предусмотренных упоминаемыми выше и другими специально приняты законами. Тем самым напрямую отсекается действие системообразующих положений ст. 37–42 УК РФ.

Для устранения обрисованных выше нормативных коллизий, которые самым пагубным образом сказываются на должной активности сотрудников силовых министерств и ведомств, что вызывает законное возмущение населения, предлагаем дополнить вышеуказанные статьи УК РФ нормами о том, что при противоречии специальных законов и подзаконных актов закрепленным в УК РФ положениям действуют установления кодифицированного законодательного акта.

Литература

1. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Провокация в борьбе с коррупцией: диалектическое противоречие и пути выхода из него // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10. № 4 (40).
2. Милюков С. Ф. Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. СПб., 1998.

3. Каплунов А. И., Милюков С. Ф. Применение и использование огнестрельного оружия по законодательству Российской Федерации. СПб., 1998.
4. Каплунов А. И., Милюков С. Ф., Уткин Н. И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел. СПб., 2001.
5. Милюков С. Ф., Побегайло Э. Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками органов внутренних дел // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11.
6. Милюков С. Ф. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Г. Л. Касторского, А. И. Чучаева. СПб., 2009.
7. Милюков С., Никуленко А. Применение огнестрельного оружия при охране объектов животного мира и среды их обитания // Уголовное право. 2011. № 1.
8. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб., 2015.
9. Российская газета. 2017. 9 января.
10. Милюков С. Ф. Проблемы правового регулирования применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в учреждениях ФСИН России // Помилование, исполнение наказаний, преступность, связанная с употреблением и продажей наркотических средств, и ювенальная юстиция: материалы 10-го Международного семинара (г. Светлогорск, 13–16 июня 2007 года) / отв. ред. М. Г. Миненок. Калининград, 2008.
11. Милюков С. Ф. Комментарий к статьям 82–86 УИК РФ // Постатейный учебный комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации по сост. на 1 сентября 2009 года / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
12. Милюков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000.

**Р. Г. Непранов,
В. Ю. Казанков**

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА (ПРЕСТУПНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ) В МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Это обуславливает необходимость при принятии положений национального законодательства учитывать соответствующие международные обязательства государства [1]. Криминализация российского общества достигла небывалых размеров, «количество преступлений продолжает неуклонно расти, преступность в России приобретает

масштабы национального бедствия, при этом создается угроза национальной безопасности Российской Федерации» [2, с. 184]. Безопасность – это гарантируемое Конституцией Российской Федерации и другими федеральными законами состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от причинения физического, материального, морального, экологического, информационного или политического вреда, обеспечиваемое мерами политического, правового, социально-экономического и иного характера, направленными на снижение степени опасности такого вреда до социально приемлемого уровня [3, с. 62]. Под общественной безопасностью следует понимать состояние защищенности человека и гражданина, охраняемых законом общественных отношений, благ, интересов, наиболее важных социальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [4, с. 42].

Положения уголовного закона в части определения ответственности за создание, руководство и участие в преступном сообществе (организации) также должны соответствовать международно-правовым актам, затрагивающим данные вопросы. При этом суды могут непосредственно применить нормы международного права [5]. Однако, как правило, вопросы их использования решаются путем имплементации международно-правовых установлений в УК РФ [6]. Это и послужило основанием для принятия Федерального закона от 3 ноября 2009 года № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 245-ФЗ).

Н. Ф. Кузнецова подчеркивала, что «основополагающими признаны международные акты о борьбе с преступностью, которые прежде всего ратифицированы Российской Федерацией и вступили в силу. Уголовно-правовая компаративистика вышла в XXI веке на передний фланг унификации национальных уголовных законов для интенсификации противостояния преступности ввиду ее транснационализации и глобализации» [7].

Положения о понятии, признаках и правовых последствиях деятельности организованных преступных формирований содержатся в большом количестве международно-правовых актов, как непосредственно посвященных данному вопросу, так и косвенно его затрагивающих.

Институт соучастия в преступлении, регламентированный в нормах международного права, характеризуется практически теми же основными признаками, что содержатся и в национальном праве. Многие понятия и признаки соучастия в преступлении в международном праве являются оценочными, так как конкретное их наполнение зависит от национальных законодательств. Международное право отсылает в данном вопросе к положениям о соучастии, закрепленным в уголовных законах конкретных государств. Но оценочность касается лишь отдельных показателей соучастия, включая организованные его формы, само же определение преступных объединений вполне конкретно, что обуславливает возможность и необходимость его имплементации в национальное уголовное право.

Наибольшее влияние на российское уголовное законодательство в части определения понятия и ответственности за организованные формы соучастия

оказали универсальные международные договоры. При этом следует учитывать, что международное законодательство специально не регламентирует вопросы ответственности именно за преступное поведение в рамках преступного сообщества (организации). Термины «организация» или «сообщество» используются далеко не всеми уголовными законодательствами иностранных государств, международные же документы рассчитаны на применение многими государствами, поэтому ими формулируются достаточно общие положения, предполагающие определенную вариативность.

Международные договоры, касающиеся противодействия организованным преступным объединениям, можно разделить на две группы: международно-правовые акты, непосредственно посвященные данным вопросам, и – напрямую им не посвященные, но касающиеся некоторых аспектов проблемы.

Одним из основных международно-правовых документов, который оказал серьезное влияние на содержание УК РФ в части определения понятия, признаков и правовых последствий деятельности преступного сообщества (организации), является Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года (далее – Конвенция) [8]. Ее установления были положены в основу изменений и дополнений, внесенных упомянутым Законом № 245-ФЗ в УК РФ. Скорректированные в соответствии с ним положения действуют и сейчас.

Понятие преступного сообщества (преступной организации) фактически было заимствовано из определения организованной преступной группы, содержащегося в ст. 2 Конвенции [9, с. 33].

В ней определяется не сама транснациональная преступность, а ее проявление, связанное с организованной формой объединения – транснациональной организованной группой. В соответствии с п. «а» ст. 2 Конвенции понятие «организованная преступная группа означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду».

Из данной формулировки вытекают признаки, характерные для такого преступного объединения: 1) наличие структурно оформленной группы; 2) наличие в группе трех и более лиц; 3) существование в течение определенного периода времени; 4) согласованность действий группы; 5) направленность преступного объединения на совершение одного или нескольких преступлений, которые должны относиться к серьезным или непосредственно предусмотренным Конвенцией; 6) цель – получение финансовой или иной материальной выгоды [10].

Что касается первого признака, он был полностью имплементирован в УК РФ, о чем говорилось выше. Обращает на себя внимание тот факт, что для единообразного подхода к пониманию структурированности в Конвенции дается понятие этого признака. Так, в п. «с» под структурно оформленной понимается «группа, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана

развитая структура». Такое определение структурированности представляется не вполне логичным. Во-первых, в формулировке несколько раз используется отрицание «не», что представляет определенные сложности в понимании. Так, гораздо проще было бы установить, что в группе должен иметь место предварительный сговор на совершение преступления (преступлений), чем указывать на то, что она «не случайно образована». Во-вторых, вряд ли следовало указывать, что структурированность означает создание группы «не для немедленного совершения преступления», поскольку третий признак предполагает длительность существования организованной группы, что фактически отражает суть рассматриваемого аспекта. В-третьих, в отличие от ч. 4 ст. 35 УК РФ, которая требует обязательного наличия структурных подразделений, в Конвенции подчеркивается, что распределение ролей в организованной группе не обязательно. Следует поддержать ее создателей в том, что в транснациональной организованной группе должна быть развитая структура и непрерывность членства, но это входит в противоречие с ранее указанными признаками.

Не до конца продуманными выглядят и некоторые иные характеристики, в частности, наличие трех и более лиц. Получается, что организованная группа согласно Конвенции – более узкое понятие по сравнению с таковым в УК РФ.

Противоречиво с точки зрения российского законодательства выглядит пятый признак. С одной стороны, следует согласиться с необходимостью установления конкретной цели преступного объединения. С другой – оно вряд ли может создаваться для совершения одного преступления.

Достаточно спорным выглядит и упоминание получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, о чем уже шла речь.

Вопрос о формах проявления объективной стороны преступления рассмотрен ст. 210 УК РФ. Их круг увеличился после принятия Закона № 245-ФЗ, при этом он не основан на международном законодательстве, в связи с чем расширение его пределов вряд ли обосновано.

УК РФ и до ратификации Конвенции соответствовал в анализируемой части предписаниям, содержащимся в ее ст. 5, так как само создание, руководство и участие признавалось оконченным преступлением вне зависимости от того, совершат ли его (ее) члены еще какие-то правонарушения. При этом в Конвенции говорится о признании состава оконченным, если участники группы совершают покушение, в то время как в ст. 210 УК РФ преступление признается таковым фактически с момента приготовления.

Согласно Конвенции государства должны установить самостоятельную ответственность за организацию, руководство, пособничество, подстрекательство, содействие, дачу советов в отношении серьезного преступления, совершенного организованной преступной группой. Это обязательство не соответствует российской доктрине. Законодатель вполне справедливо не предусмотрел таких действий в УК РФ, так как они нарушили бы органичность института соучастия в преступлении, серьезно затруднив понимание вопросов ответственности соучастников, а также правил квалификации преступлений.

Таким образом, можно констатировать, что признаки организованной группы, имплементированные в УК РФ в связи с ратификацией Конвенции

2000 года, не в полной мере соответствуют характеристикам преступного сообщества (преступной организации), закрепленных в ранее действующих редакциях. Они сужают их. В связи с этим не все изменения ч. 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ представляются обоснованными.

Литература

1. Федеральный закон от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (ред. от 25 декабря 2012 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 29. Ст. 2757. URL: <http://consultant.ru>.
2. Безручко Е. В. Обеспечение безопасности здоровья граждан – важное направление реализации уголовной политики Российской Федерации // Бизнес в законе. 2009. № 1.
3. Безручко Е. В. К вопросу о понятии безопасности // Юристъ-Правоведъ. 2007. № 3.
4. Безручко Е. В. Уголовно-правовые средства обеспечения безопасности здоровья человека в Российской Федерации. М., 2014.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (ред. от 4 марта 2013 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12; 2013. № 5.
6. Вдовин В. А. Имплементация международно-правовых норм в уголовном праве Российской Федерации (вопросы Общей части): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2006.
7. Кузнецова Н. Ф. Предисловие // Взаимодействие международного и сравнительного уголовного права: учебное пособие / под ред. Н. Ф. Кузнецовой и В. С. Комиссарова. М., 2009.
8. Бюллетень международных договоров. 2005. № 2.
9. Безручко Е. В., Казанкова И. Н. К вопросу о понятии преступного сообщества (преступной организации) // Юристъ-Правоведъ. 2011. № 1.
10. Михайлов В. И. Конвенция против транснациональной организованной преступности и законодательство Российской Федерации // Законодательство. 2005. № 2.

Н. Г. Осадчая

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ НАКАЗАНИЯ: ПОТЕНЦИАЛ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современный период развития уголовного законодательства характеризуется интенсивным внесением изменений в Уголовный кодекс РФ, которые затрагивают как Общую, так и Особенную часть и касаются не только криминализации и декриминализации преступлений, но и наказаний за их совершение. Одна из сложностей реформирования уголовного закона заключается, на

наш взгляд, в том, что многочисленность внесенных поправок не освобождает законодателя от необходимости соблюдать единство и согласованность отдельных его норм, поскольку в совокупности они образуют стройную систему взаимосвязанных между собой предписаний. Однако иногда этот принцип нарушается. Так, Федеральным законом от 27 декабря 2009 года № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» в п. 5 ст. 73 УК РФ «Условное осуждение» внесено изменение, касающееся возложения определенных обязанностей на условно осужденного. Если раньше этот вопрос отдавался на усмотрение суда, то теперь суд обязан при назначении наказания условно возложить на осужденного те или иные обязанности. Мы приветствуем такое решение законодателя, считаем его целесообразным, поскольку основанием осуществления контроля за условно осужденным является вступление в законную силу приговора суда, в котором должны указываться требования, возлагаемые на условно осужденного, и испытательный срок, в течение которого освобожденный должен подтвердить свое окончательное исправление. Обязательное возложение обязанностей в большей степени соответствует сущности и социальному назначению данного института, а также достижению целей наказания. Вместе с тем оно предусмотрено и при условно-досрочном освобождении от наказания. Не вызывает сомнения сходство правовой природы этих мер, поскольку в обоих случаях речь идет о неприменении назначенного судом наказания к осужденному при условии выполнения им определенных обязанностей, способствующих его исправлению. Ввиду того, что на условно-досрочно освобожденных в большинстве случаев никаких обязанностей не возлагается, осуществление контроля, о котором идет речь в ч. 6 ст. 79 УК РФ, не осуществляется. Реальная возможность его установления возникает лишь тогда, когда суд, возложив на лицо определенные обязанности, направляет в соответствующий орган копию постановления об УДО с требованием постановки его на учет и осуществления контроля за выполнением условно-досрочно освобожденных судом требований или, освобождая осужденного условно-досрочно от основного наказания, оставляет дополнительное наказание в силе. В таком случае его исполнение возлагается на уголовно-исполнительную инспекцию, которая параллельно осуществляет постановку такого освобожденного на учет и последующий контроль за его поведением.

Таким образом, действующее правовое регулирование института УДО недостаточно выражает идею условности освобождения и испытания освобожденного лица и поэтому нуждается в соответствующей корректировке. Основой его совершенствования в этой части должно стать обязательное возложение на условно-досрочно освобождаемых определенных обязанностей, перечень которых должен быть установлен нормой закона об УДО. Следовательно, было бы логично, внося изменение в ч. 5 ст. 73 УК РФ, осуществить и аналогичные коррективы в ч. 2 ст. 79 УК РФ, установив обязательное возложение обязанностей на осужденного при его условно-досрочном освобождении, а не выборочно по усмотрению суда – как сейчас это происходит. Говоря об условном осуждении, нельзя не отметить также досадную ошибку,

допущенную в п. 5 ст. 74 УК РФ, где говорится: «В случае совершения осужденным... умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления...». Однако тяжкие и особо тяжкие преступления и так совершаются только умышленно, неосторожные преступления бывают максимум средней тяжести, поэтому слово «умышленного» тут явно лишнее и его необходимо исключить. Вызывает также некоторое возражение и регламентация условий назначения отсрочки отбывания наказания в ст. 82 УК РФ. Во-первых, в ч. 2 ст. 82 УК РФ говорится о том, что в случае, если осужденный отказался от ребенка или продолжает уклоняться от его воспитания после соответствующего предупреждения, суд только может, но не обязан отменить отсрочку отбывания наказания. Следовательно, суд может ее и оставить, но тогда теряется весь смысл применения данной меры. Ведь предоставление отсрочки – это гуманное действие, позволяющее осужденному дать надлежащее воспитание ребенку. Если же он этим воспитанием не занимается, суд, по нашему убеждению, обязан отменить отсрочку и назначить реальное отбывание наказания. Поэтому слова «может отменить» надо заменить на однозначную формулировку «отменяет».

Во-вторых, в ч. 4 этой статьи внесено изменение, касающееся сокращения отсрочки в случае истечения срока назначенного наказания. Однако в ст. 83 говорится о приостановлении сроков давности при отсрочке. Таким образом, период отсрочки будет длиться до достижения ребенком 14 лет, если суд не примет решение о его сокращении (это право, а не обязанность суда). В результате отсрочка наказания может длиться максимально почти 15 лет, если на момент вынесения приговора и назначения отсрочки осужденная была беременна. В отношении мужчин срок немного меньше, поскольку в период беременности женщины право на отсрочку у них, исходя из закона, возникнуть не может. Соответственно, все это время у таких осужденных будет сохраняться судимость, а на них будут воздействовать все негативные последствия, с ней связанные. В результате отсрочка превращается в гораздо более суровую уголовно-правовую норму, чем условное осуждение. Конечно, понятно стремление законодателя обеспечить надлежащее воспитание ребенка, но наличие судимого, а значит ограниченного в правах родителя – это все-таки не лучший метод. Тем более, что статья не предусматривает возложение обязанности заниматься воспитанием ребенка, а это является ее недостатком. На наш взгляд, необходимо урегулировать данный вопрос следующим образом. Следует установить в Уголовно-исполнительном кодексе РФ обязанность суда рассмотреть возможность отмены отсрочки отбывания наказания осужденным при достижении ребенком 14 летнего возраста. Также видится правильным обозначить в ст. 82 УК РФ при назначении отсрочки обязательное возложение на родителя обязанности заниматься надлежащим воспитанием ребенка. Тут, конечно, возникает вопрос о том, какое воспитание считать надлежащим. Его определение можно дать в примечании к статье. Это задача сложная, так как с одной стороны оно должно основываться на общепризнанных международных стандартах, с другой – учитывать, что речь идет об осужденном за преступление родителе. Также это должны быть критерии, которые смогут проверить правоохранительные органы и учесть суд. Проблема явно выходит за рамки данной статьи, но мы можем предположить, что надлежащее воспитание включает в себя:

1. Обеспечение необходимыми жизненными ресурсами: оборудованное место в жилом помещении, еда, одежда.

2. Посещение детского сада, школы.

3. Профилактическое и соматическое лечение.

Вообще, в институте отсрочки заключен мощный воспитательный потенциал. Ведь всем известно, что лучшее воспитание детей достигается собственным примером. Значит, если хочешь воспитать хорошего ребенка, то должен сам становиться лучше.

В-третьих, видятся несогласованными условия применения отсрочки и условного осуждения. Условное осуждение – более мягкая мера, чем отсрочка, поскольку испытательный срок в данном случае зачастую ниже, а соблюдение всех условий полностью исключает возможность применения наказания к осужденному, тогда как при отсрочке она сохраняется. Однако условия применения отсрочки более жесткие, она не предоставляется при осуждении к лишению свободы на срок более 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, тогда как условное осуждение может быть за них назначено. По нашему мнению, необходимо привести эти нормы в соответствие друг с другом, например, установив такое же условие и в ст. 73 УК РФ.

**Н. Г. Осадчая,
В. А. Куделя**

ПЕРСПЕКТИВЫ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Лишать человека жизни по чьим бы то ни было законам представляется нам недопустимым. Ведь само явление казни противоречит сущности человека. Мать рождает ребенка в больших муках, растит его, любит всем сердцем, потом ребенок становится убийцей, маньяком, насильником, преступником. У каждого государства свои законы, свои порядки. Во многих цивилизованных странах смертная казнь отменена, в том числе и в нашей стране. В современном обществе она в большинстве государств является незаконной, а в некоторых – законным уголовным наказанием лишь за чрезвычайно тяжкие преступления. Интересно отметить, что Китай до сих пор широко применяет смертную казнь за взяточничество, сутенерство, подделку денежных знаков, сокрытие доходов от налогообложения, браконьерство. В этой стране могут приговорить к смертной казни за злостное убийство амурского тигра. В России за такие преступления правонарушители могут получить лишь незначительные сроки лишения свободы, а то и вовсе условные наказания или денежные штрафы.

В советской и российской юридической практике для обозначения смертной казни в разное время использовались такие эвфемизмы, как «высшая мера наказания», «высшая мера социальной защиты», «исключительная мера наказания», так как официально считалось, что смертная казнь в СССР не практикуется, но применяется в виде исключения как реакция на особо тяжкие общеуголовные и государственные преступления. Но ведь не всегда, приговаривая к смертной казни, судили по закону. И примером тому являются кровавые годы становления советской власти

на Дону. Все мы в школе читали знаменитый роман М. А. Шолохова «Тихий Дон» [5]. Казаки зачастую без суда и следствия казнили друг друга только за принадлежность к разным лагерям. Сегодня «белые» учиняли расправу над «красными», завтра – «красные» расправлялись с «белыми». Здесь на память приходят расправа Мишки Кошевого над кумом и соседом Петром Мелеховым, казнь Подтелкова и его сподвижников. Жизнь порой бывает очень жестокой и непредсказуемой. Ведь смертная казнь – это один из наиболее древних видов наказания. «Око за око, зуб за зуб». Вспомним роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [4]. Еще раз перечитаем 16 главу «Казнь». Она обрывается на сцене смерти Иешуа (Иисуса Христа) на кресте. За что казнил Иешуа Понтий Пилат? Это порок под названием «трусость». Писатель не показывает нам сцену прихода Христа в Иерусалим, Тайную вечерю, моление в Гефсиманском саду, не рассматривает тему Иуды с его поцелуем, нет и апостола Петра и сцены отречения, Христос сразу поставлен перед Пилатом: оба героя, ведущие спор о добре и зле, как бы приближены к нам... Ведь Понтий Пилат понимает, как непрост этот проповедник, как позорно быть его палачом, и в то же время он боится немилости императора Тиверия. Пилат отнял у Левия Матвея счастье убить Иуду-предателя: это сделал по его приказу Афраний, начальник тайной службы. Да, порой предательство входит в историю как пример нам, потомкам: не совершать подобное. В давние времена справедливым наказанием за причинение смерти другому человеку являлась смертная казнь. А еще важную роль в те времена играл обычай кровной мести (кое-где он сохранился и в наши дни).

Смертная казнь сохранилась в большинстве современных государств. В развитых странах смертной казни всегда предшествует длительное судебное разбирательство на разных уровнях, подсудимому предоставляется возможность подачи апелляций. И иногда бывает так, что между вынесением приговора и его исполнением (или помилованием, а также смертью осужденного от других причин) проходят годы и даже десятки лет. В качестве примера можно назвать ситуацию с жителем США Джеком Олдерменом, который был приговорен к смерти за убийство своей жены 14 мая 1975 года в возрасте 24 лет, а казнен 16 сентября 2003 года – в возрасте 57 лет, то есть через 33 года. Казнь может производить только уполномоченный представитель государства в назначенное время, иначе это действие считается убийством и карается законом. В большинстве государств смертная казнь приводится в исполнение непублично, то есть при этом имеют право присутствовать только определенные законом лица. Иногда она может быть заменена пожизненным заключением или длительным сроком лишения свободы по решению суда. Приговоренный судом к смертной казни также может быть помилован высшим должностным лицом государства или штата (президентом, монархом, премьер-министром, губернатором). После Второй мировой войны в мире наметились тенденции к сокращению ее применения и полной отмене. Не последнюю роль в этом сыграли нормы ст. 3 и 5 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года [3], которые устанавливают, что каждый человек имеет право на жизнь и что никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному и унижающему его достоинство наказанию. Кроме того, отмена смертной казни рекомендована резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН от 6 декабря 1977 года [1] и от 15 декабря

1980 года [2], а также вторым факультативным протоколом к Пакту о гражданских и политических правах, принятым Генеральной Ассамблеей ООН 15 декабря 1989 года. На конец 2015 года 102 страны отменили смертную казнь за преступления (в том числе 4 в 2015 году). Кроме того, 6 государств сохранили ее только для отдельных особо тяжких преступлений, совершенных в военное время, исключив возможность назначения смертной казни за так называемые общеуголовные преступления. Ряд держав отменили смертную казнь на практике, то есть не приводили смертные приговоры в исполнение последние 10 лет, и собираются и в дальнейшем придерживаться моратория на данный вид наказания. 58 стран на момент 31 декабря 2015 года сохранили применение смертной казни, но не во всех из них в 2015 году смертные приговоры приводились в исполнение. Всего в 2015 году смертные казни не были зарегистрированы в 169 государствах – членах ООН (из 193-х).

Точное число смертных приговоров, ежегодно приводимых в исполнение в мире, неизвестно, так как некоторые страны, где смертная казнь применяется очень часто (например, КНР и КНДР), не публикуют никаких статистических данных о количестве казненных. По подтвержденным (далеко не полным) сведениям на конец 2015 года по всему миру осуществления смертного приговора ожидали не менее 20 292 человек. С 1965 года более 50 стран расширили перечень преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь. По данным на 2000 год в 21 стране предусмотрена смертная казнь за преступления, связанные с безопасностью страны (шпионаж, государственная измена). В 13 государствах ввели смертную казнь за терроризм, за воздушное пиратство, если они привели к гибели людей, за убийство заложников. В некоторых странах предусмотрен данный вид наказания за похищение людей, если оно стало причиной к их смерти, в 21 – за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, в 13 – за экономические преступления. В ряде исламских стран предусмотрена смертная казнь за прелюбодеяние, изнасилование, гомосексуализм, половую связь между мусульманами и немусульманами.

Считаем, что смертная казнь, конечно, должна быть отменена везде. Но в то же время необходимо ужесточить уголовные наказания, вплоть до пожизненного заключения, за терроризм, преднамеренное убийство человека, связь с распространением наркотиков и некоторые другие виды преступлений.

Литература

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 6 декабря 1977 года «Вопрос о смертной казни». URL: <http://consultant.ru>.
2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1980 года «Произвольные казни или казни без судебного разбирательства». URL: <http://consultant.ru>.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). URL: <http://consultant.ru>.
4. Шолохов М. А. Тихий Дон. М., 2014.
5. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М., 2016.

В. В. Панарина

О ПРИНЦИПАХ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК НОРМАТИВНО-ДОКТРИНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЕ

Одна из фундаментальных функций государства, как известно, заключается в защите прав и законных интересов человека, общества и государства. При этом важнейшей методологической основой его деятельности в данной сфере являются устоявшиеся социально-нравственные ценности, к числу которых с полным основанием можно отнести такие категории, как социальная справедливость, равенство граждан, независимо от их индивидуальных различий, гуманизм, свобода и социальная ответственность. Именно они положены в основу уголовного права правового государства, в известной мере трансформированы в нормах уголовного права и деятельности правоохранительных органов по их реализации путем адекватного отражения в конституционных и отраслевых принципах. Однако следует признать, что проблема этих принципов уголовного права является наиболее актуальной для современной юридической науки. В литературе, посвященной рассматриваемой проблеме, отчетливо наблюдается тенденция, связанная со снижением исследовательского интереса к данному вопросу. Большинство фундаментальных исследований по рассматриваемой проблеме относится к советскому периоду – 70-м годам прошлого века. Вот почему заслуживают пристального внимания работы С. С. Пирвагидова, Ю. Е. Пудовочкина, В. В. Мальцева, Ю. В. Голика, М. М. Бабаева и других авторов, анализирующих ее с учетом современных реалий и не совсем устойчивого развития концептуальных основ этой отрасли права.

Не случайно, видимо, устойчивое развитие уголовного права как отрасли стало предметом широкого обсуждения на 6 Российском конгрессе уголовного права, проходившем 26–27 мая 2011 года на базе юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Там поднимались фундаментальные вопросы теоретико-методологических предпосылок упомянутой проблемы. В частности, отмечалось, что множественные и столь частые изменения в действующем УК РФ лишают законодательство потенциальной возможности для стабильного и устойчивого развития уголовного права. Заслуживает в связи с этим внимания позиция профессора Б. Т. Разгильдиева, согласно которой устойчивое развитие уголовного права во многом зависит от совершенствования уголовного законодательства – исходя из существа предмета, метода, функций и задач этой отрасли права [1, с. 458]. Несомненно, особенности предмета и метода являются базовыми критериями, определяющими самостоятельность уголовного права как отрасли. Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо учитывать и принципы, которые позволяют наполнить юридическим содержанием, отвечающим букве и духу данной отрасли права, нормы уголовного закона.

Мы солидарны с позицией по этому поводу некоторых ученых (Ю. В. Голик, Л. В. Иногамова-Хегай, Т. В. Кленова и других), которые на упомянутом конгрессе отстаивали позицию о необходимости если не моратория, то упорядочения законодательской деятельности по повышению качества законопроектов. Проблема принципов уголовного права приобретает особую актуальность, поскольку

законотворческая деятельность, как собственно и правоприменительная, должна опираться на систему научно обоснованных положений как основополагающих идей, определяющих сущность институтов и норм уголовного права.

Устойчивое развитие уголовного права, под которым следует понимать адекватное соответствие законодательных и доктринальных концепций сложившимся криминальным реалиям, во многом зависит от правильной оценки его юридической природы, социальной и правовой функций.

Прежде всего, необходимо уяснить то обстоятельство, что уголовное право является отраслью законодательства в системе российского права, которое осуществляет регулятивную и охранительную функции. Для этого оно наделяется соответствующими возможностями, которые призваны обеспечить устойчивое развитие уголовного закона. При этом следует иметь в виду, что оно весьма ограничено в решении сложных социальных (экономических) или других проблем государства. Красноречивым свидетельством этого может служить то, что в дореволюционный и советский периоды истории уголовной политики в сфере наказания, как известно, широко использовался труд осужденных, особенно в малозаселенных местах Сибири и Дальнего Востока (ГУЛАГ, лесные исправительно-трудовые колонии, каторжные тюрьмы). Попытка решения социальных и экономических проблем за счет фундаментальных основ уголовной политики не имела успеха.

Вполне очевидно, что установление и реализация уголовной политики государства в сфере наказания должны опираться на стройную систему принципов, которые бы исключали произвольность в определении ее содержания или социальной направленности.

Кроме того, уголовное право может функционировать в неустойчивом режиме также и по причине постановки перед ним «высоких» социальных целей вроде «искоренения преступности» или «исправления и перевоспитания осужденных». Вполне очевидно, что институт наказания на статическом (догматическом) уровне представлен санкцией (мерой государственного принуждения), которая призвана в первую очередь обеспечить функционирование уголовно-правового запрета (регулятивная функция), а в случае нарушения последнего – покарать виновного (осужденного), обеспечив тем самым частную превенцию (охранительную функцию).

Следует согласиться с Ю. В. Баулиным, что социальное предназначение уголовного права состоит в определении цивилизованных рамок для государства при его обращении с лицами, совершающими преступления [2, с. 406]. Во взаимоотношениях «государство–преступник» оно предполагает, например, существенное уточнение принципа гуманизма (ст. 7 УК РФ), который подразумевает, что права и свободы личности преступника (виновного), не являющиеся объектом наказания, а также его человеческое достоинство подлежат уголовно-правовой охране. Однако уголовный закон (ч. 2 ст. 7 УК РФ) даже на уровне законодательной дефиниции указывает на то, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства». Из этого следует, что он допускает, по крайней мере, де-факто, самую возможность унижения человеческого

достоинства личности преступника или причинения физических страданий в процессе исполнения (отбывания) меры уголовного наказания.

Таким образом, устойчивое развитие уголовного права во многом зависит от верного определения и научного обоснования его принципов. Вот почему данная проблема является более чем актуальной для современной юридической науки, поскольку от ее решения зависит устойчивое развитие не только отдельных институтов, но и всей отрасли права.

Современная ее постановка заключается в том, что под влиянием процессов глобализации, а также с развитием международного права в сфере отправления уголовного правосудия происходит заимствование юридических понятий, институтов у других правовых систем, в результате чего появляются новые уголовно-правовые категории национального законодательства [3, с. 146]. В связи с этим возникает необходимость в выяснении сущности, содержания и научной состоятельности прежде всего – устоявшихся и даже ставших традиционными (базовыми) принципов уголовного права (законности, равенства граждан, справедливости, гуманизма, вины) в контексте их рассмотрения в непосредственной связи с учением о правовом государстве, концепцией прав и свобод человека, нормами международного права.

В теории уголовного права проблема его принципов по-прежнему остается предметом научной дискуссии преимущественно по нескольким направлениям: а) соотношение специальных уголовно-правовых (отраслевых) и общеправовых принципов; б) виды принципов уголовного права; в) определение содержания отдельных принципов уголовного права.

Трудно согласиться с отдельными авторами, которые считают данную проблему решенной, поскольку УК РФ 1996 года впервые в истории законодательства утвердил определенный перечень упомянутых принципов [4, с. 16]. Законодательное их закрепление (ст. 3–7 УК РФ), на наш взгляд, не только не решило рассматриваемой проблемы, но еще и в большей степени усложнило ее. Не совсем ясной является мысль законодателя относительно предметной направленности этих принципов: относятся они к статическому или динамическому аспектам функционирования уголовного права? Является ли отмеченный перечень исчерпывающим и какое юридическое значение он имеет? Вполне очевидно, что в тех отраслях права, где аналогия закона и даже аналогия права, к примеру – гражданском праве, являются допустимыми в правоприменительной практике, законодательный перечень принципов выполняет конструктивную роль. Как известно, аналогия закона в уголовном праве не допускается (ч. 2 ст. 3 УК РФ). К тому же следует заметить, что в юридической литературе нет единства мнений относительно законодательного закрепления принципов уголовного права: к примеру, профессор А. В. Наумов занимает позицию, согласно которой законодательный их перечень не обязателен. Мы не разделяем позицию отмеченного автора, так как упомянутый перечень позволяет осуществлять общественный контроль над правотворческой и правоприменительной практикой. Как отмечали С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев, уголовно-правовые принципы являются основополагающими исходными предписаниями и обязательны для законодателя, правоприменительных органов и граждан в сфере борьбы с преступностью [5, с. 23]. Как свидетельствует некоторая практика, даже небольшое отступление от них может вызвать

негативный резонанс, отрицательно влияющий на стабильность понимания функционирования уголовного закона [6].

Действующий УК РФ (ст. 3) практически воспроизводит принцип законности, закрепленный в ст. 54 Конституции РФ: «Никто не может нести ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением». В ч. 1 ст. 3 УК РФ формируется основное содержание этого принципа: «преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются настоящим Кодексом», а в ч. 2 этой статьи содержится прямой запрет на применение аналогии, так как это выход за пределы закона. Необходимо заметить в связи с этим, что формальный запрет на применение аналогии в советском уголовном законодательстве был введен только в 1958 году (Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик), хотя фактически аналогию уголовного закона можно было проследить на примере ст. 13 УК РСФСР 1960 года, которая применялась не только в качестве оснований необходимой обороны, но и в случаях, связанных с задержанием лица, совершившего преступление.

В контексте действия принципа законности подлежит рассмотрению и вопрос о месте судебного прецедента в уголовном праве. В зарубежном европейском праве, относящемся не только к англо-саксонской системе права, но и к романо-германской, например, Дании, Испании, Швейцарии и других государств, судебный прецедент признается в качестве источника уголовного права. В теории отечественного уголовного права судебную практику традиционно не считают таковым. Вместе с тем возрастающая роль кассационного прецедента, увеличение числа опубликованных обзоров судебной практики Верховного Суда РФ свидетельствуют о том, что судебная практика в известной мере является вспомогательным источником уголовного права, который не посягает на базовый принцип господства закона и не превращает судью в законодателя [7, с. 402]. Профессор А. А. Малиновский на основе результата анализа зарубежной и российской судебной практики пришел к выводу, что судебный прецедент играет значительную роль в правовом регулировании и называет его не чем иным, как «доработкой» судом законодательной деятельности парламента [8, с. 47].

Представляется, что судебный прецедент в деле решения проблемы принципа законности должен занимать особое место, поскольку большинство уголовно-правовых норм сконструировано по типу общих правил, которые далеко не всегда охватывают частные особенности действительности. Из содержания принципа законности, закрепленного в ст. 3 УК РФ, к сожалению, не следует, в каких случаях норму следует толковать ограниченно, а в каких – расширительно. Трудно согласиться с позицией, заявляющей, что принцип законности – второстепенный принцип уголовного права, поскольку он не отражает главного его содержания [9, с. 148]. Данный принцип, как известно, является общеправовым принципом, который приобретает свои особенности, связанные со спецификой предмета и метода отрасли права.

В юридической литературе определились две основные позиции по проблеме соотношения отраслевых уголовно-правовых и общеправовых принципов: большинство криминалистов полагают, что такое деление свойственно всем отраслям права; отдельные авторы считают, что специфических уголовно-правовых принципов не существует, а общеправовые принципы

действуют через отраслевые (общеправовые и отраслевые принципы соотносятся между собой как категории общего и особенного) [10, с. 143]. По мнению авторов фундаментальной монографии, затрагивающей данную тему, В. Н. Кудрявцева и С. Г. Келиной, общеправовые принципы действуют через отраслевые, а специфические отраслевые – являются не чем иным, как своеобразным преломлением общеправовых [5, с. 61–62]. Представляется, что общеправовые принципы, по сути, представляют собой конституционные.

Общеизвестно, что по мере перехода от самого высокого уровня обобщения, которым является право в целом, к более низким уровням увеличивается конкретность принципов, определяющих их юридическую специфику [11, с. 58]. Из этого методологически верного положения можно сделать вывод, что уровень обобщения принципов уголовного права – более низкий по сравнению с конституционным правом, которое, как известно, является основным законом в системе права. Неслучайным видится то обстоятельство, что принципы справедливости, гуманизма, вины, адекватности наказания и другие – получили закрепление в конституционных нормах. В литературе представлена точка зрения, заключающаяся в том, что отдельные принципы уголовного права, например, законности, сформулированы более узко по сравнению с общеправовыми принципами [9, с. 149]. Думается, что специфика отрасли права должна отражать их конкретные особенности, основываясь на непосредственной связи с ее предметом и методом правового регулирования общественных отношений. В связи с этим следует заметить, что само обоснование содержания принципов уголовного права в тексте закона, к сожалению, отражает отмеченные специфические особенности уголовного права не в полной мере. В отраслевых принципах отражаются лишь положения, имеющие непосредственное отношение к вопросам конструирования норм этой отрасли права или их реализации.

Более того, политические, экономические, социальные реалии, а также требования общественной морали непосредственного выражения в принципах уголовного права не находят, они оказывают опосредованное влияние через систему общеправовых (конституционных) принципов.

Таким образом, принципы уголовного права основываются на принципах конституционного права, которые лежат в основании всей правовой политики государства, в том числе и политики борьбы с преступностью. К числу таковых конституционных принципов можно отнести: принцип демократизма, принцип верховенства права, принцип равенства граждан, принцип исключения двойной ответственности, принцип законности, виновной ответственности, принцип гуманизма и другие принципы, являющиеся общими и обязательными для всех отраслей права. То есть общеправовые и отраслевые (уголовно-правовые) принципы иерархически соотносятся как уровни обобщения социальных и правовых явлений.

Литература

1. Разгильдиев Б. Т. Истоки уголовного права и критерии его стабильного развития // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы 6 Российского конгресса уголовного права / отв. ред. В. С. Комиссарова. М., 2011.

2. Баулин Ю. В. Предпосылки перехода уголовного права к устойчивому развитию // Уголовное право: истоки, реалии, переход к устойчивому развитию: материалы 6 Российского конгресса уголовного права. М., 2011.
3. Рахманова Е. Н. Проблемы общей части уголовного права о принципах уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в 21 веке: материалы 12-й Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 года) М., 2015.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть. М., 1996.
5. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988.
6. Законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц», разработанный Следственным комитетом РФ. URL: <http://sledcom.ru>.
7. Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2002.
8. Малиновский А. А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002.
9. Молчанов Д. М. Принцип законности как второстепенный принцип уголовного права // Уголовное право: стратегия развития в 21 веке: материалы 12-й Международной научно-практической конференции (29–30 января 2015 года). М., 2015.
10. Дагель П. С. Рецензия на книгу Фелелова П. А. «Понятие и система принципов советского уголовного права» (Свердловск, 1970) // Советское государство и право. 1972. № 3.
11. Коган В. М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М., 1983.

**Н. В. Петрашева,
А. Н. Сетраков**

ТАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА НА ПРИМЕРЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Современная уголовная политика Российского государства представляет собой сложный механизм, предусматривающий определенную стратегию и тактику борьбы с преступностью. Э. Ф. Побегайло отмечает, что «борьба с преступностью означает активную, наступательную деятельность путем воздействия на процессы детерминации, обуславливания этого антисоциального явления и применения к лицам, нарушающим уголовный закон, соответствующих мер государственного принуждения» [15, с. 4].

Реализация уголовной политики противодействия преступлениям террористической направленности сегодня напрямую зависит от эффективности действующих уголовно-правовых институтов, нормативно-правовых актов. К сожалению, непрерывное реформирование уголовного законодательства не всегда имеет под собой достаточную криминологическую базу, в большинстве

случаев производится без учета системности построения уголовного закона, вследствие чего меры государственного принуждения не достигают целей, реализация которых призвана обеспечивать национальную безопасность.

Только лишь за апрель 2017 года террористическим атакам подверглись несколько городов различных стран мира, и «северная столица» нашего государства не стала исключением. Так, взрыв, произошедший 3 апреля 2017 года в Санкт-Петербурге на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт», был официально признан террористическим актом. По версии Следственного комитета РФ, взрыв осуществил террорист-смертник Акбаржон Джалилов, гражданин России, узбек по национальности и уроженец Киргизии. В результате теракта погибли 15 человек, не считая самого террориста; число пострадавших – 100 (из них госпитализирован 51) [1]. Террористическая атака в Стокгольме произошла 7 апреля. По пешеходной улице города поехал грузовик и начал давить людей. В результате совершенного преступления погибли 4 человека и 15 получили ранения различной тяжести [1]. Серия скоординированных террористических актов в Египте 9 апреля 2017 года унесла жизни 45 человек, более 140 человек пострадали [3]. Взрыв в турецком городе Диярбакыр, прогремевший 11 апреля 2017 года во время ремонта полицейской машины, был признан терактом, при этом Министр внутренних дел Турции Сулейман Сойлу пояснил, что нападение произошло через туннель, который был предварительно вырыт преступниками. В результате террористического акта пострадавшими стали 10 человек [2]. Изначально версия террористического акта не рассматривалась, речь шла о взрыве бытового газа.

6 апреля в городе Ростове-на-Дону возле лица № 5 46-летний мужчина обнаружил лежащий на тротуаре фонарик. Он поднял его и включил, после чего прогремел взрыв. Мужчина получил серьезные повреждения рук. «Данное преступление не имеет отношения к террористической деятельности и является общеуголовным», – сообщил представитель Информационного центра Дмитрий Павлов. По факту взрыва следователи возбудили уголовное дело по ч. 3 ст. 30, п. «е» ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 222-1 УК РФ. Подозреваемого в организации взрыва задержали, он объяснил свои действия ревностью [4].

Несмотря на официальное заявление представителей власти о том, что взрыв носит общеуголовный характер, многие жители города начали паниковать, что послужило поводом к многочисленным сообщениям в правоохранительные органы о подозрительных предметах, обнаруженных в различных частях города. Социальные сети наполнились фотографиями якобы обнаруженных новых закладок террористов, завуалированных под различные бытовые предметы, упоминалось о найденных взрывных устройствах на детских площадках. Родителей, педагогов в срочном порядке обязали провести инструктаж на случай обнаружения взрывных устройств и захвата заложников. Важно понимать, что общеуголовное преступление, посягающее на общественные отношения в области охраны жизни и здоровья, повлекло за собой нарушение общественных отношений, регулирующих общественную безопасность и общественный порядок. Как выяснилось, подозреваемый при выборе способа совершения инкриминируемого ему преступления специально «замаскировал» свой преступный умысел под террористический акт, так как

рассчитывал, что таким образом следствие пойдет по ложному следу и преступление не будет раскрыто.

События 6 апреля 2017 года дают основание полагать, что уголовная политика в сфере регулирования ответственности за преступления террористической направленности нормами УК РФ представляется несостоятельной. Несомненно, усиление ответственности за преступления, посягающие на общественную безопасность, свидетельствуют о жесткой антитеррористической государственной политике, аккумулирующей в себе положения международного законодательства, результаты анализа позитивного зарубежного опыта и достоинства устойчивой законодательной базы. При этом нельзя не упомянуть еще раз о нарушении системности уголовно-правовых норм при включении в кодекс новых составов, предусматривающих самостоятельную ответственность за приготовление к преступлению, пособничество и подстрекательство. Например, в ч. 3 ст. 205.1 установлен самостоятельный состав преступления – «пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 УК». И в примечании к данной статье приведена формулировка понятия пособничества, которая полностью совпадает с понятием пособничества, закрепленным в ст. 33 УК РФ. Зачем необходимо такое дублирование, не совсем понятно [10, с. 118]. А нарушение системности в свою очередь ведет к сложностям в процессе квалификации.

Анализируя постановление Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1, мы обнаруживаем, что в основу квалификации преступной деятельности пособника положена форма соучастия, а не характер и степень фактического участия в совершении преступления. Так, в соответствии с п. 17.1 указанного постановления, ответственность за пособничество по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ наступает при условии совершения, например, преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, и не требует дополнительной квалификации пособничества по ст. 205 УК РФ. Далее отмечается, что пособничество в террористическом акте, осуществленное участником организованной группы, наступает по ст. 205 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ [16]. В ч. 3 ст. 206 УК РФ предусмотрена ответственность за захват или удержание лица в качестве заложника, если это деяние совершено организованной группой либо повлекло по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия.

Часть 3 ст. 205.1 УК РФ прямо говорит о пособничестве преступлению, предусмотренному ч. 3 ст. 206 УК РФ, что предполагает квалификацию содеянного по указанной статье. Однако в постановлении такая квалификация предлагается только по ч. 3 ст. 206 УК РФ. А если в результате пособничества захвату заложника наступили последствия в виде смерти человека по неосторожности или иные тяжкие последствия, а соучастие осуществлено группой лиц по предварительному сговору, пособник подлежит ответственности по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ. Возникает вопрос о целесообразности включения ч. 3 ст. 206 в перечень ч. 3 ст. 205.1 УК РФ. Возможно, это сделано в связи с тем, что выведение пособнической деятельности в самостоятельный состав преступления, судя по анализу санкций за указанные преступления, позволяет назначить пособнику более строгое наказание, нежели исполнителю преступления.

Из части 3 ст. 205.1 УК РФ видно, что санкция носит относительно-определенный характер и выражается в наказании в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет, тогда как ответственность по ч. 3 ст. 206 УК РФ представляет собой лишение свободы на срок от 8 до 20 лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет. Анализ указанных статей позволяет сделать вывод о том, что выражение «законодательное превращение пособника в исполнителя» представляется неверным. Несложным путем мы приходим к пониманию того, что пособник не сравнялся в статусе с исполнителем, а стал более опасным участником группового преступления. Как справедливо отмечает Д. Гарбатович, посредством введения нового состава преступления фигура пособника замещает собой исполнителя [8, с. 4].

Характер участия в преступлении определяется ролью соучастника, которую он выполняет в ходе осуществления преступной деятельности [18, с. 47; 23, с. 42; 6, с. 24]. Функции, которые на него возлагают действующие совместно с ним лица, могут быть разнообразны. Под фактической ролью понимаются в том числе действия, которые, будь преступление совершено одним исполнителем либо в составе группы лиц или группы лиц по предварительному сговору, должны были быть расценены как действия соучастников и квалифицированы бы со ссылкой на ст. 33 УК РФ, а также когда действия, содержащие признаки объективной стороны основного состава преступления, лицо не совершало. Данная фактическая роль может состоять исключительно в планировании преступлений, наблюдении за передвижениями лиц, имущество которых решено похитить, перевозке, укрытии, сбыте похищенного и т. д. [25, с. 21]. А. Н. Трайнин отмечал, что в каждом отдельном случае очень многообразны роли и очень различны действия, выполняемые каждым соучастником, но они все же легко поддаются классификации [21, с. 98]. Законодатель, следуя логике, условно разделил функции участников преступления на четыре вида: функции организатора, подстрекателя, пособника и исполнителя.

Назначая наказание за преступление, совершенное в соучастии, руководствуясь ст. 67 УК РФ, следует учитывать характер и степень фактического участия лица в его совершении. Хочется акцентировать внимание не на формальном подходе к этому вопросу, а на реальном изучении личностных характеристик каждого из соучастников. Более того, надлежит учитывать личность каждого виновного, так как понимание этого напрямую связано с выбором наказания и сопряжено с целью исправления преступника. Следует помнить, что определения конкретного вида наказания или меры наказания зависят в том числе и от возможности их исправительного и предупредительного воздействия.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что кризис уголовной политики Российского государства в сфере борьбы с преступлениями террористической направленности можно преодолеть путем грамотной систематизации уголовного закона. В частности, страницы уголовно-правовых исследований пестрят множеством аргументов и цитат, посвященных вопросу совершенствования уголовно-правовых норм в области института соучастия. Собрав воедино изученный материал, можно условно разделить аргументацию на две группы: тех, кто выступает против «насилия над пособничеством» [8, с. 4–8; 12, с. 38; 5, с. 41; 9, с. 52–54; 17, с. 94; 22, с. 573], и тех, кто полагает, что современные социальные реалии требуют дальнейшего развития института

соучастия в упомянутом направлении [24, с. 41; 11, с. 24; 14, с. 32; 7, с. 23]. Поддержим новаторов, так как полагаем, что догмы, которые ограничивают развитие столь значимого института уголовного права как соучастие в преступлении, должны быть пересмотрены с учетом реалий современной судебно-следственной практики. У законодателя отпадет необходимость создавать искусственные нормы, позволяющие ей должным образом реагировать на уровень ответственности соучастников преступления, а у суда появится реальная возможность назначать наказание соучастникам преступления с учетом степени и характера фактического участия в совершении преступления без оглядки на меру наказания, примененную в отношении исполнителя.

Литература

1. URL: <http://oane.ws/2017/04/11/terakt-v-stokgolme-poslednie-novosti-11042017-otkrylis-novye>.
2. URL: http://www.topnews.ru/news_id_102122.html.
3. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B>.
4. URL: <http://www.yuga.ru/news/413639>.
5. Агапов П. В. Ответственность за содействие террористической деятельности: уголовно-правовое регулирование и судебное толкование // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 4 (30).
6. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М., 2013.
7. Винокуров В., Гордеев Р. Уголовно-правовая оценка действий лица, выступающего посредником между приобретателем и сбытчиком наркотических средств // Уголовное право. 2014. № 2.
8. Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. 2011. № 5.
9. Ершов С. А. Оценка регулирования пособничества в Особенной части УК РФ // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. 2014. № 1.
10. Кадников Н. Г., Дайшутов М. М. К вопросу о несоблюдении системности норм уголовного права при внесении в УК РФ изменений и дополнений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10.
11. Капинус О. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2.
12. Молчанов Д. Содействие террористической деятельности // Уголовное право. 2011. № 4.
13. Москвичев А. А. К вопросу о криминализации специальных видов пособничества в преступлении // Общество и право. 2015. № 3 (53).
14. Ображиев К., Чашин К. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6.
15. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. СПб., 2008.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о престу-

плениях террористической направленности» (ред. от 3 ноября 2016 года). URL: <http://consultant.ru>.

17. Рапог А. И. Актуальные проблемы уголовного права // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2.

18. Святенюк Н. Дифференциация ответственности и индивидуализация наказания за преступление, совершенное в соучастии // Уголовное право. 2008. № 3.

19. Тельнов П. Ф., Серебряков А. В. К вопросу о квалификации содействия террористической деятельности // Общество и право. 2010. № 4.

20. Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941.

21. Шахбазов Р. Ф. К вопросу о дифференциации наказания за террористический акт и пособничество в его совершении // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 11.

22. Ширяев А. Уголовная ответственность за преступления, предусмотренные ч. 4 ст. 11 УК РФ, совершенные группой лиц // Уголовное право. 2011. № 3.

23. Шубина В. Ю. О дифференциации уголовной ответственности за пособничество в преступлении // Общество и право. 2010. № 5 (32).

24. Яни П. С. Квалификация групповых хищений в судебной практике // Законность. 2016. № 1.

Д. В. Пешков

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» ст. 20 УК РФ, устанавливающая возраст привлечения к уголовной ответственности, дополнена рядом составов преступлений, ответственность за которые наступает с 14-летнего возраста. В частности, с 20 июля 2016 года установлена ответственность указанных лиц за совершение следующих деяний: прохождения обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3), участия в террористическом сообществе (ч. 2 ст. 205.4), участия в деятельности террористической организации (ч. 2 ст. 205.5), несообщения о преступлении (ст. 205.6), участия в незаконном вооруженном формировании (ч. 2 ст. 208), угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211), участия в массовых беспорядках (ч. 2 ст. 212), посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277), нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360), акта международного терроризма (ст. 361).

Законопроект был сопровожден пояснительной запиской, в которой приводилось следующее обоснование: «с учетом специфики ряда преступлений уголовным законодательством в настоящее время предусматривается уголовная ответственность в отношении лиц, достигших ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. К таким преступлениям отнесены убийство, похищение человека, кража, террористический акт, захват заложников и другие. Законопроектом предлагается восполнить законодательный пробел, установив аналогичный возрастной порог за преступления террористической направленности, которые совершаются умышленно и несут особую опасность для общества, очевидную для субъекта совершения преступления» [4].

Комитет Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции в своем заключении к проекту закона указал, что «с учетом правоприменительной и уголовно-правовой оценки законопроектом предусматривается дополнение закрепленного в УК РФ перечня преступлений, при совершении которых ответственность наступает при достижении четырнадцатилетнего возраста, лишь некоторыми исключительно опасными и характеризующимися особой степенью организованности преступлениями, сопряженными с осуществлением террористической деятельности... Следует отметить, что действующие положения УК РФ уже предусматривают наступление ответственности с четырнадцатилетнего возраста за совершение ряда преступлений, в том числе террористической направленности (например, умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью, кража, грабеж, вандализм, террористический акт, захват заложников, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и другие). Необходимо также принимать во внимание, что во многих зарубежных законодательствах закреплен гораздо более строгий (в отличие от предлагаемого в законопроекте) подход к привлечению к уголовной ответственности несовершеннолетних, а возраст вообще не связывается с криминологической спецификой преступления (США, Французская Республика, Швейцарская Конфедерация и другие)» [5].

Не свидетельствуют ли указанные изменения об отходе нашего государства от политики гуманизации уголовного законодательства и правоприменительной практики, от обязательств, взятых в связи с вступлением в Совет Европы, по совершенствованию национального законодательства в части выбора наиболее оптимальных подходов к установлению репрессивных мер воздействия на лиц, совершивших преступления, с учетом характера и степени общественной опасности деяний?

В статье 20 УК РФ, действующего с 1 января 1997 года, ответственность несовершеннолетних дифференцирована в зависимости от возраста – 16-летнего (ч. 1), 14-летнего (ч. 2). Необходимо сказать, что 16-летний возраст является общим возрастом уголовной ответственности, но по отдельным преступлениям, например, указанным в ст. 134, 135, 240.1 УК РФ, ответственность наступает с более позднего возраста: только с 18-ти лет, то есть за рамками несовершеннолетнего возраста.

Установление таких возрастных категорий для уголовной ответственности несовершеннолетних определяется преемственностью положений

национального законодательства (ст. 10 УК РСФСР, 1960 год), а также опорой на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Так, в п. 4.1 Минимальных стандартных правил ООН по вопросам правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) указано, что, учитывая аспекты эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости, нижний предел возраста уголовной ответственности несовершеннолетних не должен устанавливаться на слишком низком возрастном уровне в тех правовых системах, в которых признается понятие возраста уголовной ответственности для несовершеннолетних.

В комментариях к данному пункту разъясняется, что «минимальные пределы возраста уголовной ответственности весьма различны в зависимости от исторических и культурных особенностей. Использование современного подхода заключается в определении способности ребенка перенести связанные с уголовной ответственностью моральные и психологические аспекты, то есть в определении возможности привлечения ребенка, в силу индивидуальных особенностей его или ее восприятия и понимания, к ответственности за явно антиобщественное поведение. Если возрастной предел уголовной ответственности установлен на слишком низком уровне или вообще не установлен, понятие ответственности становится бессмысленным. В целом существует тесная взаимосвязь между понятием ответственности за правонарушение или преступное поведение и другими социальными правами и обязанностями (такими, как семейное положение, гражданское совершеннолетие и т. д.). Поэтому следует приложить усилия для установления разумного низшего возрастного предела, который мог бы применяться в международном масштабе» [3].

Человек с момента своего рождения проходит различные стадии физического и интеллектуального развития. З. А. Астемиров отмечает, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет достигают уже достаточно высокого уровня социализации (у них появляются самостоятельность, настойчивость, умение контролировать свое поведение, владеть собой), но в то же время происходит и дальнейшая социализация их личности [1, с. 20]. Однако достаточно ли такого уровня развития для того, чтобы несовершеннолетний 14-летнего возраста смог в полной мере понять и оценить непростую ситуацию, связанную с его участием в террористической деятельности, учитывая при этом, что в нее он вовлечен совершеннолетним лицом, обладающим определенным авторитетом, которое к тому же может являться его родственником, в связи с чем несовершеннолетний желает в чем-то быть похожим на него? Имеется ли необходимость со стороны государства карать несовершеннолетних так жестко? Принимая во внимание санкции вышеуказанных статей УК РФ (за исключением может быть ст. 205.6), можно сказать, что в отношении несовершеннолетних они приобретают репрессивный характер и не достигнут того эффекта, который преследует законодатель.

Использование карательных мер в решении проблем преступности несовершеннолетних неэффективно с любых точек зрения. А. В. Комарницкий указывал, что репрессии не защищают общество, а подвергают его еще большей потенциальной угрозе. Места лишения свободы культивируют рецидивную

преступность и разрушают способность осужденного к социальной адаптации и жизни в нормальном обществе, атрофируют чувство ответственности за себя и близких [2, с. 5]. Нахождение несовершеннолетнего в условиях лишения свободы, изоляции от общества с еще более раннего возраста (с 14-ти лет) с большей вероятностью создаст у него стереотип правильности преступного поведения и приобщит к криминальной среде.

В уголовно-правовой доктрине в области защиты прав несовершеннолетних приветствуется принцип воспитуемости, а не наказуемости. Следовательно, чтобы не допустить несовершеннолетнего к преступной деятельности – надо использовать, прежде всего, меры и методы воспитания, обучения, развития различных интересов и навыков в условиях уважения закона и неприятия противоправной, преступной деятельности, а также непримиримого отношения к различным проявлениям антисоциальной жизни.

Таким образом, можно резюмировать, что в настоящее время на основе анализа и оценки опасности отдельных видов преступлений происходит законодательный поиск сбалансированного подхода к защите граждан, соблюдающих закон, и привлечению к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступлений, в том числе и несовершеннолетних, что, несомненно, является неотъемлемой составной частью уголовной политики Российской Федерации. Законодатель в условиях жесткого противодействия терроризму стал пересматривать подходы к пониманию ряда положений УК РФ в части ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений террористического характера и общественной безопасности. Но правильным ли путем он идет – покажет время.

Литература

1. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. М., 1970.
2. Комарницкий А. В. Уголовный закон и несовершеннолетние. СПб., 2012.
3. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних («Пекинские правила») (приняты на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1985 года). URL: <http://garant.ru>.
4. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»». URL: <http://consultant.ru>.
5. Решение Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции от 10 мая 2016 года № 174/6 «О проекте федерального закона № 1039101-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»». URL: <http://consultant.ru>.

**А. Е. Писаревский,
Р. Р. Салахатдинов**

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНЫМ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

В настоящее время наблюдается устойчивый рост количества преступных посягательств на права детей, оставшихся без попечения родителей.

При этом в структуре преступности, направленной на таких детей, наметилась четкая тенденция к увеличению насильственных действий сексуального характера (изнасилований, развратных посягательств), а также ненасильственных половых преступлений.

На сегодняшний день отсутствуют статистические данные о количестве совершенных преступлений данного типа, поэтому исходная статистическая информация строится на основе метода экспертных оценок либо выборочного метода исследования уголовных дел.

Следует отметить, что система криминологической защиты детей, оставшихся без попечения родителей, на сегодняшний день является более или менее сформированной. В качестве ее связующего звена сохраняют свою функцию органы внутренних дел, в частности, подразделения по делам несовершеннолетних. Информационной базой, используемой в деятельности всех учреждений криминологической защиты несовершеннолетних на сегодняшний день, являются единые банки данных обо всех выявленных несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей. Мы считаем целесообразным для данной категории лиц среди показателей информационных карточек предусмотреть поля «Нарушенные права», «Примененные меры». Кроме того, считаем положительным опыт зарубежных стран, в которых создаются сайты, где указаны лица, которые в прошлом уже совершали преступления сексуального характера в отношении несовершеннолетних. «Если в конкретном населенном пункте поселяется лицо, когда-либо замеченное в педофилии, то полицейские информируют учителей и детей близлежащих детских учреждений о приметах этого человека и предупреждают о потенциальной опасности» [1, с. 138].

Совершенствование системы предупреждения также предполагает разработку самостоятельных законов: «О предупреждении преступлений против детей и несовершеннолетних», «Об услугах, помощи, защите, контроле, реабилитации здоровья, оказываемых государством потерпевшим от всякого насилия, от половых и насильственных преступлений, торговли людьми».

Профилактика правонарушений, на наш взгляд, – лишь одна из значимых мер общесоциального (влияющего на преступность опосредованно) предупреждения, средство позитивного воздействия, осуществляемого многими государственными и общественными субъектами в отношении лиц с отклоняющимся предпреступным поведением, нарушающих нормы морали и права в результате недостатков воспитания, негативного влияния семьи, окружения, малых групп. К ним в основном относятся безнадзорные и беспризорные

несовершеннолетние, лица, не имеющие постоянного источника доходов, алкоголики, наркоманы, субъекты семейно-бытовых конфликтов и т. п.

Профилактика предпреступного поведения указанных лиц осуществляется не только сотрудниками правоохранительных органов, но и в первую очередь представителями государственных учреждений (социальных, медицинских, образовательных), предприятий, общественных организаций, религиозных конфессий, средств массовой информации, обществом в целом. Объем этой работы значительно больше, а предпринимаемые меры разнообразнее, чем при осуществлении специально-криминологического предупреждения преступлений.

Общее предупреждение преступных посягательств на права детей, оставшихся без попечения родителей, носит дифференцированный характер. Оно призвано решить проблемы оптимального физического, духовного, нравственного развития подрастающего поколения, эффективной социализации лиц, имеющих те или иные психофизиологические особенности.

Особое значение имеют мероприятия, направленные на профилактику пьянства, токсикомании, наркомании, бродяжничества.

Кроме того, на общесоциальном уровне особенно важно защитить детей вообще от информации деструктивного характера, а также распространения в сети Интернет видеоматериалов, пропагандирующих аморальное поведение.

Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что «современная ситуация в российском обществе может быть охарактеризована как идеологический вакуум» [2, с. 49].

Вседозволенность, рост проституции, неуважительное отношение к женщине, детям – все это «при отсутствии институтов обучения нормам сексуального поведения и низкой правовой осведомленности населения способствовало не только реальному росту половых преступлений против детей, но и большей, чем раньше, незащищенности малолетних» [3, с. 8].

Нужна четкая, конкретная государственная политика, выражающая доктрину охраны и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних граждан России.

В настоящее время в связи со стабильным ростом преступлений сексуального характера в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо разработать концепцию государственной политики в сфере предупреждения преступных посягательств на сексуальную неприкосновенность несовершеннолетних и малолетних.

Считаем, что действенным механизмом предупреждения упомянутых половых преступлений является запрет не только на распространение, хранение, но и просмотр детской порнографии в сети Интернет. В связи с этим О. В. Бесчастнова предлагает осуществлять мониторинг рынка аудиовизуальной продукции, а также сети Интернет на наличие порнографических материалов с участием несовершеннолетних [4, с. 24].

В связи с распространением такого явления, как осуществление в отношении несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей, педофильных преступлений, необходимы разработка и внедрение в воспитательный процесс детских дошкольных и других образовательных учреждений специальной программы, которая направлена на воспитание детей и подростков, с целью выработки у них наименее виктимных стереотипов поведения.

А. В. Штефан, рассматривая насилие в отношении несовершеннолетних в семье, указывает на необходимость принятия специального закона, посвященного вопросам его предупреждения, который бы закреплял компетенцию, методы работы и схемы взаимодействия правоохранительных органов со специальными органами социального обеспечения [5, с. 11].

На наш взгляд, рассматривая направления совершенствования системы предупреждения анализируемого вида преступности, также необходимо признать важность принятия соответствующего нормативно-правового акта. Он может получить название «О предупреждении преступлений против несовершеннолетних». В данном акте необходимо обозначить различные группы несовершеннолетних: и тех, кто находится в семье, и тех, кто остался без попечения родителей. В противном случае наше законодательство будет неоправданно расширяться.

В целях совершенствования системы предупреждения преступности, связанной с преступными посягательствами на права детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо:

1. На специально-криминологическом уровне:

– ввести запрет не только на распространение, хранение, но и просмотр детской порнографии в сети Интернет;

– систематически проводить мониторинг аудиовизуальной продукции, а также сети Интернет на наличие порнографических материалов с участием несовершеннолетних;

– разработать и внедрить в воспитательный процесс детских дошкольных и других образовательных учреждений специальную программу, которая будет направлена на воспитание детей и подростков, с целью выработки у них наименее виктимных стереотипов поведения.

2. На индивидуальном уровне:

– проводить мероприятия по выявлению несовершеннолетних, которые при определенных условиях могут стать жертвами преступления; на всех уровнях вести учет детей, оставшихся без попечения родителей;

– выявлять и ставить на учет лиц, которые склонны к совершению преступлений в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, проводить с ними профилактические беседы.

Профилактическое воздействие, таким образом, должно быть направлено на несовершеннолетних, проявляющих отклонения в поведении, на взрослых, оказывающих отрицательное влияние на подростков, а также на неформальное окружение несовершеннолетних.

Литература

1. Савельев И. А. Виктимизация несовершеннолетних: проблемы теории и практики предупреждения и минимизации. Омск, 2014.

2. Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы предупреждения преступлений против несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

3. Шикун И. Р. К проблеме виктимологической профилактики сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2014. № 3.

4. Бесчастнова О. В. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2008.

5. Штефан А. В. Насилие в отношении несовершеннолетних в семье: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011.

А. М. Просочкин

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ: ЗА И ПРОТИВ

На современном этапе развития уголовного законодательства намечается тенденция к гуманизации уголовного законодательства. Вместе с тем это ни в коей мере не означает снижения эффективности государственного противодействия преступности, которая остается одной из наиболее серьезных угроз национальной безопасности.

За последние 20 лет количество зарегистрированных преступлений в стране выросло в 3,2 раза, а выявленных преступников – в 1,4 раза [1, с. 281]. Преобладают насильственные и иные преступления повышенной общественной опасности.

Все попытки законодательно повлиять на динамику преступности не дают ожидаемого эффекта. Причина в том, что процессы законодательного реагирования на рост преступности часто носят непродуманный, спонтанный характер, вызванный резонансными делами, как правило, получившими освещение в средствах массовой информации, а особенно – в сети Интернет.

Это проявляется в избыточности использования уголовно-правовых средств, что, в свою очередь, приводит к немотивированному расширению круга объектов уголовно-правового воздействия. В научных исследованиях, посвященных развитию российского законодательства, которые были подготовлены в свое время Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, обращается внимание на недостатки разработки законопроектов о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ. Далеко не всегда они продуманы на должном уровне. Некоторые из них отражают поспешное принятие решений об установлении уголовной ответственности, например – за деяния, которые не обладают достаточной степенью общественной опасности и не могут признаваться преступлениями.

Примером такой ситуации может служить Федеральный закон от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты», который дополнял Уголовный кодекс РФ ст. 159.1–159.6. В них предусматривалась уголовная ответственность за мошенничество, совершаемое в различных сферах общественных отношений. Однако если проанализировать отклики и публикации по этим новеллам, становится очевидным, что на практике возникло немало вопросов, связанных с несовершенством содержания указанных норм.

Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем ежегодном Послании к Федеральному Собранию попросил Государственную Думу поддержать предложения Верховного Суда Российской Федерации о декриминализации

ряда статей Уголовного кодекса и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние. Иными словами, следует активизировать институт административной преюдиции. Эту идею поддерживают в своих трудах А. С. Дугенец, М. Я. Масленников, Ю. П. Соловей, Б. В. Россинский, А. П. Шергин, А. Ю. Якимов и другие. Трудно не согласиться с тем, что усиление мер административной ответственности в отношении лиц, повторно совершивших однородные правонарушения, приводит к сокращению количества таких правонарушений [2, с. 5–13].

Для того чтобы предупредить рост преступных посягательств, требуется активно использовать санкции и запреты уголовного закона. Достаточно сложная криминогенная обстановка в стране потребовала создания новых составов преступлений.

В связи с этим Уголовный кодекс РФ постоянно находится в состоянии реформирования.

В числе новелл нельзя не отметить и измененные подходы к дифференциации ответственности за преступления и административные правонарушения. Законодатель занял позицию достаточно широкого использования административной преюдиции (административно-правового рецидива) при конструировании составов преступлений против личности (ст. 116.1, 157 УК РФ), безопасности дорожного движения (ст. 264.1 УК РФ) и других. Он также предусмотрел уголовную ответственность за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (мелкое хищение), в ст. 158.1 УК РФ. Административная ответственность за мелкое хищение в форме кражи, мошенничества, присвоения и растраты при отсутствии признаков квалифицированных составов этих преступлений предусмотрена ст. 7.27 КоАП РФ. Она состоит из двух частей: по ч. 1 стоимость похищенного имущества не превышает одну тысячу рублей; по ч. 2 она составляет сумму более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей. Состав уголовно наказуемого мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ) представляет собой повторное совершение мелкого хищения, предусмотренного ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ.

В данном случае использован механизм института административно-правового рецидива правонарушений, когда степень общественной опасности административного правонарушения при повторном его совершении, по мнению законодателя, достигает уровня общественной опасности преступления. Этот институт объединяет несколько видов рецидива, отличающихся способом описания и последствиями. В одних случаях повторное совершение правонарушения лишь усиливает административное наказание, в других – порождает основание для уголовной ответственности. Следовательно, второй вид административно-правового рецидива правонарушений непосредственно граничит с уголовно-наказуемым деянием и обуславливает трансформацию административной ответственности в уголовную.

Происходит возвращение к институту административной преюдиции. Эта тенденция вызывает неоднозначные оценки со стороны ученых и практиков.

В науке наличие административной преюдиции в уголовном праве подвергалось критике, что привело в свое время к отказу от нее. Основная идея критических оценок состоит в том, что какое бы количество административных правонарушений не было совершено, они, в силу отсутствия у них общественной опасности, никогда не обретут иного качества – качества преступлений, а останутся лишь неоднократно совершенными административными проступками.

Разработчики УК РФ это объясняли тем, что два или более административных правонарушения не изменяют природы административно-противоправного деяния ввиду отсутствия в нем признака общественной опасности, то есть количество проступков не может перерасти в качество преступления [3, с. 77]. Тем не менее предложения о восстановлении административной преюдиции не раз поднимались в научной литературе [4, с. 458–459], в том числе и учеными, выступавшими ранее против таких законодательных решений [5, с. 12].

Аргументы противников включения в УК РФ норм преюдиционного характера выглядят обоснованными. Они, как правило, указывают на высокий риск размывания границ между преступлением и правонарушением. Сущность института административной преюдиции, по их мнению, состоит в том, что состав преступления образуется за счет признаков административного правонарушения, а в качестве критерия разграничения преступления и проступка выступает факт предшествующего наложения административного взыскания. Однако административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает сущностных признаков преступления [6, с. 72–74].

«Признание некоторых проступков преступными, – пишет А. А. Гогин, – в силу повторности противоречит принципу уголовного права, согласно которому преступлением считается только общественно опасное деяние, которое само по себе содержит все признаки состава, независимо от иных обстоятельств, в частности, от того, было ли лицо подвергнуто мерам административного характера за совершенный ранее проступок» [7, с. 22–32].

Доводами против введения административной преюдиции в уголовное право выступают также указания на нарушение принципа «non bis in idem»; чрезмерное расширение границ уголовно-правовой репрессии [8, с. 45–47] и другие.

Отнесемся к этим позициям как к частным мнениям ученых-теоретиков.

Возвращение административной преюдиции в уголовное право обусловлено не только соблюдением принципа экономии уголовной репрессии. Оно могло бы способствовать повышению эффективности уголовного закона посредством более четкого разграничения преступлений и административных правонарушений, а также исключения криминализации правонарушений небольшой и средней тяжести. Аргументом в пользу возвращения административной преюдиции могут стать требования Общих начал назначения уголовного наказания, сформулированные в ст. 60 УК РФ. При назначении наказания учитываются не только характер и степень общественной опасности преступления, но и личность виновного. При неоднократном совершении административного правонарушения наказание может назначаться только в пределах санкций КоАП РФ. В результате виновному объективно назначается менее строгое наказание, чем тот заслуживает.

Требует внимания обсуждение возможности расширить сферу уголовно-правового воздействия на общественно опасные проявления путем, например, введения реституции как меры возмещения имущественного вреда потерпевшему.

В известной степени утратили общественную опасность преступления против собственности, предусмотренные ч. 1 ст. 158 (кража), ч. 1 ст. 159 (мошенничество), ч. 1 ст. 160 (присвоение и растрата), в связи с чем была осуществлена частичная депенализация, и указанные преступления переведены в категорию преступлений небольшой или средней тяжести. Тем не менее Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере [9] на основе анализа санкций за экономические преступления делает вывод о том, что репрессивность составов данных преступлений неоправданно высока. Также необходимо рассмотреть предложение снизить максимальный нижний порог санкций за преступления, не связанные с посягательством на жизнь человека.

Возможность существования административной преюдиции в уголовном праве обусловлена общностью правовой природы уголовной и административной ответственности, а именно их публичным и штрафным характером. Как преступления, так и административные правонарушения обладают общественной опасностью. Выделение права административных деликтов в самостоятельную отрасль законодательства прежде всего предопределено соображениями процессуальной экономии, а не особой правовой природой административных правонарушений, существенно отличающей их от преступлений.

Европейский суд по правам человека многократно подчеркивал, что российское административно-деликтное право имеет уголовно-правовую подтеку и его главное отличие от уголовного права является процессуальным, а не материальным (см. практику Европейского суда по правам человека). Между тем процедура производства по делу не может определять материальную сущность ответственности, и разделение уголовного и административно-деликтного права является формальным. В соответствии со сложившимися европейскими подходами в такой ситуации административно-деликтное право остается частью уголовного права в широком смысле, то есть включается в уголовно-правовую сферу, несмотря на формальное нахождение за границами уголовного закона [10, с. 37–45].

Развивая эту тему, нельзя не упомянуть мнение Ю. П. Соловья о том, что «необходимо вновь в полной мере реализовать в УК РФ идею административной преюдиции, ввести категорию «уголовный проступок» (включить в УК РФ отдельный раздел об уголовных проступках), дополнить Уголовно-процессуальный кодекс РФ разделом о производстве по делам об уголовных проступках. К уголовным проступкам, совершение которых по аналогии с административными правонарушениями не должно влечь за собой судимость, можно отнести, в том числе, и административные правонарушения, в настоящее время рассматриваемые судьями» [11, с. 63].

Сторонники административной преюдиции видят в ней возможность повышения гибкости и адаптивности правового воздействия на правонарушителя при одновременной реализации принципа экономии уголовно-правовой репрессии. Как отмечено в Концепции развития российского законодательства, «дальнейшая дифференциация уголовной ответственности, определение

условий обоснованной индивидуализации применения мер наказания является основной тенденцией развития уголовно-правового регулирования в XXI столетии» [9]. При этом в качестве оптимальных средств согласования административных и уголовно-правовых санкций ее авторы называют расширение сферы административной преюдиции, внедрение в УК РФ поощрительных норм и «привязку» санкций к отраслевому законодательству.

В числе дополнительных аргументов в пользу введения и расширения административной преюдиции в УК РФ указываются необходимость сближения различных положений охранительного законодательства [12, с. 103]; потребность в разработке модели уголовного проступка, прообразом которого могут стать нормы преюдиционного характера [13, с. 575–581]. По мнению М. В. Бавсуна, И. Г. Бавсуна и И. А. Тихона, «административная преюдиция при ее грамотном использовании может стать эффективным средством противодействия преступности и будет способствовать достижению следующих основных результатов: повысит эффективность практического применения уголовного законодательства, обеспечит реализацию принципа экономии мер уголовной репрессии и исключит случаи объективного вменения» [14, с. 6–9].

«Самостоятельные административные правонарушения объединяются только личностью лица, их совершившего, однако это недостаточное основание для криминализации. Основу криминализации составляет общественно опасное деяние лица, которое причиняет или может причинить существенный вред правоохраняемым интересам, чего нет в случае совершения административных правонарушений», – настаивает профессор Н. А. Лопашенко [15, с. 71].

Административная преюдиция – средство как гармонизации положений уголовного и административно-деликтного права, так и более четкого разграничения смежных составов преступлений и административных правонарушений. Объектом преступления с административной преюдицией являются общественные отношения, которые охраняются как уголовным, так и административно-деликтным правом, то есть объект преступления с административной преюдицией и смежного с ним административного правонарушения совпадают.

Границы между смежными составами преступлений и правонарушений зачастую расплывчаты. Нормы уголовного и административно-деликтного права не согласованы и не отвечают требованиям системности права. В связи с этим даже установление смежности составов преступлений и административных правонарушений порою затруднительно. По мнению отдельных исследователей, «административная преюдиция могла бы оказаться эффективным средством отграничения преступлений от административных правонарушений, выполняя роль своеобразного буфера между двумя видами юридической ответственности» [14, с. 6–9]. При этом следует принимать во внимание, что в реальной действительности право действует в условиях взаимодействия норм различной отраслевой принадлежности и формирования норм межотраслевого содержания.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что следует согласиться с А. В. Козловым, по мнению которого в условиях, когда административно-правовая преюдиция активно проникает в Уголовный кодекс Российской Федерации, следует разработать (и желательно в небольшие сроки) научные основы (уголовную политику и юридическую технику) ее использования в уголовном законодательстве России, чтобы предотвратить ошибки законодателя [16, с. 42–50].

Литература

1. Кашепов В. П. Концепция развития уголовного законодательства // Концепции развития российского законодательства / под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова. М., 2010.
2. Якимов А. Ю. Повышенная ответственность за неоднократное совершение административных нарушений // Государство и право. 2007. № 8.
3. Волженкин Б. В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). СПб., 2002.
4. Тюнин В. И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2001.
5. Кузнецова Н. Ф. Главные тенденции развития российского уголовного законодательства // Уголовное право в XXI веке: материалы Международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова (31 мая–1 июня 2001 года). М., 2002.
6. Мамхягов З. З. О допустимости использования административной преюдиции в уголовном законодательстве // Административное право и процесс. 2015. № 8.
7. Гогин А. А. Ответственность за нарушение Федерального закона «О рекламе» // Право и политика. 2004. № 5.
8. Шемякин Д. В. Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15.
9. Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере. URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/7854>.
10. Есаков Г. А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или о существовании уголовного права в «широком» смысле // Библиотека криминалиста. 2013. № 1 (6).
11. Соловей Ю. П. Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 2.
12. Устинова Т. Д. Расширение уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Журнал российского права. 2003. № 5.
13. Лапина М. А. Оптимальные приемы юридической техники, обеспечивающие согласование системы юридических санкций административно-деликтного и уголовного законодательства // Административное и муниципальное право. 2015. № 6.
14. Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6.
15. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3 (23).
16. Козлов А. В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1 (22).
17. URL: <http://kremlin.ru>.

А. М. Разогрева,
К. В. Давыдова

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ЭФФЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПДД В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Относительно длинного перечня изменений и дополнений, внесенных в УК РФ в последнее десятилетие, внутри профессионального сообщества сформировалась выраженная критическая позиция. Лишь в отношении некоторых появившихся составов можно говорить о высокой степени принятия со стороны науки уголовного права и профессионалов в сфере правоприменения. В качестве одного из немногочисленных примеров можно назвать Федеральный закон от 13 февраля 2009 года № 20-ФЗ «О внесении изменения в ст. 264 Уголовного кодекса Российской Федерации», которым была установлена повышенная ответственность за нарушение правил дорожного движения при наличии квалифицирующего признака – совершения деяния лицом, находящимся в состоянии опьянения.

Обратимся в прошлое для анализа криминологических предпосылок криминализации и пенализации нарушения ПДД лицом в состоянии опьянения, затем в настоящее – в целях изучения складывающейся правоприменительной практики по этой категории дел.

Субъектом законодательной инициативы по данному законопроекту было Правительство РФ, вынесшее его на рассмотрение 15 августа 2008 года. В пояснительной записке в качестве ключевого аргумента использовался следующий: санкции ст. 264 УК РФ одинаковы как для водителей, находящихся в состоянии опьянения, так и для трезвых водителей. В обоснование тезиса используется ведомственная статистическая информация: «за 6 месяцев 2007 года на дорогах России произошло почти 100 000 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибли более 12 900 и получили ранения свыше 123 000 человек, при этом каждое тринадцатое ДТП в Российской Федерации совершено водителями, находящимися в нетрезвом состоянии (за указанный период 2007 года их количество составило около 6 500)». Результаты, к которым стремился инициатор законопроекта – значительное снижение количества ДТП и тяжести их последствий.

Используемая в сопроводительных документах аргументация в полной мере вписывается в традиционную модель криминализации через обоснование общественной опасности статистической распространенностью деяний подобного рода и статистически же подтверждаемой тяжестью последствий.

Для проведения анализа мы обратились к той же ведомственной статистике ГИБДД за период 2006–2016 гг., осуществив некоторые дополнительные аналитические действия. Во-первых, из общих сведений были выделены данные о количестве пострадавших в ДТП из-за нарушения ПДД водителями, не находившимися в состоянии алкогольного опьянения (для этого из общего количества ДТП, погибших и пострадавших в них, представленного на сайте ГИБДД, мы вычли

количество ДТП, произошедших в состоянии опьянения, и погибших и пострадавших в них), которые сравнивались с аналогичными данными в ситуациях, когда водитель находился в состоянии опьянения. Далее мы рассчитали показатель интенсивности последствий (погибшие/раненые) на 100 ДТП по вине лиц, не находящихся в состоянии опьянения/находящихся в состоянии опьянения.

Средний удельный вес дорожно-транспортных происшествий и пострадавших из-за нарушения ПДД водителями транспортных средств в состоянии опьянения за указанный период, по нашим данным, за рассматриваемые годы составляет 7,6 %. Другими словами, каждое тринадцатое дорожно-транспортное происшествие, возникшее из-за нарушения правил дорожного движения водителями транспортных средств, происходит по вине водителей в состоянии опьянения. Это достаточная и стабильная доля в общей структуре совокупности ДТП, позволяющая говорить о факторе распространенности как о базовом условии криминализации (оно в данном случае соблюдено в полной мере).

Второе базовое требование криминализации/пенализации, необходимое для того, чтобы существенным образом ужесточить наказание за нарушение ПДД в состоянии опьянения, – изменение характера и (или) степени общественной опасности.

Таблица 1

Сравнительная таблица интенсивности последствий в ДТП, совершенных по вине лиц, не находившихся в состоянии опьянения, и ДТП, совершенных по вине лиц, находившихся в состоянии опьянения

Год	Погибло		Ранено	
	На 100 ДТП (без учета ДТП, произошедших по вине лиц, находившихся в состоянии опьянения)	На 100 ДТП (произошедших по вине лиц, находившихся в состоянии опьянения)	На 100 ДТП (без учета ДТП, произошедших по вине лиц, находившихся в состоянии опьянения)	На 100 ДТП (произошедших по вине лиц, находившихся в состоянии опьянения)
2006	14,1	15,7	130,8	146
2007	14	16,4	130,7	145,6
2008	13,3	17,5	129,4	146
2009	12,9	18,7	130,6	146,9
2010	12,9	16,5	131	145,9
2011	13,5	17,2	131,3	146,1
2012	13,3	16,4	131,6	145,4
2013	12,6	17	131	142,7
2014	12,4	20,7	130,1	140,7
2015	10,7	24,4	130,9	138,3
2016	9,1	29,1	132,6	136

Максимальный разрыв между интенсивностью последствий для ДТП, произошедших по вине лиц, находившихся в состоянии опьянения, и не находившихся в указанном состоянии, приходится на 2016 год (более чем в три раза), в то время, как в 2006 году он был минимальным и явно недостаточным для обоснования существенного изменения наказуемости. Причем значительное нарастание распространенности смертности в ДТП, в состоянии опьянения, происходит на фоне планомерного усиления уголовной ответственности. Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: за этот же период времени соотношение показателей интенсивности в отношении раненых в ДТП, напротив, снизилось. Последнее говорит о том, что последствия ДТП частично перераспределились. Косвенным образом такое перераспределение связано со спецификой транспортных средств – старением автопарка (средний возраст машин в стране поднялся почти до 13 лет, что гораздо выше, чем в развитых странах [1]). По сути, вероятность погибнуть в аварии значительно возрастает в зависимости от возраста машины [2]. К тому же важно учитывать «особенности национального вождения» – игнорирование ремней безопасности и автокресел для детей [3]. Другими словами, не состояние опьянения виновника само по себе повышает риск гибели в ДТП, а такие обстоятельства, как возраст транспортного средства и привычка не пристегиваться, особенно на заднем сидении.

Мы изучили также данные судебной статистики, касающиеся применения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия судами РФ в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 264 в 2010–2016 годах. Для простоты восприятия в таблице представлены данные за 2010 (первый год отчетности) и 2016 годы (в процентах указан удельный вес того или иного варианта решения вопроса в суде среди общего количества дел, по которым состоялись судебные решения).

Таблица 2

Часть ст. 264 УК РФ, согласно которой вынесено решение	Приговор, вынесенный судом									
	Осуждено (всего)		Лишение свободы		Условное осуждение		Ограничение свободы		Прекращение дела в связи с примирением с потерпевшим	
	2010 год	2016 год	2010 год	2016 год	2010 год	2016 год	2010 год	2016 год	2010 год	2016 год
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ч. 1	5 791	4 691	384 (6,6 %)	65 (13,8 %)	4 815 (83 %)	196 (4 %)	484 (8,3 %)	3 927 (83,7 %)	4 511 (77,8 %)	4 203 (89,5 %)
ч. 2	1 846	1 237	435 (23,5 %)	453 (36,6 %)	1 392 (75 %)	742 (59 %)	11	15	598 (32 %)	326 (26,3 %)

Продолж. табл. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
ч. 3	3 351	2 721	1 322 (40 %)	1 219 (44,7 %)	1 996 (59,4 %)	1 349 (49 %)	22	25	1 097 (32,7 %)	841 (30,9 %)
ч. 4	1 429	1 148	1 049 (74 %)	974 (84 %)	373 (26 %)	171 (14,8 %)	4	2	69 (4,8 %)	30 (2,6 %)
ч. 5	619	457	419 (67 %)	366 (80 %)	193 (31,1 %)	89 (19,4 %)	1	0	54	38
ч. 6	180	152	169 (94 %)	147 (97 %)	11 (6 %)	5 (3,2 %)	0	0	2	0

Что обращает на себя внимание при анализе таблице? Если смотреть на реальное лишение свободы, то значительно больший разрыв в процентном выражении между 1 и 2 (3 и 4, 5 и 6) частями статьи по сравнению с разрывом между 2 и 3 (4 и 5 частями). Суды рассматривают опьянение лица как фактор, более существенный при выборе между реальным и условным ограничением свободы, более важный, чем тяжесть последствий.

Таким образом, при решении и вопроса о криминализации/пенализации, и выбора меры воздействия судом обнаруживается сходная тенденция – учет свойств лица, совершившего преступление, самого по себе – без рассмотрения прямой связи с общественной опасностью деяния.

Литература

1. URL: <https://www.autostat.ru/news/30202>.
2. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2013/10/01_a_5676153.shtml.
3. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114131>.

Н. В. Рябко

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПОВ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НА РЕАЛИЗАЦИЮ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Уголовная политика Российской Федерации формируется и реализуется в целях борьбы с преступностью, минимизации количества совершаемых преступлений до такого уровня, который является допустимым в настоящий период времени для общества [1, с. 83]. Поэтому уголовное и иное законодательство, сопряженные с противодействием преступлениям и другим правонарушениям, должны стать единым целым, слаженно работающей системой. При

этом законодательство должно быть сформировано и реформировано с учетом проведения комплексной уголовно-правовой, криминологической экспертизы правоприменительной деятельности и оценки ее эффективности [2, с. 5].

В юридической литературе уголовная политика определяется как политика государства по регулированию уголовно-правовых отношений, включающая в себя систему норм, принципов, формирующих тактику и стратегию борьбы с преступностью [3, с. 51–54]. К принципам уголовной политики предлагается причислять экономию репрессии, целесообразность, неотвратимость ответственности, справедливость, дифференциацию уголовной ответственности, индивидуализацию уголовной ответственности и наказания [4, с. 81]. К общим уголовно-правовым принципам, указанным в ст. 3–7 УК РФ, в литературе относят и принципы назначения наказания. Большинство приговоров судов нижестоящих инстанций обжалуются в Верховном Суде Российской Федерации в связи с нарушением принципа справедливости при назначении наказания [5, с. 31]. Справедливость как категория лежит в основе правового принципа справедливости, предусмотренного ст. 6 УК РФ, и правовой категории восстановления социальной справедливости как цели наказания, обозначенной в ч. 2 ст. 43 УК РФ.

В российском уголовном законодательстве принципы назначения наказания нормативно не закреплены, что вызывает определенные дискуссии в юридической литературе относительно содержательной характеристики системы таких принципов. Существуют различные позиции в отношении их определения. Принцип назначения наказания можно рассматривать как основную руководящую идею, закрепленную в нормах уголовного законодательства и определяющую деятельность судов по применению наказания [6, с. 27]. Принципом назначения наказания называют принцип соответствия наказания общественной опасности преступления [7, с. 15].

К данным принципам относят гуманизм, справедливость, ответственность за содеянное, законность, равенство граждан перед законом, индивидуализацию наказания [8, с. 124]. Полагаем, что все-таки универсальными, общепринятыми, общепотребляемыми принципами назначения наказания являются принцип индивидуализации наказания и принцип дифференциации уголовной ответственности.

Индивидуализация наказания – это процесс определения судом конкретной меры наказания лицу, виновному в совершении преступления. Данный процесс осуществляется на основе закона и правосознания судей, при этом в обязательном порядке учитывается характер и степень общественной опасности деяния, степень общественной опасности лица, его совершившего, личность виновного, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание [9, с. 92]. Путем его реализации осуществляется исправление осужденного, возникает возможность достижения такой цели наказания, как предупреждение совершения новых преступлений [10, с. 10]. «Принцип индивидуализации наказания заключается в учете характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, смягчающих и отягчающих обстоятельств, обстоятельств, влияющих на условия жизни семьи, позволяющий посредством конкретной меры наказания добиться, в конечном счете,

исправления преступника, а также предупредить совершение новых преступлений как самим осужденным, так и другими лицами» [12, с. 14–15].

Мы полагаем, что принципами назначения наказания являются его руководящие основополагающие начала, закрепленные в Уголовном кодексе Российской Федерации, которые обязательно учитываются правоприменителем при назначении наказания.

Наказание, назначение наказания, принципы назначения наказания (принцип индивидуализации наказания, принцип дифференциации уголовной ответственности), безусловно, влияют на реализацию уголовной политики Российской Федерации. Наказание – это итог всей деятельности правоприменительных органов. Через него государство выражает свое отношение к содеянному. Посредством его неотвратимости при соблюдении принципа его индивидуализации, принципа дифференциации уголовной ответственности реализуется уголовная политика Российской Федерации, таким образом определяется ее эффективность.

Литература

1. Безручко Е. В. Обеспечение безопасности здоровья граждан – важное направление реализации уголовной политики Российской Федерации // Бизнес в законе. 2009. № 1.
2. Безручко Е. В. Задачи уголовной политики Российской Федерации на современном этапе // Уголовно-правовая политика: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов н/Д, 2006.
3. Бородин С. В. Концепция уголовно-правовой политики через призму системного подхода // Российская юстиция. 2014. № 3.
4. Полный курс уголовного права / под ред. проф. А. И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1.
5. Безручко Е. В. Учет справедливости как правовой и социально-философской категории при назначении наказания за причинение вреда здоровью человека // Философия права. 2015. № 2.
6. Непомнящая Т. В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб., 2006.
7. Мицкевич А. Ф. Принцип соответствия наказания общественной опасности преступления в советском уголовном праве (понятие, обоснование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1985.
8. Велиев С. А. Принципы назначения наказания. СПб., 2004.
9. Кузнецова Н. Ф., Куринов Б. А. Отягчающие и смягчающие обстоятельства, учитываемые при определении меры наказания // Применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958.
10. Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961.
11. Кригер Г. А. Индивидуализация наказания по советскому уголовному праву // Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958.
12. Савенков А. В. Принцип индивидуализации при назначении наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

Е. А. Сазанова,
К. С. Саадулаев

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОРГАНИЗАЦИИ И ВЕДЕНИЮ НЕЗАКОННОГО ИГОРНОГО БИЗНЕСА В РОССИИ

Игорный бизнес является мощным катализатором развития преступной среды. Это, прежде всего, связано с концентрацией денежных средств в игорном заведении. Так, в 2016 году преступлений, связанных с игорным бизнесом, было совершено: в Амурской области – 845, в Татарстане – 398, в Новосибирской области – 38, в Саратовской – 32, в Калужской области – 11. В том же году в г. Санкт-Петербурге произошло пять убийств в ходе разбойных нападений на объекты игорного бизнеса [1].

Незаконная организация и проведение азартных игр негативно влияют на экономику страны. Первым делом это затрагивает уплату налогов, так как доходы, полученные в ходе незаконной деятельности, не являются объектом налогообложения.

Можно сделать вывод о том, что нелегальный игорный бизнес представляет угрозу для жизни и здоровья населения, общественной нравственности, экономики государства и является благоприятной средой для совершения различных преступлений. К сожалению, на современном этапе развития игорного бизнеса принятые правовые меры не способны полностью оградить общество от негативных явлений в данной сфере, в связи с чем считаем актуальным рассмотреть вопрос о мерах противодействия ее дальнейшему расширению.

Новое законодательство РФ официально признало азартные игры разновидностью предпринимательской деятельности, преступления, связанные с ними, были декриминализованы в 1996 году. Легализация игорного бизнеса вызвала существенное увеличение размера налоговых поступлений в бюджет страны. Однако значительная часть доходов скрывалась от налогообложения. Внушительный объем наличных денежных средств, вращающихся в данной сфере, стал причиной слияния игорного бизнеса с криминальными структурами.

С целью упорядочения деятельности игорных заведений и ограждения общества от опасных проявлений и вредных последствий игорного бизнеса 4 октября 2006 года Президент России В. Путин предложил радикальное решение этой проблемы. Он передал в Думу предложения по законопроекту «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр», суть которых состояла в укрупнении и концентрации игорного бизнеса в четырех специальных игорных зонах. 26 декабря 2006 года этот законопроект был принят.

Данный федеральный закон определяет правовые основы государственного регулирования деятельности по организации и проведению азартных игр на территории Российской Федерации и устанавливает ограничения на ее осуществление в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан. Его действие не распространяется на функционирование бирж, а также на организацию и проведение лотерей.

Упомянутое регулирование реализуется путем: 1) установления порядка осуществления рассматриваемой деятельности, соответствующих ограничений, обязательных требований к организаторам азартных игр, игорным заведениям, посетителям игорных заведений, игорных зон; 2) выделения территорий, предназначенных для осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр – игорных зон; 3) выдачи разрешений на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорных зонах; 4) выдачи лицензий на организацию и проведение азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах; 5) выявления, запрещения и пресечения действий лиц, нарушающих законодательство в данной сфере.

Закон предусматривает, что в Российской Федерации создаются 4 игорные зоны (а с 2014 года – 5 зон), при этом на территории одного субъекта может быть создано не более одной. Игорные зоны размещаются на территории Алтайского края, Приморского края, Калининградской области, на границе Краснодарского края и Ростовской области, а с 2014 года – и в Республике Крым.

Закон вступил в силу с 1 января 2007 года. При этом игорные заведения, соответствующие установленным требованиям, сохраняли право продолжить свою деятельность до 30 июня 2009 года без получения разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, а не отвечающие таковым – должны были быть закрыты до 1 июля 2007 года. Игорная деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи (включая подвижную связь) запрещалась.

Изменения в законодательстве не коснулись сферы уголовно-правового регулирования, поэтому до июля 2011 года отсутствовали адекватные способы противодействия незаконному игорному бизнесу в России.

Федеральным законом от 20 июля 2011 года № 250-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации введена ст. 171.2, предусматривающая ответственность за организацию и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, включая подвижную связь, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление в игорной зоне данной деятельности, сопряженной с извлечением дохода в крупном размере.

У правоохранительных органов появилось больше возможностей противодействия незаконному игорному бизнесу. Однако принятие поправок к УК РФ не произвело ожидаемого эффекта, что связано с несовершенством редакции диспозиции ст. 171.2 УК РФ.

Тем не менее только в течение полугода действия указанной статьи в 2011 году было зарегистрировано 20 преступлений, но направлено в суд для рассмотрения по существу лишь одно уголовное дело, по которому одно лицо привлечено к уголовной ответственности [2, с. 130]. В 2012 году количество зарегистрированных преступлений составило 96. В суд с обвинительными заключениями направлено лишь 33 уголовных дела [3].

Следует учесть, что приведенные данные официальной статистики объективно не отражают уровня преступности в сфере игорного бизнеса. Большинство преступлений носит латентный характер, что обусловлено спецификой

деятельности нелегальных игорных заведений. Поэтому абсолютное количество зарегистрированных общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, не соответствует фактическому числу совершенных преступлений данного вида.

Подводя итоги, можно отметить, что на всем протяжении становления и развития азартных игр велась борьба с их негативным влиянием путем введения ограничений и запретов.

Так как использование информационно-телекоммуникационных сетей, сети Интернет, иных средств связи существенно увеличивает охват потенциальных клиентов, облегчает возможность реализации преступного умысла, а также повышает вероятность ухода от уголовной ответственности, считаем важным выделение еще одного квалифицированного состава.

Как уже говорилось выше, деятельность по организации и проведению азартных игр в России разрешена только в 5 специально предусмотренных игорных зонах. То есть можно говорить о том, что общество осведомлено о незаконном характере такой деятельности вне этих территорий. По нашему мнению, лицо, добровольно начавшее игру вне игорной зоны, также должно наказываться. Первоначально – штрафом в размере до 4 000 рублей, при повторном совершении данного деяния – штрафом до 50 000 рублей или административным арестом на срок до 15 суток. При регулярном совершении деяния, за которое лицо понесло административную ответственность 2 раза и более, видится возможным предусмотреть и уголовное наказание. В связи с этим следует внести изменения в КоАП и УК РФ, дополнив их статьями об участии в азартных играх, организованных и проводимых вне игорных зон.

Данное деяние можно квалифицировать только в случае его совершения вне территории игорных зон, так как о наличии незаконного характера осуществления игорного бизнеса в пределах отведенных для этого территорий игроки по понятным причинам могут быть не осведомлены.

На основании вышесказанного УК РФ можно дополнить статьей 171.3 «Участие в азартных играх, организованных и проводимых за пределами игорных зон».

Неоднократное участие в азартных играх, организованных и проводимых с использованием игрового оборудования вне игорной зоны или с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, а также средств связи, включая подвижную связь, наказываются штрафом в размере от пяти до тридцати тысяч рублей, либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от шестидесяти до ста восьмидесяти часов, либо ограничением свободы на срок до шести месяцев.

Все сформулированные меры противодействия незаконному игорному бизнесу направлены на уменьшение негативного влияния азартных игр на здоровье населения и общественную нравственность, роста преступлений в данной сфере и отрицательного воздействия на экономику страны.

Литература

1. Обзор результатов работы ГУВД / МВД субъектов РФ. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734> (дата обращения: 4.05.2017).
2. Преступность, национальная безопасность, бизнес / под ред. А. И. Долговой. М., 2012.
3. Журнал статистической отчетности: формы № 1-Е, № 1-Г за 2012 г. URL: <http://trader.garant.ru> (дата обращения: 6.05.2017).

Ю. Б. Самойлова

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗАНЕСЕННЫХ В КРАСНУЮ КНИГУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 года № 176, к глобальным вызовам экологической безопасности отнесено сокращение биологического разнообразия, влекущее за собой необратимые последствия для экосистем, разрушение их целостности; к внутренним вызовам – уменьшение видового разнообразия и внедрение теневого рынка в сфере природопользования; к внешним – несанкционированная добыча водных биоресурсов [1].

Редкие, а также находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов играют важную роль в различных экосистемах и являются индикаторами состояния природных экосистем, что отмечено Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации в Государственном докладе «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году» [8]. Такие объекты животного мира в соответствии со ст. 24 Федерального закона от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 3 июля 2016 года) заносятся в Красную книгу Российской Федерации и (или) Красные книги субъектов Российской Федерации. Глобальные экологические проблемы приводят к тому, что охрана окружающей среды является одним из приоритетных направлений государственной политики. Правительством Российской Федерации утверждена государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы, в подпрограмме которой «Биологическое разнообразие России» в качестве ожидаемых результатов указаны положительная динамика состояния популяций редких и находящихся под угрозой исчезновения объектов животного и растительного мира, обеспечение сохранения объектов животного и растительного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации [4].

Здесь предпримем попытку проанализировать нормы, направленные на уголовно-правовую охрану водных биологических ресурсов, занесенных в Красные книги Российской Федерации и ее субъектов.

Данные ресурсы являются предметом нескольких составов преступлений, причем как «экологических», так и включенных в иные главы УК РФ.

Традиционно считается, что ст. 256 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов, является одной из наиболее применяемых [7, с. 93]. Предметом ее являются водные биологические ресурсы, находящиеся в природной среде в естественном состоянии и не являющиеся объектом вещных прав юридических либо физических лиц [9, с. 275; 11, с. 42; 10, с. 119], имеющие и не имеющие промышленное значение [9, с. 276], в том числе ценные, особо ценные, редкие и находящиеся под угрозой исчезновения.

От данного преступления необходимо отличать деяние, предусмотренное ст. 258.1 УК РФ. Предмет данного преступления ограничен водными биологическими ресурсами, занесенными в Красную книгу Российской Федерации. Если водные биоресурсы указаны только в Красных книгах субъектов Российской Федерации, то уголовная ответственность может наступить по ст. 256 УК РФ. Более того, предметом ст. 258.1 УК РФ являются далеко не все биоресурсы, занесенные в Красную книгу Российской Федерации, а только те из них, которые включены в специально утвержденное Правительством Российской Федерации с целью применения к ст. 258.1 и 226.1 УК РФ постановление [3]. Вместе с этим предмет ст. 258.1 УК РФ несколько расширен по сравнению с предметом ст. 256 УК РФ, поскольку объектом охраны являются не только сами водные биоресурсы, но и их части и производные.

К настоящему времени уже наработана практика расследования уголовных дел, направленных на пресечение незаконного оборота частей и производных особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов. Например, благодаря слаженной работе сотрудников трех ведомств: краевого следственного управления, оперативных работников УМВД и УФСБ России по Хабаровскому краю удалось выявить и раскрыть браконьерскую преступную сеть. Инспектор рыбоохраны весной 2015 года организовал 3 группы для незаконной добычи рыбы осетровых видов и черной икры. С весны по осень 2015 года злоумышленники вблизи сел Ульчского района заготовили почти тонну деликатесной рыбы и более 400 килограммов черной икры, причинив ущерб экологии в размере, превышающем 7 миллионов рублей. Обвиняемые планировали переправить нелегальную рыбопродукцию на запад страны для дальнейшей продажи [13]. Другой пример: в октябре 2016 года подозреваемые приобрели икру красная лососевая зернистая соленая (кеты) без документов, подтверждающих соответствие требованиям безопасности. Данная продукция хранилась в антисанитарных условиях, а для поддержания ее товарного вида они использовали различные химические вещества, опасные для здоровья человека. При помощи размещенного в сети Интернет объявления о продаже указанной продукции они нашли покупателя, после чего сбыли ему 3,5 кг икры. Согласно акту исследования данная продукция не отвечает требованиям безопасности для здоровья потребителей. Противоправная деятельность подозреваемых была выявлена и пресечена сотрудниками Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Ростовской области в рамках оперативно-разыскного мероприятия «Проверочная закупка». В ходе проведенных обысков у одного из подозреваемых в гараже обнаружено и изъято 105 банок, объемом 450 граммов каждая, с икрой амурского осетра, который занесен в

Красную книгу Российской Федерации, а оборот его икры запрещен. Советским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета РФ по Ростовской области было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 238 УК РФ и ч. 1 ст. 258.1 УК РФ [13].

Примечателен тот факт, что незаконная добыча включенных в постановление Правительства Российской Федерации от 31 октября 2013 года № 978 занесенных в Красную книгу Российской Федерации биоресурсов является уголовно наказуемым деянием независимо от стоимости добытого. В то же время посягательство на редкие и находящиеся под угрозой исчезновения, но не включенные в названное постановление объекты водного животного мира в виде их незаконной добычи будет преступным в случае причинения ущерба на сумму не менее ста тысяч рублей. Следует оговориться, что вышесказанное справедливо при отсутствии других криминообразующих признаков, предусмотренных ст. 256 УК РФ. Такая ситуация складывается после внесения Федеральным законом от 3 июля 2016 года № 330-ФЗ «О внесении изменения в статью 266 Уголовного кодекса Российской Федерации» изменений в УК РФ. Ранее при отсутствии в УК РФ определения ущерба, который необходимо считать крупным, при квалификации по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ Пленум Верховного суда РФ рекомендовал к такому ущербу относить в том числе вылов или уничтожение водных биологических ресурсов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации или субъекта Российской Федерации [6].

Проиллюстрируем отмеченное примером незаконной добычи осетрообразных. В 2015–2017 годах Комиссией по редким и находящимся под угрозой исчезновения животным, растениям и грибам проведена работа по обновлению списка объектов животного мира, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и исключенных из нее. Новый список изменился на 30 %. В основном изменения коснулись беспозвоночных (моллюсков и насекомых), но и ряды редких позвоночных значительно пополнились. Так, были внесены новые виды и популяции осетрообразных (русский и балтийский осетры, севрюга, стерлядь) [14]. Согласно данным Минприроды, уловы оставшегося в промысле Обь-Иртышского бассейна вида осетровых рыб – стерляди – остаются на очень низком уровне и в 2015 году составили всего 8,9 т. Однако в постановлении Правительства РФ от 31 октября 2013 года № 978 стерлядь не указана. Приказом Росрыболовства от 16 марта 2009 года № 191 она отнесена к ценным видам водных биоресурсов, которые являются объектом рыболовства [5]. Согласно утвержденным постановлением Правительства РФ от 25 мая 1994 года № 515 [2] таксам 1 экземпляр стерляди обладает стоимостью 420 рублей. Приведенные факты свидетельствуют о том, что привлечь браконьеров к уголовной ответственности за незаконную добычу стерляди по ст. 258.1 УК РФ невозможно, а по п. «а» ч. 1 ст. 256 УК РФ разрешается только при вылове свыше 230 ее экземпляров.

Видится более приемлемым крупный размер ущерба «рассчитывать на основании рекомендаций научных учреждений в области охраны водных биологических ресурсов и устанавливать в количестве экземпляров (млекопитающие, а также водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красные книги Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, охраняемым международными договорами Российской

Федерации, за исключением видов, включенных в перечень, утвержденный для целей статей 226.1 и 258.1 УК РФ) и килограммах (все остальные биоресурсы) для каждого вида, исходя из их экологической ценности в определенном водном бассейне» [15].

Нельзя обойти некоторым вниманием и ст. 259 УК РФ. Представляется возможным согласиться с высказанным в науке мнением о том, что предметом данного состава преступления являются как водные биологические ресурсы, занесенные в Красную книгу Российской Федерации (наряду с другими организмами), популяции, так и их критические места обитания [9, с. 304]. В рассматриваемой норме, равно как и в ст. 258.1 УК РФ, содержится указание лишь на организмы, занесенные в Красную книгу. В. Н. Краева заметила, что ст. 259 УК РФ оказалась «нерабочей», связано это с тем, что отсутствуют критерии определения критических мест обитания для того или иного вида животных [12].

Литература

1. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 года № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://consultant.ru>.

2. Постановление Правительства РФ от 25 мая 1994 года № 515 «Об утверждении такс для исчисления размера взыскания за ущерб, причиненный уничтожением, незаконным выловом или добычей водных биологических ресурсов» (ред. от 10.03.2009). URL: <http://consultant.ru>.

3. Постановление Правительства РФ от 31 октября 2013 года № 978 «Об утверждении перечня особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, для целей статей 226.1 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 45. Ст. 5814.

4. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 326 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы» (ред. от 31.03.2017). URL: <http://consultant.ru>.

5. Приказ Росрыболовства от 16 марта 2009 года № 191 «Об утверждении Перечня особо ценных и ценных видов водных биоресурсов, отнесенных к объектам рыболовства» // *Российская газета*. 2009. 14 апреля.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 ноября 2010 года № 26 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 УК РФ)» (ред. от 26.05.2015). URL: <http://consultant.ru>.

7. Веревичева М. И. Экологические преступления: вопросы квалификации (научно-практический комментарий). Ульяновск, 2014.

8. Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2014 году». URL: <http://www.mnr.gov.ru/> (дата обращения: 2.04.2016).

9. Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 УК РФ. М., 1998.
10. Жевлаков Э. Н. Экологические преступления (уголовно-правовой и экологические аспекты). М., 2002.
11. Иногамова-Хегай Л., Герасимова Е. Критерии разграничения преступлений против собственности и экологических преступлений // Уголовное право. 2006. № 5.
12. Краева В. Н. Уголовно-правовая охрана видов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2016. № 1.
13. Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru> (дата обращения: 2.04.2016).
14. Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации. URL: http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=145425&phrase_id=2857710 (дата обращения: 2.04.2016).
15. Самойлова Ю. Б. Некоторые актуальные вопросы уголовно-правовой охраны водных биологических ресурсов // Lex Russica. 2016. № 4 (116).

Н. Б. Саркисян

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В СИСТЕМЕ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Можно смело говорить о том, что само понятие «конфискация», если не принимать во внимание его постоянно меняющуюся юридическую природу, известно уголовному законодательству еще с давних времен. Однако, несмотря на долгое существование данного института, по-прежнему сохраняется ряд пробелов и коллизий.

Прежде всего это касается термина «конфискация», под которым в законодательстве подразумевается основание прекращения права собственности (ст. 235 ГК РФ). Соответственно, конфискацией в этом смысле может являться только изъятие орудий преступления и средств его совершения, принадлежащих виновному, а также имущества, указанного в п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, в случае если оно также принадлежит виновному на законных основаниях.

В современной России законодатель отнес конфискацию имущества к числу иных мер уголовно-правового характера. Одним из пробелов в действующем законодательстве считается отсутствие легального определения понятия «иная мера уголовно-правового характера», что предопределило наличие ряда дискуссий и разносторонних мнений относительно содержания такой формулировки и соотношения ее предмета с другими институтами уголовного права. В части 2 ст. 2 УК РФ указывается только, что установлены виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Также упоминания иных мер можно отметить в ст. 6 и 7 Уголовного кодекса [1].

Не раскрывая содержания понятия «иные меры уголовно-правового характера», законодатель тем самым не отвечает на вопрос, какие это меры, как они соотносятся с уголовной ответственностью и уголовным наказанием.

Законодатель поставил конфискацию имущества в один ряд с такими понятиями, как «принудительные меры» и «имущественные санкции», то есть теоретически можно рассматривать ее в качестве самостоятельной меры, существующей в реальной действительности и выражающейся в конкретных формах проявления. Кроме того, как принудительная мера она может быть использована в различных целях, которые в свою очередь достигаются при помощи разнообразных способов.

Д. Ю. Борченко выделил следующие признаки конфискации, отражающие ее индивидуальные черты: не является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности; не является альтернативой наказанию, а сочетается с ним; может назначаться в сочетании как с основным видом наказания, так и с дополнительным; может назначаться при применении иных мер уголовно-правового характера; объектом воздействия конфискации является имущество, полученное незаконным путем, а также имущество, предназначенное для преступной деятельности или используемое как орудие совершения преступления; выступает в качестве меры, ограничивающей имущественные права. Как видно из указанных признаков, институт конфискации имущества не относится к карательным формам реализации уголовной ответственности и не может применяться раньше, чем возникает уголовная ответственность, хотя и допустима его реализация в случаях освобождения от уголовной ответственности и наказания [2, с. 24].

К числу основных дискуссионных моментов в отношении современного законодательного определения конфискации следует отнести: 1) споры по наличию/отсутствию в ней карательного элемента; 2) споры о ее целях; 3) споры о перечне составов преступлений, которые предполагают возможность конфискации. Дискуссия о наличии или отсутствии в ней карательного элемента основана на до конца установленной разнице между уголовным наказанием и иными уголовно-правовыми мерами.

Содержание уголовного наказания – кара. Но присутствует ли кара в конфискации, которая не является видом наказания? Позиции в науке разделились. Например, Т. В. Кленова не усматривает разницы между уголовным наказанием и конфискацией ни в чем, кроме принципов и целей [3, с. 40]. Напротив, по мнению других, в конфискации нет принципов кары. Так, Б. В. Волженкин указывал, что конфискация «лишена карательного элемента, поскольку конфискуется не имущество осужденного, а только то, что незаконно приобретено в результате преступления, и доходы от этого незаконно приобретенного имущества». Последняя позиция является более распространенной и предпочтительной.

Анализ определений, даваемых разными толкователями, выявляет, что конфискация выражается в таких понятиях, как изъятие (лишение, отчуждение), объектом же такого изъятия выступает имущество (вещи, предметы). Эти два элемента являются константами рассматриваемой уголовно-правовой меры. Остальные же – переменные: объем (виды) отбираемого имущества, основания и процедура конфискации, орган или должностное лицо, принимающее решение о ее применении, а также дальнейшая судьба изъятого имущества являются переменными величинами. Одной из важнейших особенностей конфискации как иной меры выступает характер отбираемого имущества.

При наказании подлежит изъятию имущество, которое было законно нажито осужденным и не использовалось для совершения преступления. «Обновленная» конфискация регламентирует, что изымается имущество, если оно было добыто при совершении преступления или использовалось для нарушения уголовного законодательства.

Стоит привести ряд разграничительных признаков, которые отличают конфискацию имущества как иную меру уголовного характера от наказания.

Во-первых, конфискация имущества как таковая была исключена из перечня уголовных наказаний.

Во-вторых, не все имущество лица может быть конфисковано, а лишь то, которое получено в результате совершения преступной деятельности, в том числе если орудия и иные средства совершения преступления принадлежали обвиняемому, если они предназначались для финансирования преступной деятельности, перечисленной в ст. 104.1, а также если доходы, полученные от совершения преступления, были преобразованы. Также конфискации подлежит имущество третьих лиц, если будет доказана их осведомленность относительно преступного возникновения этого имущества. Данный факт характеризует конфискацию именно как иную меру уголовного характера, так как наказание должно выноситься только в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, и не может быть направлено против третьих лиц.

В-третьих, отличие выявляется в том, что если на момент принятия судом решения некий предмет не может быть конфискован в натуральном виде в связи с его использованием или продажей, то суд взыскивает денежную сумму, равную стоимости этого предмета.

Одной из сложностей постижения юридической природы конфискации является то, что законодателем нигде не были прописаны ее цели. Еще советское законодательство рассматривало ее как вид наказания, согласно которому имущество осужденного в полной мере или частично принудительно и безвозмездно изымалось в собственность государства. Регламентирующееся ст. 43 УК РФ наказание, выражающееся в ограничении или лишении прав и свобод виновного лица, отражало в себе восстановительную, исправительную и превентивную функции.

Уголовная ответственность представляет собой использование мер государственного принуждения в отношении лица, совершившего общественно-опасное деяние. Данные меры заключаются в лишении или ограничении определенных прав и свобод осужденного лица, что представляет собой реализацию карательной функции уголовной ответственности [4, с. 214].

Определенный элемент ограничения прав и свобод осужденного можно обнаружить и при назначении принудительных мер медицинского или воспитательного характера, что по своей сути является закономерным, так как различные виды этих мер также отнесены к иным мерам уголовного характера. Сама же конфискация имущества заключается в изъятии у виновного имущества и доходов, полученных преступным путем с помощью этого имущества, которыми он владеет, основываясь не на праве собственника или ином законном праве. Как справедливо отмечает П. С. Яни, «смысл конфискации состоит в изъятии у преступника того, что ему принадлежать по справедливости (ст. 6 УК РФ) и по закону гражданскому (например, ст. 169 ГК РФ) не должно» [5, с. 32].

Конфискация имущества потому и не может расцениваться как уголовное наказание, при исполнении которого правоприменители вынуждены в некоторой степени умалять права и свободы граждан, так как имущество, которое было получено преступным путем, отчуждаемое в пользу государства у виновного лица, изначально не принадлежало этому лицу на основаниях, признаваемых законом. Конфискация тех видов имущества, которые перечислены в ст. 104.1 УК РФ, не влечет за собой никаких дополнительных правоограничений, что свойственно наказанию и уголовной ответственности. Однако обременение в праве означает, прежде всего, наложение на лицо дополнительных обязанностей, исполнение которых должно преследовать определенные цели. Цели эти существенно отличаются от целей уголовного наказания. Применительно к конфискации имущества это выглядит следующим образом. Подвергнув анализу ст. 104.1 УК РФ, можно прийти к выводу о двойственности уголовно-правовой природы этой меры. Конфискация денег, ценностей, иного имущества, которые используются или предназначены для финансирования терроризма, организованной группы, относится к мерам безопасности (наряду с принудительными мерами медицинского и воспитательного характера), имеющим своей целью достижение социальной справедливости, устранение опасности и (или) предупреждение совершения новых преступлений. Конфискация образует иную принудительную меру уголовно-правового характера, имеющую своей целью (в отличие от уголовных наказаний и мер безопасности) восстановление правового положения, нарушенного в результате совершения преступления.

Исходя из вышеизложенного, следует обозначить несколько важных выводов. Иные меры уголовно-правового характера представляют собой реализацию некарательной функции уголовной ответственности и применяются для достижения следующих целей: общей и частной превенции; восстановления нарушенного права (*status quo*); воспитательного воздействия.

Являясь основой института обременения, иные меры уголовно-правового характера формируют систему мер государственного принуждения, которые могут применяться самостоятельно либо в совокупности с уголовным наказанием; конфискация имущества, по своей сути являясь мерой государственного принуждения (обременения), представляет собой некарательный элемент уголовного законодательства и заключается в принудительном и безвозмездном изъятии по решению суда в пользу государства приобретенных преступным путем денег, ценностей, имущества и доходов от этого имущества, которые используются или могут быть предназначены для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также орудий, оборудования или иных средств совершения преступления.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. в силу с 3 апреля 2017 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25.

2. Борченко Д. Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.

3. Кленова Т. В. Конфискация имущества как средство уголовной политики в России // Институт конфискации имущества в законодательстве государств – членов Совета Европы и в российском законодательстве: материалы Международного семинара. Барнаул, 2008.

4. Актуальные проблемы уголовного права. Часть Общая: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2016.

5. Яни П. С. Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2016. № 6.

В. И. Селиверстов

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ И СИСТЕМА ФАКТОРОВ

В основе формирования и развития правовой системы государства, различных отраслей законодательства, правовых форм и направлений его деятельности находится политика, отражающая принципы, стратегию, основные направления и формы достижения социальных целей, которые ставит перед собой общество, а также политические и властные структуры, его представляющие. Цели этой политики в общей форме закреплены в ст. 7 Конституции РФ, согласно которой «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Общая цель социальной политики, определенная Конституцией, имеет сложную иерархию, которая зависит от характера и направленности многосторонней деятельности государства и его органов по ее реализации.

Одно из таких направлений – политика в сфере противодействия преступности. В ряде политико-правовых документов ее называют уголовно-судебной политикой, а в научных изданиях – уголовной политикой в широком смысле слова. В ней в концентрированном виде выражены цели, принципы, стратегия, основные направления, формы и методы контроля государства за преступностью. Политика государства в указанной сфере многопланова, ее можно условно разделить на политику в сфере предупреждения преступности, уголовную, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную.

Уголовно-исполнительная политика, как и иные направления политики государства, имеет две формы выражения. Первая – это директивная форма. Директивы содержатся в утвержденных концепциях, официальных оценках, посланиях и поручениях высших органов государственной власти, в соответствии с Конституцией Российской Федерации определяющих внутреннюю политику государства. В директивной форме определяет уголовно-исполнительную политику Президент Российской Федерации. Вторая форма – нормативно-правовая. Она характерна для деятельности Федерального Собрания Российской Федерации, принимающего законодательные акты. Это классическая схема

субъектов и форм определения уголовно-исполнительной политики, которую описывал в своих работах ряд известных ученых (Н. А. Стручков, А. Е. Наташев, И. В. Шмаров). В последнее время в связи с произошедшим в рамках административной реформы расширением полномочий к субъектам определения уголовно-исполнительной политики можно отнести и Правительство Российской Федерации. Это можно считать неоклассической схемой субъектов определения уголовной и уголовно-исполнительной политики. Речи о новых формах в данном случае не идет, поскольку политические установки правительства выражаются как в директивах, так и в нормативных правовых актах. Именно в рамках неоклассической схемы субъектов уголовно-исполнительной политики распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 года № 1772-Р [1], была принята Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее – Концепция). В рассматриваемом случае речь идет о формах и субъектах определения уголовно-исполнительной политики. Что же касается субъектов выработки (формирования) политики или субъектов реализации политики, то их значительно больше.

По своему содержанию уголовно-исполнительная политика заключается в закрепленных в директивных документах и уголовно-исполнительном законодательстве целях, принципах, стратегии, основных направлениях, формах и методах деятельности государства по обеспечению исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, исправлению осужденных, предупреждению совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

Цели и принципы политики в указанной области наиболее стабильны, так как базируются на выработанных международным сообществом положениях об обращении с осужденными, соответствующих международных актах, достижениях науки. Стратегия политики в сфере исполнения наказания также достаточно стабильна, но может меняться в связи с коренными преобразованиями в экономике, политике, идеологии. Изменение стратегии развития политики государства в указанной социальной сфере произошло в России в начале XXI века. Оно обусловлено новыми политическими позициями в отношении взгляда на права человека, в том числе права осужденных; новыми экономическими отношениями, возникшими в обществе; существенными преобразованиями в производственной деятельности исправительных учреждений и иными установками, направленными на переосмысление роли труда осужденных; деполитизацией воспитательной работы с ними, изменением организационных основ уголовно-исполнительной системы.

Очередной этап корректировки стратегии, форм и методов уголовно-исполнительной политики связан с принятием в 2010 году Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года [2]. В данном политико-правовом документе поставлены следующие цели: совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития; сокращение рецидива преступлений; создание гарантий соблюдения прав и законных интересов осужденных в соответствии с международными стандартами; изменение идеологии применения основных средств исправления осужденных в местах лишения свободы за счет повышения эффективности

социальной и психологической работы с личностью и подготовки ее к жизни в обществе; расширение сферы применения наказаний и иных мер, не связанных с лишением свободы; обеспечение прозрачности уголовно-исполнительной системы, расширение сотрудничества с гражданским обществом и т. д.

Самостоятельной и важной категорией уголовно-исполнительной политики является система факторов, определяющих ее развитие. При довольно большом числе данных факторов их можно подразделить на: а) экономические; б) политические; в) социальные; г) духовные.

К экономическим факторам относятся: состояние экономики государства, уровень развития производительных сил и производственных отношений, благосостояние населения, экономико-географический фактор и другие. Благополучное в экономическом отношении государство с высоким уровнем доходов населения может ставить более высокие цели в различных сферах, в том числе и в уголовно-исполнительной деятельности. Соответственно, это позволяет выработать стабильную и фундаментальную стратегию уголовно-исполнительной политики, а основные формы и методы ее реализации сделать не зависящими от политических факторов и конъюнктуры. Экономически развитое государство способно создать материальную базу для успешного осуществления стоящих перед ним целей. В условиях экономического кризиса стратегия уголовно-исполнительной политики находится в большей зависимости от экономического состояния общества, нежели от ее целей и принципов. Поэтому при формировании стратегии уголовно-исполнительной политики необходимо базироваться на экономически обоснованных средствах ее реализации. Именно экономические причины обусловили тот факт, что уголовное наказание в виде ареста с 1996 года по настоящее время не применяется, а наказание в виде принудительных работ стало применяться с 1 января 2017 года. Постановка нереальных, экономически не обеспеченных целей подрывает доверие к проводимой уголовно-исполнительной политике и институтам, ее формирующим и реализующим. Именно это случилось, когда в 2010 году Концепцией перед государством и обществом была сформулирована цель перехода на тюремное содержание осужденных. Это дискредитировало и политику, и в целом позитивную идею тюремного содержания осужденных в соответствии с европейскими тюремными стандартами.

Политические факторы подразделяются на внешнеполитические и внутриполитические. К первым следует отнести приоритеты Российской Федерации в сфере внешней политики, в том числе – в области международного сотрудничества по различным направлениям деятельности, международные соглашения нашего государства, связанные с противодействием преступности и обращением с правонарушителями и другие.

Международные акты, посвященные правам человека, обращению с осужденными, серьезно влияют на уголовно-исполнительную политику. Это следует, прежде всего, из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Российская Федерация является участником многочисленных международных договоров, она признает ряд резолюций и решений

международных организаций, в первую очередь – ООН и Совета Европы, по вопросам соблюдения прав осужденных. В числе таких документов следует назвать Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы, 2015 год), Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979 год), Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988 год), Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (1985 год), и другие. В 1996 году Российская Федерация была принята в Совет Европы. Она подписала Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1950 год), Европейскую конвенцию о предупреждении пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1987 год). Сегодня на повестке дня – выполнение Европейских пенитенциарных (тюремных) правил (2006 год), Европейских правил в отношении несовершеннолетних осужденных к наказаниям или мерам (2008 год), Европейских правил о пробации (2010 год). Одно из требований Совета Европы к государствам – членам этой организации состоит в том, чтобы при принятии политических решений и подготовке норм уголовного-исполнительного законодательства в их основу были положены принципы и стандарты общеевропейского права.

Значимость принципов, сформулированных в международных соглашениях, и общих положений этих документов о защите прав человека и обращении с осужденными для формирования целей и задач политики в сфере исполнения наказания определяется тем, что они имеют межгосударственный характер, стабильны, не подвержены воздействию социальной и политической конъюнктуры, складывающейся в конкретной стране, не зависят от идеологических и криминологических факторов и, следовательно, являются четким ориентиром для развития политики, законодательства и правоприменительной деятельности в сфере исполнения наказания. Кроме того, их выполнение государствами обеспечивается как авторитетом международного мнения, так и правовыми механизмами, например, инспекциями Европейского комитета против пыток и других жестоких, бесчеловечных видов обращения и наказания (ЕКПП), решениями Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ).

К внутривнутриполитическим факторам следует отнести политическое состояние общества, уровень развития политического режима, формы государственного устройства, формы правления, наличие многопартийной системы, закрепление и гарантию демократических норм государственного устройства, наличие или отсутствие внутривнутриполитических конфликтов и т. д. Политическая культура и толерантность общества, четкость и реалистичность политических целей, которые ставит перед собой государство, последовательная их реализация властью, стабильность развития, отсутствие крупномасштабных политических конфликтов создают благоприятные условия успешного воплощения в жизнь целей и принципов политики в сфере исполнения наказания. Напротив, дестабилизация социально-политической обстановки, неясность и противоречивость целей общественного развития, социальная напряженность и политические конфликты оказывают деструктивное влияние на формирование и осуществление принципов данного направления политики.

Важным внутривнутриполитическим фактором является определение основных векторов и форм участия институтов гражданского общества в реализации функции государства по исполнению уголовных наказаний. В рамках данного аспекта наиболее актуальными представляются решения о развитии: а) общественного контроля за обеспечением прав человека в местах лишения свободы, осуществляемого общественными наблюдательными комиссиями в соответствии с Федеральным законом от 10 июня 2008 года № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»; б) общественного содействия в проведении воспитательной работы, оказании социальной помощи осужденным, особенно при освобождении от отбывания наказания; в) системы изучения (мониторинга) общественного мнения о деятельности уголовно-исполнительной системы, в том числе – и в региональном аспекте.

Факторы социального характера являются наиболее распространенными. К основным из них можно отнести социально-демографические процессы, социальные приоритеты и социальную политику государства, структуру и динамику преступности в стране, исторический опыт, развитие образования и фундаментальных общественных наук, включая юриспруденцию, и ряд других.

На формирование стратегии политики в области исполнения наказания оказывают воздействие динамика и структура преступности. При стабильном уровне преступности или его снижении политика в данной сфере, как правило, более гуманна. Однако рост количества особо тяжких и тяжких преступлений, прежде всего насильственных, негативно влияет на нравственные и правовые стереотипы в обществе, стимулирует более жесткие политические и правовые шаги, в том числе – в сфере исполнения наказаний. Примером могут послужить законодательные решения 2010–2012 годов, дважды ужесточившие условия досрочного освобождения осужденных за сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, а затем предусмотревшие за их совершение пожизненное лишение свободы.

Еще один социальный фактор, влияющий на развитие уголовно-исполнительной политики – достижения науки, которая не только решает проблемы борьбы с преступностью (криминология, уголовное право, прежде всего, теория наказания, уголовно-исполнительное право), но и исследует проблемы исправления осужденных (исправительная социология, психология и педагогика).

Различными отраслями науки, исследовавшими проблемы исполнения наказания и исправления осужденных (уголовным и уголовно-исполнительным правом, пенитенциарными социологией, педагогикой и психологией), были сформулированы цели, принципы, основные формы и методы обращения с осужденными, особенно – к лишению свободы. Они нашли отражение в законодательных актах, определяющих политику в сфере исполнения уголовного наказания, прежде всего в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации [3, с. 165–166]. В настоящее время влияние науки как фактора развития уголовно-исполнительной политики крайне ослаблено. Можно утверждать, что ведущие научные школы находятся в своеобразной «научной оппозиции» по вопросам обсуждения перспективных направлений развития уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства.

Примером возможного влияния науки в данной сфере следует назвать прошедшую с 12 по 18 ноября 2009 года в исправительных учреждениях страны восьмую специальную перепись осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей [4].

Перепись зафиксировала тенденцию к дальнейшей десоциализации личности осужденных, утрате ими социально-полезных связей. Так, 52,9 % осужденных не учились и не работали до осуждения, большинство из них вели паразитический образ жизни, не имея трудовых навыков. Впервые за время проведения специальных переписей осужденных (с 1970 года по настоящее время) появилась категория осужденных, не имеющих образования, иначе говоря – неграмотных. Этот процент пока не столь значим, составляя 1,8 %, однако он свидетельствует о неблагополучии в системе семейного и школьного воспитания, о безнадзорности детей.

Семья является действенным антикриминогенным фактором. Между тем, как показала перепись, 77,1 % осужденных не состояли в браке на момент осуждения (в 1999 году таких лиц было 69,1 %). Показательно, что у 47 % лиц, состоявших в браке на момент осуждения, брак во время отбывания наказания в виде лишения свободы был расторгнут (в 1999 году эта доля составляла 32 %). Установлено, что почти половина (48,1 %) осужденных в 2009 году не воспользовались правом на телефонные переговоры, а 68,8 % не получили от родственников ни одного денежного перевода. В 2009 году краткосрочными свиданиями не воспользовались 56,5 % осужденных, а длительными – 66,1 %. По результатам предыдущих переписей эти проценты значительно ниже, особенно в советский период развития нашего государства. Процесс десоциализации личности осужденных к лишению свободы должен оставаться в фокусе постоянного внимания науки, а результаты изучения данной проблемы должны быть положены в основу решений по корректировке уголовно-исполнительной политики, изменению и дополнению уголовно-исполнительного законодательства.

Еще одним примером является разработка модельного уголовно-исполнительного законодательства. Решением ученого совета юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова от 23 декабря 2015 года был открыт научно-образовательный центр (НОЦ) «Проблемы уголовно-исполнительного права». С момента образования в его рамках началась реализация социально значимого правового проекта – подготовки научно-теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. К этой довольно сложной творческой работе в январе 2016 года приступил коллектив ученых и практиков в области уголовного и уголовно-исполнительного права. В конце сентября 2016 года данный проект был завершен.

В процессе подготовки данной научно-теоретической модели многие ее положения прошли своеобразную научную апробацию. Ее проект был разослан в заинтересованные федеральные органы государственной власти, включая Минюст России, ФСИН России. Он был направлен в образовательные учреждения и научно-исследовательские организации юридического профиля. В мае 2016 года первый вариант научно-теоретической модели стал предметом обсуждения на круглом столе «Проблемы кодификации уголовно-исполнительного законодательства», проходившем

в рамках юбилейного X Российского конгресса уголовного права «Криминологические основы уголовного права» 26–27 мая 2016 года в МГУ имени М. В. Ломоносова [5]. В нем приняли участие члены Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, руководители Синодального отдела Московского патриархата РПЦ по тюремному служению, ответственные сотрудники Министерства юстиции РФ и Федеральной службы исполнения наказаний, аппарата Уполномоченного по правам человека в РФ и представители неправительственных международных организаций, ученые из образовательных и научно-исследовательских учреждений Москвы, Рязани, Томска, Самары, Вологды, Саратова, Екатеринбурга, Владивостока и других городов. Активно участвовали в обсуждении ученые Беларуси, Словении, Сербии, а также Казахстана, где новый Уголовно-исполнительный кодекс действует с 2015 года.

Положения научно-теоретической модели рассматривались 30 июня 2016 года на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, а также на ряде международных и региональных научно-практических конференций. Полученные замечания и предложения позволили доработать проект и представить его для публикации в издательство «Юриспруденция» [6].

Духовные факторы включают в себя идеологические установки, общественное мнение и господствующие в обществе нравственные ценности и правовые представления. Государство может провозглашать, законодательно закреплять высокие моральные и правовые принципы, но они не всегда адекватно воспринимаются и усваиваются всеми слоями общества. У разных социальных групп могут быть значительные отклонения от провозглашаемых и пропагандируемых нравственных и правовых ценностей. Степень такого отклонения зависит от самого общества. Если оно благополучно и устойчиво в социально-политическом отношении, такие противоречия не столь очевидны и контрастны, они существенно сглаживаются. Отношение к осужденным в таких условиях становится более терпимым, гуманным, что неизбежно влияет на формирование политики в сфере исполнения уголовного наказания, форм и методов ее реализации.

С обострением социальных отношений ослабевают нравственные устои общества, а это ведет к усилению противоречий между людьми, порождает негативные взгляды на осужденных, что неизбежно отрицательно влияет на формирование уголовно-исполнительной политики. Она становится более жесткой, а ее цели и принципы почти не реализуются на практике.

При оценке различных факторов следует иметь в виду, что вследствие сложности социальных процессов, в том числе и процесса исполнения уголовных наказаний, принятие большинства решений в области уголовно-исполнительной политики сопровождается действием как позитивных (свидетельствующих в пользу принятия решения), так и негативных (препятствующих принятию решения) аспектов. Если ориентироваться на принятие решений исключительно с точки зрения позитивных доводов, то можно просто остановить политический и законодательский процесс в области исполнения наказаний. Негативные же не могут автоматически блокировать принятие решений, однако их не следует игнорировать. Их необходимо выявлять, анализировать

и при необходимости предусматривать меры по минимизации отрицательных последствий их воздействия. С этой целью видится правильным в пояснительных записках к политическим решениям и законопроектам указывать возможные негативные последствия предлагаемых решений и норм, а также меры, которые необходимо предпринять для их сокращения или устранения.

Вышесказанное наглядно демонстрирует настоятельную необходимость учета всех факторов при принятии решений в уголовно-исполнительной политике, включая решения по изменению и дополнению уголовно-исполнительного законодательства.

Литература

1. Сборник законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544. URL: <http://consultant.ru>.
2. Распоряжение Правительства РФ от 23 сентября 2015 года № 1877-р. URL: <http://consultant.ru>.
3. Грушин Ф. В. Уголовно-исполнительная наука как фактор, определяющий развитие уголовно-исполнительной политики и законодательства // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415.
4. Осужденные и содержащиеся под стражей в России: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009 года / под общ. ред. Ю. И. Калинина; под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2012.
5. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2016.
6. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. профессора В. И. Селиверстова. М., 2017.

И. А. Семенцова

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ КРУГА ЛИЦ, КОТОРЫМ НАЗНАЧАЮТСЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Рассмотрение теоретических и практических проблем принудительного лечения хотелось бы начать с раскрытия понятия «принудительные меры медицинского характера» и их целей. Итак, принудительные меры медицинского характера можно определить как особую уголовно-правовую форму государственного принуждения, содержание которой заключается в принудительном лечении невменяемых, а также вменяемых лиц, совершивших преступление и нуждающихся согласно своему психическому состоянию в принудительном лечении. Они направлены на защиту интересов данных лиц, на их излечение или по меньшей мере улучшение их психического состояния и социальную адаптацию, охрану

интересов общества, а следовательно, предупреждение совершения ими преступлений в настоящем и будущем [1].

Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, страдающим психическими расстройствами, не исключаящими вменяемости, способствуют достижению также и целей уголовного наказания. В статье 98 УК РФ содержатся цели принудительных мер медицинского характера: излечение лиц, страдающих психическими расстройствами, улучшение их состояния, предупреждение совершения ими новых преступлений.

УК РФ также содержит перечень лиц, к которым применяются данные меры. На наш взгляд, данный перечень не является исчерпывающим. Ранее УК РФ [4] допускал применение принудительных медицинских мер к лицам, которые совершили преступление и были признаны судом в качестве нуждающихся в лечении от алкоголизма и наркомании (п. «г» ст. 97 УК РФ). Но Уголовный кодекс не содержал целей применения принудительных мер, то есть были закреплены лишь основания их применения, но не указано, на что они направлены. В данный момент УК РФ не указывает в перечне целей такую, как профилактика совершения общественно опасных деяний. Но ведь она – одна из главных. Ее осуществление представляется возможным, прежде всего, посредством реализации профилактических мер, применяемых еще до того, как лицом будет совершено какое-либо преступление. Нами не разделяется позиция законодателя об отмене принудительного лечения в отношении алкоголиков – изменения внесены в УК РФ Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Очевидно, что при этом достаточно проблематичным будет их желание лечиться добровольно.

По данным статистики Минюста России [3], одновременно с ежегодным увеличением количества осужденных увеличивается и число лиц, признанных в отношении инкриминируемых им деяний невменяемыми, а также ограниченно вменяемыми и направленными судом на принудительное лечение.

Употребление алкоголя и наркотиков тесно связано с совершением лицом преступлений. В состоянии опьянения или абстиненции проявляются скрытые качества и черты личности, выражающиеся зачастую в агрессивном поведении.

Согласно статистике, ежегодно от 27 до 37 % преступлений совершаются под воздействием алкогольного или наркотического опьянения [2].

На данный момент в ст. 23 УК РФ говорится, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, вызванного употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, новых потенциально опасных психоактивных веществ либо других одурманивающих веществ, подлежит уголовной ответственности.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 года № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания» [5] ранее содержало определение временных психических расстройств. Под ними подразумеваются заболевания, допускающие возможность полного выздоровления. При этом длительность заболевания может быть различной: от нескольких минут до нескольких лет. Указанное постановление относилось к

подобным психическим расстройствам: патологическое опьянение, патологический аффект, сумеречные и реактивные состояния.

В соответствии с действующими на территории Российской Федерации положениями Международной классификации болезней (МКБ-10) употребление психоактивных веществ (алкоголя, наркотиков и токсикоманических средств), которые при злоупотреблении ими вызывают зависимость, относится к разделу F «Психические расстройства и расстройства поведения» рубрики F10–19 «Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ» [9]. Данные заболевания оказывают значительное влияние на осознанную волевою деятельность лица. Соответственно, воздействие только наказанием без устранения первопричины опасного поведения – психического заболевания (алкоголизма, наркомании) будет неполноценным и не реализует назначенной цели [8]. Алкоголизм и наркомания признаны психическими болезнями. Лицо, страдающее данными заболеваниями, перестает отдавать отчет в своих действиях, адекватно оценивать происходящие с ним события и реагировать на внешние раздражители. Следовательно, такие лица активнее идут на совершение преступлений.

Назначая условное осуждение в соответствии с положениями ч. 5 ст. 73 УК РФ и применяя условно-досрочное освобождение согласно ч. 5 ст. 79 УК РФ, суд может возложить на осужденного обязанность пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания.

Поэтому актуальной проблемой, на наш взгляд, является регламентация данного вопроса в императивной форме.

Но тот факт, что данное лицо при запущенных формах данных заболеваний не является вменяемым, не позволяет применить к нему уголовное наказание. Оно становится невозможным и, следовательно, необходимо применение иных мер уголовно-правового характера, а именно – принудительного лечения.

Исключение такой категории лиц, как алкоголики и наркоманы из УК РФ, на наш взгляд, не позволяет обезопасить наше общество от дальнейшего совершения ими преступлений.

Многие ученые-правоведы отмечают, что перечень целей, закрепленный в ст. 98 УК РФ, является неполным. В учебниках по судебной психиатрии указывается, что принудительные меры медицинского характера, с одной стороны, направлены на лечение психически больных, а с другой – имеют цель защитить общество от общественно опасных действий, совершаемых этими лицами по болезненным мотивам. УК РФ же относит к целям данных мер лишь предупреждение совершения новых преступлений, излечение лица, улучшение его психического состояния [4].

Рядом ученых высказывается предложение обозначить такую цель, как проведение мер социальной реабилитации, то есть выработки у больного навыков жизни в обществе в той мере, в какой это возможно в условиях медицинских учреждений, осуществляющих принудительное лечение. Предлагается выделять также в качестве цели обеспечение безопасности больного от самого себя и обеспечение безопасности общества от него [6].

Имеется необходимость применять принудительное лечение данных лиц независимо от совершения ими преступлений, таким образом реализуя

превентивную функцию уголовного закона. Не нужно ждать совершения ими правонарушений. Необходимо создание системы органов, которые контролировали бы и выявляли их, осуществляли их лечение и социализацию [7].

Таким образом, признание того факта, что лица, страдающие алкоголизмом и наркоманией, являются психически больными и не могут осознавать свои действия и руководить ими, является обоснованием применения к ним именно принудительного лечения с целью предотвращения совершения ими уголовно наказуемых деяний. Также необходимым видится расширение перечня целей принудительных мер медицинского характера, что позволит повысить эффективность их применения посредством увеличения количества вариантов процедур и мероприятий, проводимых с лицами, которые являются объектом применения упомянутых мер.

Литература

1. Чучаев А. И. Уголовное право: учебник. М., 2016.
2. Преступность и правонарушения (2003–2007): сборник статей. М., 2008.
3. Министерство юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 30 декабря 2015 года) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 июня 1979 года № 3 «О практике применения судами общих начал назначения наказания» // Бюллетень Верховного Суда СССР. № 4. 1979.
6. Шишков С. Д. Исполнение принудительных мер медицинского характера // Законность. 2012. № 6.
7. Журавлев М. П., Рарог А. И. Уголовное право России: учебник. М., 2012.
8. Карпов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
9. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем: десятый пересмотр (МКБ-10). Женева, 1995. Т. 1. Ч. 1.

А. М. Смирнов

К ВОПРОСУ О ЧРЕЗМЕРНОМ ГУМАНИЗМЕ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Обеспечение безопасности личности, защита интересов общества и государства на должном уровне напрямую зависят от эффективной реализации государством уголовной политики.

Современный этап развития российской государственности свидетельствует о том, что власть в России принимает различные меры по повышению результативности внутренней уголовной политики, однако эти меры в некоторых

случаях имеют противоречивый характер, поэтому не достигают поставленных целей – преступность в России, с учетом ее латентной составляющей, продолжает иметь высокие показатели, ухудшаются ее качественные характеристики.

Главным вектором развития современной уголовной политики России является курс на гуманизацию назначения и исполнения уголовных наказаний. Этот подход к реагированию на преступность является одной из главных тем научной дискуссии. Согласимся с точкой зрения тех ученых и специалистов, которые, признавая гуманизм в общественных отношениях бесспорным достижением современной цивилизации, считают, что государство (власть, законодатель) не должно им увлекаться, особенно в рамках своей правоохранительной деятельности.

Одним из первых ученых, выступивших с резкой критикой проводимого в стране подобного курса уголовной политики, стал Э. Ф. Побегайло, который охарактеризовал его как кризис, поскольку предполагал неадекватность реакции государства состоянию и тенденциям преступности в стране [5]. Поэтому, как верно указывают М. М. Бабаев и Ю. Е. Пудовочкин, большинство уголовно-политических решений, в том числе – новые законы, принимаются в условиях высокой степени неопределенности знания о масштабах, характере и степени реальности криминальных угроз и способов защиты от них [1, с. 29].

Как справедливо отмечают отдельные ученые, гуманизм современной российской уголовной политики проявляется в сомнительных изменениях Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса и объявлении массовых амнистий [2, с. 175]. Поэтому не случайно среди российской научной общественности усиливается убеждение в том, что российское антикриминальное законодательство настолько «гуманизировалось» усилиями власти, что многие наказания вызывают у преступников лишь «улыбку и вздохи облегчения» [6]. В силу этого ведущие ученые, характеризуя гуманизм современной уголовной политики России как чрезмерный, отмечают, что есть достаточные основания полагать, что под «флагом ложной гуманности» в России «бродят» тысячи убийц и миллионы преступников, избежавших уголовной ответственности, а это несет в себе сложнейшую проблему обеспечения общественной безопасности на должном уровне [2, с. 289]. Поэтому со всей очевидностью можно утверждать, что чрезмерный либерализм и гуманизм в уголовной политике сегодня ничем не оправдан и, более того, опасен для внутренних национальных интересов [8].

«Законодатель, конечно, очень гордятся своим гуманизмом, – пишет В. С. Овчинский, – при этом они не понимают, или не хотят понять, что общество отвергает эту гуманизацию». Он справедливо акцентирует внимание на том, что опросы всех российских социологических центров показывают: граждане ждут от власти ужесточения наказания по отношению к преступникам. Однако законодатели принимают абсолютно противоположные решения [4].

Резюмировать изложенное можно словами В. В. Лунеева, согласно которым «судя по всему обеспечение безопасности народа от различных форм

преступности не входит в высшую политику властей» [3, с. 152]. Соглашаясь с ним, Д. А. Шестаков пишет, что на деле сегодняшняя уголовная политика в России преследует цели: 1) поддержания минимального порядка на бытовом уровне преступности и 2) сбережения от ответственности олигархов, с которыми, по всей видимости, власть связана общими интересами [9, с. 52].

К сожалению, следует констатировать, что в целом гуманизм современной уголовной политики России направлен на преступников, а не на жертв общественно опасных деяний и лиц, признанных потерпевшими от преступлений, при этом он имеет явно чрезмерный характер.

Обстоятельством, подтверждающим это, является наличие в УК РФ слишком «мягких» санкций, явно не соответствующих преступному результату. Так, например, наказание за посягательство на жизнь человека в одних случаях «оценивается» уголовным законом сроком от 6 до 15 лет изоляции от общества (например, ч. 1 ст. 105 УК РФ), в других – до 5 лет (например, ч. 3 ст. 264 УК РФ), а может составлять и не более 2 лет (ч. 1 ст. 109 УК РФ). Если жизнь человека для отечественного законодателя столь малоценна, то о здоровье личности и говорить не приходится – санкции за посягательство на него еще более ничтожны.

Напомним, что весной 2011 года были отменены нижние пределы санкций за совершение порядка 110 общественно опасных деяний, среди которых – тяжкие и особо тяжкие составы преступлений [7]. В итоге характер государственного реагирования на значительную часть преступных деяний, в том числе тяжких и особо тяжких, достиг «нулевой» отметки. Со всей очевидностью это является серьезным стимулом для развития преступности в стране. Подтверждением тому служат результаты нашего исследования, согласно которому для 85 % законопослушных граждан, а также лиц, совершивших преступления, сдерживающим фактором от совершения преступлений являются не максимально возможные, а минимально неизбежные виды и размеры наказаний, а также степень вероятности их назначения судами.

Следует отметить, что УК РФ в сравнении с ранее действовавшим УК РСФСР 1960 года по некоторым положениям представляет собой более «суровый» нормативный акт, на что указывает, например, увеличение в два раза продолжительности сроков лишения свободы (ст. 56 УК РФ), нормативное закрепление пожизненного лишения свободы (ст. 57 УК РФ) и смертной казни (ст. 59 УК РФ). Однако установление различных правовых условий применения данных наказаний существенно ограничивают практику их реализации, и это подтверждает известную истину о том, что строгость закона в России нивелируется мягкостью и либеральностью его применения. Согласно анализу статистических данных Судебного департамента Верховного Суда РФ в России к реальному лишению свободы приговаривается около 1/3 лиц, признанных виновными в совершении преступлений.

Проявлением рассматриваемого признака российской уголовной политики по отношению к лицам, совершившим преступления или общественно опасные деяния, является наличие в УК РФ достаточно широкого круга возможностей для освобождения от уголовной ответственности или наказания,

или же в случае невозможности избежать такого – смягчения характера мер государственного принуждения (среди данных возможностей – малозначительность деяния, возраст уголовной ответственности, невменяемость, невиновное причинение вреда, сроки давности привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания, изменение обстановки, наличие малолетних детей, амнистия, помилование, уголовно-правовые иммунитеты и т. д.), и круг этих возможностей имеет тенденцию к расширению (в частности, с увеличением количества возможностей освобождения от уголовной ответственности по обстоятельствам, которые ранее имели единичный (частно-правовой) характер, например, уважительной причины).

Таким образом, соглашаясь с тем, что гуманизм – это, безусловно, нужное и социально важное направление развития цивилизованного государства, которым стремится быть современная Россия, необходимо понимать: он должен проявляться в разумных пределах, то есть не быть чрезмерным. Как следствия, изменения, вносимые в УК РФ, должны носить глубоко продуманный, криминологически обоснованный и научный характер. Эти изменения обязаны соответствовать социальным ожиданиям, учитывать баланс интересов всех участников уголовно-правовых отношений, чтобы не создавалось впечатление, что государство заботится только о преступниках, а не о законопослушных гражданах. В противном случае можно ожидать автономизацию и самоорганизацию граждан в защите своих прав и свобод от преступных посягательств, что мы и наблюдаем сегодня в социальной практике в виде роста самосудных расправ над причинителями вреда.

Литература

1. Бабаев М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. М., 2014.
2. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М., 2014.
3. Лунеев В. В. Эпоха глобализации и преступность. М., 2007.
4. Овчинский В. С. Суд и самосуд. URL: <http://www.mk.ru/blog/posts/596-sud-i-samosud.html> (дата обращения: 16.04.2016).
5. Побегайло Э. Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 3–4.
6. Рудаков В. Под дулом пистолета. К чему приведет вооружение народа // Отечественные записки: приложение к газете «Советская Россия». 2013. 14 марта.
7. Федеральный закон от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ» // Российская газета. 2011. 11 марта.
8. Фисенко С. Б. Уголовная политика России: современное состояние и пути оптимизации // Преступность, уголовная политика, закон / под ред. А. И. Долговой. М., 2016.
9. Шестаков Д. А. Введение в криминологию закона. СПб., 2011.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Одним из наиболее проблемных моментов в современной уголовной политике является определение подхода к юридической оценке и противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Основные сложности и противоречия, обуславливающие эту проблемность, можно классифицировать, разделив на три группы, о которых пойдет речь далее.

Прежде всего нет ясного понимания того, что представляет собой данный тип преступности.

Компьютерная преступность – это совокупность преступлений, в которых предметом преступных посягательств выступает компьютерная информация [4].

Также ее можно определить как совокупность преступлений, совершаемых с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети и против компьютерной системы или сети [1].

Вопросы вызывает и сам термин «компьютерная информация». Если использовать легальное определение компьютерной информации, закрепленное в примечании 1 к ст. 272 Уголовного кодекса РФ, согласно которому под ней понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи, то возникает вопрос о возможности его применения к сведениям (сообщениям, данным), передаваемым без использования электрических сигналов (по беспроводным сетям Wi-Fi, LTE, NFC, Bluetooth и другим).

В литературе встречаются попытки определить киберпреступность как преступность, совершаемую в киберпространстве [7].

Предлагается ее понимание в узком и широком смыслах. Компьютерная преступность в узком смысле представляет собой такую совокупность преступлений, где в качестве непосредственного основного объекта преступного посягательства выступают охраняемые законом общественные отношения в сфере безопасного создания, хранения, обработки и передачи компьютерной информации, а предметом преступления являются компьютерная информация, средства защиты компьютерной информации, информационно-телекоммуникационные сети, средства хранения, обработки и передачи компьютерной информации. То есть понятие «компьютерные преступления» полностью совпадает с установленным законодателем понятием «преступления в сфере компьютерной информации».

В свою очередь компьютерная преступность в широком смысле определяется в качестве совокупности преступлений, основной непосредственный объект преступного посягательства которых – общественные отношения в сфере компьютерной информации и информационных технологий, безопасного

функционирования средств создания, хранения, обработки, передачи, защиты компьютерной информации, но при этом компьютерная информация, информационно-телекоммуникационные сети, средства создания, хранения, обработки, передачи компьютерной информации (компьютеры, смартфоны, айфоны, кассовые аппараты, банкоматы, платежные терминалы и иные компьютерные устройства) являются не только предметом преступного деяния, но и используются в качестве средства и орудия совершения преступления [2].

С учетом перечисленных точек зрения и нашего видения проблемы, предлагаем все общественно опасные деяния, совершаемые при помощи информационно-телекоммуникационных технологий (киберпреступления), условно разделить на две группы: связанные с взаимодействием человека и техники (хищения, совершаемые при помощи программных и аппаратных средств, преступления в сфере компьютерной информации) и подразумевающие взаимодействие человека с человеком (группой людей), организованное при помощи технических средств.

Наиболее обобщенные показатели реагирования правоохранительных органов на общественно опасные противоправные деяния в исследуемой сфере зафиксированы в отчете о преступлениях, совершенных в области телекоммуникаций и компьютерной информации, ГИАЦ МВД России (форма 1-ВТ).

Учеными отмечается, что в целом возможности исследования данных статистических показателей крайне ограничены в связи со сложностью получения достоверных сведений и его запаздыванием в контексте интенсивности развития технологий. В то же время не приходится ждать устойчивой фазы, в которой изучаемые показатели были бы стабильными, а значит рассматривать соответствующие явления необходимо в динамике [5].

К преступлениям, совершаемым в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, упомянутый выше отчет относит 16 общественно опасных деяний. В этот перечень входят: нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан (ст. 138 УК РФ), незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ), неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ), нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), кража (ст. 158 УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171.2 УК РФ), незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), незаконное распространение порнографических материалов или предметов (ст. 242 УК РФ), изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (ст. 242.1 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ).

Любопытно, что мошенничество с использованием платежных карт и мошенничество в сфере компьютерной информации, последнее из которых невозможно совершить без использования средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей, появились в отчете лишь летом 2016 года, а в Уголовный кодекс РФ они были введены Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

К 2015 году преступность в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации, согласно данным ГИАЦ МВД России, стала фактически ассоциироваться с хищениями, совершаемыми при помощи информационных технологий (более 80 %: 49,9 % – в форме мошенничества и 31,3 % – в форме кражи). Такая ситуация не отвечает современным криминологическим реалиям и может привести к непредсказуемым последствиям, поскольку из поля зрения правоохранительных органов исчезает значительный массив преступлений, совершаемых в социальном сегменте сети Интернет.

Достаточно непоследовательным и не соответствующим действительному положению дел также является отсутствие преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, в перечне статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности, утвержденном указанием Генпрокуратуры России № 65/11 и указанием МВД России от 01 февраля 2016 года № 1.

Для повышения объективности оценки масштабов преступлений, совершаемых в сфере информационных технологий, следует учитывать не только преступления, входящие на сегодняшний день в рассматриваемый отчет, но и иные преступления, при совершении которых важное криминологическое значение имеет именно использование информационного пространства сети Интернет.

В связи с этим предлагаем дополнить перечень следующими пунктами:

1. Преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий: ст. 138.1, 159.6, 272, 273, 274.

2. Преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о том, что преступление совершено с использованием компьютерной техники или сети Интернет: ч. 2 ст. 128.1, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ст. 135, 137, 138, 146, 158, 159, 165, 171.2, 183, 185.3, 187, ч. 2 ст. 205.2, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ст. 234, ст. 234.1, 238, 240, п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1, п. «г» ч. 2 ст. 242.2, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280.1, ст. 282, ч. 2 ст. 354, ч. 2, ч. 3 ст. 354.1.

В современном отечественном уголовном законодательстве при формулировании ряда составов преступлений законодатель учел возможности преступников использовать информационно-телекоммуникационные технологии для достижения преступного результата. Анализ содержания уголовно-правовых норм показывает, что в тексте Уголовного кодекса РФ для этого используются восемь различных формулировок.

Таблица

Текст нормы	Статья УК РФ
... в ... средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях ...	ч. 3 ст. 137
... с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет	ст. 171.2
... через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет)	ст. 185.3
... с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет	ч. 2 ст. 205.2
... с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)	п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 2 ст. 280.1
... с использованием средств массовой информации, в том числе информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)	п. «б» ч. 3 ст. 242, п. «г» ч. 2 ст. 242.1
... с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)	п. «г» ч. 2 ст. 242.2
... с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет	ч. 2 ст. 280, ст. 282

При анализе текста приведенных в таблице норм возникает ряд вопросов:

1. Почему законодатель в некоторых нормах разделяет электронные и информационно-телекоммуникационные сети союзом «или» (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ, ч. 2 ст. 280.1 УК РФ), а в ст. 185.3 УК РФ объединяет их, перечисляя через запятую? Что вообще такое «электронные сети»?

2. Почему законодатель при конструировании одних составов преступлений использует формулировку «информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть Интернет», других – «информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет)»? Есть и упоминание информационно-телекоммуникационных сетей без указания на сеть Интернет (ч. 3 ст. 137 УК РФ). Сделано ли это осмысленно или это следствие небрежности и невнимательности рабочих групп, занимающихся подготовкой законопроектов?

Понятие информационно-телекоммуникационной сети нормативно закреплено в п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Под ней понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием

средств вычислительной техники. Понятия электронной сети в законе нет, однако там используются термины «электронное сообщение» (информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети), «электронный документ» (документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном, в том числе, для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям), «электронная почта», «электронный адрес», «электронная подпись». Все эти термины обозначают некую информацию, которую можно передавать при помощи информационно-телекоммуникационных сетей.

Объяснение различию используемых законодателем формулировок частично можно найти в рассуждениях И. М. Рассолова, который отмечает, что до недавнего времени каждый тип сети был исключительно или главным образом посвящен какой-либо услуге (например, кабель в услугах аудиовизуального распространения, телефонная сеть в голосовой телефонии и т. д.). Отныне под воздействием феномена технологической конвергенции (Интернета) сети не посвящены больше отдельным услугам и позволяют распространять любые виды информации и услуг (аудиовизуальные программы, голосовую телефонию, интерактивные коммуникации, коммерческие услуги и т. д.), а традиционное различие между регулированием услуг и сетей аудиовизуального распространения, с одной стороны, и регулированием услуг и сетей телекоммуникаций – с другой, теряет свою актуальность [6].

В науке делается справедливый вывод о чрезмерности установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием электронных сетей совместно с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, что обусловлено рядом причин: во-первых, на сегодняшний день не существует правового разъяснения понятия «электронные сети»; во-вторых, анализ правоприменительной практики не позволяет определить разницу в исследуемых понятиях («электронная сеть» и «информационно-телекоммуникационная сеть») либо представляет их как взаимозаменяемые, синонимичные; в-третьих, в юридической и экономической литературе понятие «электронная сеть» приравнивается к понятию «сеть Интернет» [3].

Таким образом, можно порекомендовать законодателю при конструировании составов преступлений или квалифицирующих признаков избегать упоминания электронных сетей, поскольку это понятие лишь вносит неопределенность в правоприменительную практику и может быть заменено на единое понятие «информационно-телекоммуникационные сети» без потери качества нормы. В современных условиях совместное употребление в уголовно-правовых нормах терминов «электронные сети» и «информационно-телекоммуникационные сети» как с соединительным союзом «и», так и с разделительным союзом «или», представляется нецелесообразным.

Литература

1. Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

2. Киберпреступность: криминологический, уголовно-правовой, уголовно-процессуальный и криминалистический анализ / науч. ред. И. Г. Смирнова; отв. ред. О. А. Егерова, Е. М. Якимова. М., 2016.

3. Ковлагина Д. А. Понятие «электронные сети» в контексте некоторых составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ // Молодой ученый. 2016. № 16.

4. Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2013.

5. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика борьбы: монография. Омск, 2009.

6. Рассолов И. П. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2009.

7. Тропина Т. Л. Киберпреступность. Понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы. Владивосток, 2009.

Н. С. Сорокун,

Ж. Б. Киреева

К ВОПРОСУ О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ЗАВЛАДЕНИЯ АВТОМОБИЛЕМ ИЛИ ИНЫМ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ

Криминологическая характеристика неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством включает в себя анализ состояния, структуры и динамики соответствующего преступления, выявление места, времени, обстановки, способов, орудий и средств его совершения, установление рейтинга самых угоняемых транспортных средств. Анализ официальных статистических данных, опубликованных на сайте МВД России, свидетельствует о том, что на протяжении целого ряда лет сохраняется корреляционная зависимость между показателями преступности в целом и частотой совершения такого преступления, как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством [1].

Увеличение количества зарегистрированных случаев данного типа правонарушений, осуществляемых без цели хищения, происходило на фоне возрастания общего объема регистрируемой преступности в России в период с 1997 по 2006 год. Так, в 1997 году было зарегистрировано 29 773 факта угона, в 1998 – 31 256, в 1999 – 28 231, в 2000 – 26 673, в 2001 – 31 689, в 2002 – 45 133, в 2003 – 52 228, в 2004 – 53 998, в 2005 – 56 923, в 2006 – 58 565.

Начиная с 2007 года фиксируются тенденция снижения преступности в целом и уменьшение количества регистрируемых угонов. В 2007 году в РФ зарегистрировано 55 258 случаев угона автомобиля или иного транспортного средства, что на 3 307 меньше, чем в предыдущем году, темп прироста составил – 5,6 %. В 2008 – 50 313 преступлений, то есть меньше еще на 4 972, темп прироста достиг – 9 %. В 2009 году количество угонов в РФ снизилось до 45 833, сократившись на 4 480 и обеспечив темп прироста – 8,9 %. В 2010 году количество рассматриваемых преступлений составило 41 167, что на 4 666 фактов меньше, чем в предыдущем году, темп прироста составил 10,13 %. В 2011 году – 35 724 преступления, что на 5 443 случая меньше, если сравнивать с предыду-

щим годом, темп прироста – 13,2 %. Незначительное увеличение количества угонов до 40 614 отмечено в 2012 году, что на 4 878 фактов превосходит показатель предыдущего года, темп прироста составил + 13,67 %. В 2013 году опять было отмечено снижение регистрируемых случаев угона до 37 451 преступления: на 3 163 случаев меньше, чем в предыдущем году, темп прироста составил – 7,78 %. В 2014 году этот показатель снова снизился до 34 174, то есть опустился на 3 277 по сравнению с предыдущим годом, темп прироста: – 8,7 %. В 2015 году количество зарегистрированных угонов составило 29 699 преступлений, то есть на 4 475 случаев меньше по сравнению с предыдущим годом, темп прироста составил 13,01 %. В 2016 году отмечено дальнейшее снижение количества регистрируемых угонов (зарегистрировано 22 987 преступлений), а это на 6 712 понижает показатель предыдущего года, темп прироста составил 22,6%.

Наряду с представленным анализом динамики угонов в РФ за период с 1997 по 2016 год вызывает интерес удельный вес рассматриваемых преступлений за указанный срок. В общей структуре зарегистрированной преступности в РФ заметно колебание данного показателя.

На основании статистического анализа можно сделать вывод о том, что принятие профилактических и уголовно-правовых мер оказывает не только стабилизирующее воздействие на преступность в целом, но и способствует снижению уровня угонов.

В обзоре состояния борьбы с хищениями автотранспортных средств отмечается, что в розыске в России остается в среднем до 60 % похищенного автотранспорта. При этом практика показывает, что именно в процессе регистрации ежегодно выявляется более 70 тысяч случаев с признаками легализации, и лишь 0,5 % таких фактов доводятся до суда [2].

В подавляющем большинстве случаев потерпевший фактически остается «один на один» с потенциальными или уже реальными похитителями или угонщиками его транспортного средства. Покупатель автомобиля или иного транспортного средства зачастую не уверен в том, что оно ранее не было похищено или что ему удастся впоследствии сохранить его в своем владении. В современной правоприменительной деятельности и действующем законодательстве недостаточно внимания обращается на необходимость защиты потерпевшего от совершения неправомерного завладения транспортным средством [3, с. 9].

Анализ статистических данных свидетельствует о том, что в течение длительного времени среди субъектов Российской Федерации по уровню угонов и хищений транспортных средств лидируют: г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Челябинск, г. Екатеринбург, Краснодарский край.

Относительно редки случаи преступлений такого рода в Алтайском крае, Ямало-Ненецком АО, на Камчатке.

В г. Ростове-на-Дону ежегодно регистрируется свыше 500 фактов неправомерных завладений автотранспортными средствами. Раскрываемость этих преступлений низка. Так, в г. Ростове-на-Дону она составляет лишь около 30 % от общего числа зарегистрированных преступлений.

По данным криминологических исследований, при совершении угона основным предметом преступного посягательства выступает легковой

транспорт (около 60 %), реже – грузовой транспорт (около 20 %), строительная и сельскохозяйственная техника (трактор, грейдер, экскаватор, бульдозер и т. д.) (около 15 %).

В 2016 году в целом по стране самыми угоняемыми автомобилями были: «Жигули» 2106 («Шестерка») – 331 единица; «Жигули» 2107 («Семерка») – 302 единицы; Toyota Corolla – 251 единица; LADA 2109 («Девятка») – 247 единиц; Ford Focus – 246 единиц; LADA «Приора» – 216 единиц; Mazda 3 – 208 единиц; Toyota Camry – 195 единиц; KIA Rio – 191 единица; Hyundai Solaris – 177 единиц; LADA Granta – 144 единицы; LADA 2110 («Десятка») – 142 единицы. Спросом среди преступников пользуется отечественная «Газель Next» [4].

Одним из основных критериев при выборе преступниками автомобиля является его техническое состояние. Среди похищенных автомашин 33 % пробывали в эксплуатации до 3 лет, 29 % – от 3 до 5 лет, 14 % – от 5 до 7 лет. Таким образом, «возраст» транспортного средства значительно снижает его привлекательность для преступников.

Серьезным фактором, способствующим повышению числа краж и угонов автомобилей и иных транспортных средств, является социальное неблагополучие в обществе: рост количества безработных (особенно среди молодежи), пропаганда «красивой жизни» в СМИ, понижение образовательного уровня, а значит – большой процент низкооплачиваемого населения, резкое расслоение населения по уровню жизни, слабое морально-этическое воспитание.

Резюмируя, обозначим некоторые составляющие криминологической характеристики неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством:

1. Динамика неправомерных завладений транспортными средствами в России характеризуется в целом тенденцией к снижению, однако официальные цифры статистики по данным преступлениям и их раскрываемости не объективны. Удельный вес анализируемого вида преступлений в общей структуре преступности на протяжении последних 20 лет колебался в диапазоне от 0,6 до 2,6 %. Самый высокий удельный вес угонов отмечен в 2002 году (2,6 %), самый низкий – в период с 2007 по 2012 год и в 2014 году.

2. Обычно угоны автомобилей, которые эксплуатировались в течение 5 лет, совершаются в весенне-летне-осенний период из дворов и улиц в вечернее и ночное время в городе с целью покататься на автомашине, при этом используются различного рода орудия. Данные преступления обычно не раскрываются.

Литература

1. Отчеты о состоянии преступности в России, опубликованные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 17.04.2017).
2. Попандопуло Д. В. Государственная регистрация транспортных средств как мера противодействия их незаконному обороту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
3. Голик Ю. В. Борьба с преступностью как проблема // Преступность, уголовная политика, закон. М., 2016.

4. Самые угоняемые машины России 2016 года. URL: https://life.ru/авто/906043/samyie_ughoniaiemyie_mashiny_rossii_2016_ghoda; <http://www.1gai.ru/publ/517512-statistika-ugonov-v-2016-godu-yanvar-iyul.html> @ 1gai.ru (дата обращения: 17.04.2017).

В. Г. Стаценко

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИЗЪЯТИЯ ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Одной из важных форм реализации уголовной политики является формирование уголовно-процессуального законодательства, а также практика реализации его положений.

При осуществлении соответствующего правового регулирования федеральный законодатель обязан обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами, соблюдая вытекающие из Конституции Российской Федерации принципы справедливости, равенства и соразмерности, а вводимые им нормы должны отвечать критериям определенности, ясности, недвусмысленности и согласованности с системой действующего правового регулирования [1].

Внесенные Федеральным законом от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ предоставляют теперь право дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа при проверке сообщения о преступлении «получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-разыскных мероприятий» [2].

В плане практического применения способов проверки сообщения о преступлении, которые выступают одним из важных элементов правового механизма, обеспечивающего раскрытие преступлений и изобличение виновных в их совершении, оказались уязвимыми нормы, устанавливающие возможность изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела.

Полагаем, не подлежит обсуждению, что оно может быть осуществлено только в рамках процессуальных действий. Однако законодатель не определяет, каких именно. Как известно, самостоятельного процессуального действия «изъятие» УПК РФ не предусматривает [3, с. 148].

Актуальность определения законности изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела обусловлена еще одним новшеством указанной стадии. Так, согласно ч. 1 и 2 ст. 144 УПК РФ: «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения статей 75 и 89 настоящего Кодекса» [4]. А это значит, что информация, полученная с нарушением норм УПК РФ, будет признана недопустимым доказательством. Однако сложно соблюдать законодательство, если оно не раскрывает конкретных требований и алгоритма действий.

Допустимо ли изъятие предметов и документов путем производства выемки (ст. 183 УПК РФ), обыска (ст. 182 УПК РФ), личного обыска (ст. 184 УПК РФ), наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку (ст. 185 УПК РФ)? Придерживаемся мнения: ответ должен быть отрицательным. Законодатель выразил свою позицию по данному вопросу путем внесения изменений и дополнений в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, ч. 2 ст. 176 УПК РФ, ч. 1 ст. 179 УПК РФ, ч. 4 ст. 195 УПК РФ, ч. 1, 4 ст. 202 УПК РФ.

Подтверждением этому служит информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 августа 2014 года, согласно которому в ч. 1 ст. 144 УПК РФ содержится исчерпывающий перечень следственных действий, допустимых в период до возбуждения уголовного дела. К таковым относятся осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, освидетельствование, в протоколе о производстве которых должны найти отражение сведения об изъятии предметов, документов. В связи с чем их изъятие при производстве иных следственных действий законом исключается [5]. Позиция руководства Следственного комитета Российской Федерации по этому вопросу обозначена в информационном письме от 30 декабря 2014 года: «указанная в ч. 1 ст. 144 УПК РФ ссылка “в порядке, установленном настоящим Кодексом” не дает правовых оснований для изъятия предметов и документов в рамках следственных действий, производство которых до возбуждения уголовного дела не предусмотрено УПК РФ (в том числе путем производства выемки (ст. 183)» [6].

Рассматривая обозначенную проблему, нельзя не учитывать, что в правоприменительной практике имеют место случаи, когда невозможность получения того или иного документа, предмета препятствует принятию законного, обоснованного и мотивированного решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении. Дознаватели, следователи, ссылаясь на двусмысленность закона, особенности изымаемых объектов, процессуальную целесообразность, производят выемки предметов и документов до возбуждения уголовного дела. И такие уголовные дела в некоторых регионах прокуроры пропускают, причем с обвинительным заключением или обвинительным актом, а суды выносят обвинительные приговоры.

Так, апелляционным постановлением Московского городского суда от 24 сентября 2013 года № 10-10652 постановление Симоновского районного суда г. Москвы от 3 сентября 2013 года, которым удовлетворено ходатайство следователя Симоновского МСО СУ по ЮАО ГСУ СК РФ по г. Москве Д. о разрешении выемки медицинских документов по материалам проверки № 217 пр-2013 г., оставлено без изменения, апелляционная жалоба адвоката – без удовлет-

ворения [7]. В центральном районном суде г. Сочи Краснодарского края по постановлению следователя 28 января 2014 года произведена выемка гражданских дел по искам К., Я., К. и П. в связи с проверкой сообщения о преступлении – заявления Я. о неправомерных действиях должностных лиц администрации г. Сочи [8]. По постановлению Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 19 октября 2015 года следователем произведена выемка регистрационного дела ООО «Башторгэнерго» в Межрайонной инспекции ФНС России № 39 по Республике Башкортостан в связи с проверкой сообщения о фальсификации ЕГРЮЛ в отношении «Башторгэнерго» [9].

Вполне очевидно, что неопределенность норм закона не позволяет обеспечить их единообразное понимание и порождает противоречивую правоприменительную практику, возможность неоднозначного истолкования и, следовательно, произвольного их применения [10, с. 93]. Вместо детальной регламентации деятельности по проверке сообщений о преступлении в рамках единых процессуальных форм законодатель способствует искусственному сдерживанию тех процессуальных возможностей, которые так необходимы на данной стадии.

В связи с этим представляет определенный интерес предложение некоторых авторов о внесении в УПК РФ «истребования» как процессуального действия с возможностью применения мер процессуального принуждения [11, с. 137]. Возникает вопрос: чем это действие будет отличаться от выемки? Предлагаем разрешить производство в случаях, не терпящих отлагательства, выемки на стадии возбуждения уголовного дела, что, по нашему мнению, должно способствовать принятию законного, обоснованного и мотивированного решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении. Такая регламентация устранила бы проблему правоприменителя при необходимости изъятия предметов, документов в ходе доследственной проверки. Полагаем, что включение в число «проверочных» следственных действий выемки придало бы стадии возбуждения уголовного дела завершающий характер.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 года № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта “а” части первой статьи 16.1 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Чеботарского». URL: <http://consultant.ru>.
2. Федеральный закон от 4 марта 2013 года № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://consultant.ru>.
3. Стаценко В. Г. Новые средства проверки сообщения о преступлении: проблемы применения и пути их решения // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сборник научно-практических трудов. М., 2014. Вып. 3.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: <http://consultant.ru>.

5. Информационное письмо заместителя Генерального прокурора Российской Федерации В. Я. Гринь от 20 августа 2014 года № 36-11-2014. URL: <http://genproc.gov.ru>.

6. Информационное письмо заместителя председателя Следственного комитета Российской Федерации В. И. Пискарева от 30 декабря 2014 года № 211-51098-14 // Сборник информационно-методических документов СК России. М., 2015.

7. Апелляционное постановление Московского городского суда от 24 сентября 2013 года № 10-10652. URL: <http://consultant.ru>.

8. Архив уголовных дел Следственного управления СК России по Краснодарскому краю.

9. Архив уголовных дел Ленинского МСО по г. Уфе Следственного управления СК России по Республике Башкортостан.

10. Стаценко В. Г., Шепелева Ю. Л. Проблемы производства проверки сообщений о преступлениях // Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. Вып. 3.

11. Семенцов В. А. Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). Екатеринбург, 2006.

Е. С. Степич

НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ УБИЙСТВ

Отмечая высокую общественную опасность квалифицированных видов убийств (ч. 2 ст. 105 УК РФ), ученые неоднократно обращали внимание на тот факт, что они несправедливо помещены в одну категорию с преступлениями, предусмотренными ч. 1 ст. 105 УК РФ. В целях дальнейшей дифференциации ответственности, например, Н. Г. Кадников предложил индексацию тяжких и особо тяжких преступлений по типу англо-американской системы права с разграничением их на подвиды внутри выделенных категорий. В группе особо тяжких преступлений под индексом А он считал возможным выделить деяния, посягающие на жизнь, с наказанием за их совершение в качестве лишения свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненно; под индексом Б – все иные деяния, отнесенные законодателем к этой категории (наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет) [1, с. 11, 39]. Это предложение, высказанное более 15 лет назад, автор последовательно развивает и в настоящее время, что следует из его доклада на конференции в Верховном Суде РФ (2 марта 2017 года).

Профессоры Э. Ф. Побегайло и С. Ф. Милюков примерно в те же годы предложили в ст. 15 УК РФ предусмотреть еще одну – пятую категорию преступлений: «исключительной тяжести». Согласно формулировке С. Ф. Милюкова, таковыми должны признаваться «умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двадцати лет или более строгое наказание» [2, с. 216–217; 3, с. 46]. Автор подробно описывает реконструкцию ста-

тей уголовного закона, которая нужна в случае введения новой категории (назначение вида исправительного учреждения, срок давности, сроки погашения судимости и другие детали), особенно обращая внимание на необходимость увеличения максимального срока наказания в виде лишения свободы до 25 лет, максимального срока лишения свободы по совокупности преступлений – до 30 лет и по совокупности приговоров – до 35 лет. Предложение незамеченным не осталось. В своих трудах его поддержали и другие авторы [4, с. 106–109].

Законодательного развития идея обособления новой уголовно-правовой категории «исключительной тяжести», как видим, не получила. Между тем анализ уголовного закона наводит на мысль о том, что новая классификационная группа все же существует.

Мы имеем в виду пакет нововведений (2014, 2016 годы), которым была усилена ответственность за некоторые преступления, связанные с террористической деятельностью, а именно ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358, 360 и 361 УК РФ [5]. В отношении этих преступлений были пересмотрены: правила назначения наказания по совокупности преступлений и приговоров, исключена возможность назначения более мягкого наказания (ч. 3 ст. 64 УК РФ), исключена возможность отсрочки отбывания наказания (ч. 1 ст. 82 УК РФ), закреплено неприменение срока давности (ст. 78, 83 УК РФ) и одновременно ужесточены санкции статей, причем некоторые – беспрецедентно (ст. 205.3 УК РФ).

Тем самым законодатель, не меняя содержание ст. 15 УК РФ, вполне определенно сформировал пятую категорию преступлений, совершение которых влечет не просто одинаковые, а значительно более строгие правовые последствия в сравнении с ныне предусмотренными для особо тяжких преступлений. Получается, что общественная опасность этих «исключительных» деяний, относящихся не только к тяжким и особо тяжким преступлениям, но даже к категории средней тяжести, по мнению законодателя, превышает опасность убийств, в том числе массовых, совершенных любым способом в отношении любой категории лиц – малолетних, беременных женщин, лиц, выполняющих служебный или общественный долг, представителей власти.

Наглядным тому подтверждением является санкция преступления с формальным составом (ст. 205.3 УК РФ) – более строгая по сравнению с санкцией за квалифицированные виды убийств (ч. 2 ст. 105, ст. 295, 317 УК РФ).

Даже в крайне спорной с точки зрения ее криминализации ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении» наряду, например, с террористическим актом перечисляются преступления небольшой (ч. 1 ст. 220 УК РФ «Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами») и средней степени тяжести (ч. 1 ст. 221 УК РФ «хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ»), а вот о посягательствах на жизнь в рамках ст. 105 УК РФ упоминания не находим. Это дополнительно свидетельствует о сниженном внимании к обеспечению безопасности жизни человека по сравнению с иными объектами уголовно-правовой охраны.

Не меняет наш вывод и то, что в новую группу входит ряд умышленных убийств: 1) убийство, сопряженное с террористическим актом (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ); 2) убийство, сопряженное с актом международного терроризма

(ст. 361 УК РФ); 3) убийство, сопряженное с захватом заложника (ч. 4 ст. 206 УК РФ); 4) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ), а также неосторожных убийств: 1) террористический акт, повлекший по неосторожности смерть человека (п. «б» ч. 2 ст. 205 УК РФ); 2) захват заложника, повлекший по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 206 УК РФ); 3) угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, повлекший по неосторожности смерть человека (ч. 3 ст. 211 УК РФ); 4) незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами, повлекшее по неосторожности смерть человека (ч. 2 ст. 220 УК РФ).

Признавая безусловную важность борьбы с терроризмом уголовно-правовыми средствами [6, с. 59–61], тем не менее, считаем, что ни по важности объекта уголовно-правовой охраны, ни по тяжести совокупного вреда, ни по форме вины умышленные убийства не уступают тем, в которых законодатель стал усматривать повышенную, отличную от сопутствующей иным преступлениям общественную опасность.

Значит ли это, что санкции, относящиеся к умышленным убийствам, а также правила назначения наказания за особо тяжкие преступления следует ужесточать?

О социальной обусловленности (необходимости, потребности), в частности, повышения максимального срока при сложении наказаний за два или более особо тяжких убийств пишут авторы [7, с. 10–11], ссылаясь, в том числе, на опыт зарубежных государств. По этому поводу следует отметить следующее: санкции некоторых европейских держав, действительно, выглядят более строгими. Между тем положения уголовного закона, как правило, предусматривают возможность значительного смягчения назначаемого наказания.

Так, по УК Бельгии убийство наказывается лишением свободы на срок от 20 до 30 лет, а убийство с заранее сформированным преступным намерением (предумышленное) – пожизненным тюремным заключением (ст. 393, 394), однако испытательный срок для пожизненно осужденных в 2,5 раза ниже, чем в отечественном уголовном законе – 10 лет (ст. 8) [8].

По УК Испании простое убийство карается лишением свободы на срок от 10 до 15 лет (ст. 138), при квалифицирующих обстоятельствах: убийство при вероломстве; за плату, вознаграждение или по обещанию; с особой жестокостью – на срок от 15 до 20 лет (ст. 139), за убийство, совершенное при двух или более отягчающих обстоятельствах – от 20 до 25 лет (максимально – 30 лет (ст. 76). УДО возможно при отбытии $\frac{3}{4}$ срока, то есть 22,5 лет, и это самое строгое наказание, поскольку пожизненного лишения свободы закон не предусматривает [9].

Согласно ст. 221-1 УК Франции умышленное убийство (*meurtre*) предполагает наказание в виде 30 лет уголовного заключения, предумышленное убийство (*assassinat*) и убийство, которое предшествует другому преступлению, сопровождает его или следует за ним – пожизненное лишение свободы (ст. 221-2, 221-3). Период надежности, после которого осужденный пожизненно может ходатайствовать об УДО, составляет 18 лет, при этом он может быть не только увеличен (до 22 лет), но, что интересно, и значительно сокращен (ст. 132-23) [10].

По УК ФРГ незлостное убийство наказывается лишением свободы на срок не менее 5 лет, а в особо тяжких случаях – пожизненным лишением свободы (пар. 212). Злостный убийца (Morder) заслуживают пожизненного лишения свободы. Однако по общему правилу условно-досрочное освобождение от пожизненного лишения свободы возможно после отбытия 15 лет лишения свободы (пар. 57a) [11].

Таким образом, санкции за умышленное убийство по отечественному законодательству, ограниченные верхним пределом в виде 15 лет лишения свободы (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и 20 лет лишения свободы с альтернативной мерой наказания в виде пожизненного лишения свободы (ч. 2 ст. 105 УК РФ), в сочетании с возможностью сложения наказания по совокупности преступлений и приговоров соответственно до 25 лет и 30 лет, не являются более мягкими в сравнении с принятыми в европейских государствах.

Проблема заключается в том, что эти широкие возможности индивидуализации наказания правоприменителем используются слабо: максимальное наказание за единичное преступление, а также совокупность преступлений и приговоров практически не назначается, практика идет по пути усреднения сроков лишения свободы, гуманизации ответственности, что признают и сами судьи.

Так, практику определения размера наказания по ч. 1 ст. 105 УК РФ 32 % оценили как гуманную, 68 % – как справедливую, но никто не ответил, что она строга. В отношении квалифицированного убийства ответы распределились соответственно между 45 % и 55 %.

При этом сами санкции судьи оценивают как в достаточной мере отражающие характер и степень общественной опасности преступлений: справедливой санкцию ч. 1 ст. 105 УК РФ считают 75 % судей, слишком мягкой – 25 %, однако никто не высказал мнения о том, что она строга. По ч. 2 ст. 105 УК РФ ответы респондентов на тот же вопрос соответственно соотносятся как 89 и 11 %. Чрезмерно строгой данную санкцию также никто не счел (в 2014–2016 годах опрошено путем анкетирования 316 судей Челябинского, Ростовского, Воронежского, Смоленского областных судов, Ставропольского и Забайкальского краевых судов, Верховного суда Республики Удмуртия).

Около трети карательного потенциала действующих норм остается невостребованной. Сказанное относится и к наказаниям за другие преступления, связанные с убийством. Так, в 2015 году средний срок лишения свободы за «простое» убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) составил 8 лет 1 месяц, за квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ) – 12 лет 7 месяцев, за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ) – 7 лет 3 месяца; за причинение смерти по неосторожности: по ч. 1 ст. 109 УК РФ – 11 месяцев, ч. 2 ст. 109 УК РФ – 1 год 3 месяца, ч. 3 ст. 109 УК РФ – 1 год 11 месяцев; ч. 3 ст. 264 УК РФ – 1 год 9 месяцев, ч. 4 ст. 264 УК РФ – 2 года 10 месяцев, ч. 6 ст. 264 УК РФ – 5 лет лишения свободы.

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что возможности назначения наказания за совершение убийств достаточны и соответствуют высокой общественной опасности этих посягательств, однако используются они не в полной мере: практика идет по пути усреднения максимума, предусмотренного в санкции статьи. Современные криминальные реалии, между тем, не дают ос-

нований для экономии уголовной репрессии. Наоборот, видится правильным более широкое применение пожизненного лишения свободы (в частности, по преступлениям, связанным с многоэпизодными посягательствами на жизнь и половую неприкосновенность несовершеннолетних).

Литература

1. Кадников Н. Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
2. Милуков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000.
3. Побегайло Э. Ф. Право человека на жизнь и его уголовно-правовая охрана в России // Всеобщая декларация прав человека и правозащитная функция прокуратуры. СПб., 1998.
4. Михаль О. А. О научном обосновании границ категорий преступлений // Международные юридические чтения: материалы ежегодной научно-практической конференции (Омск, 25 апреля 2008 года). Омск, 2008. Вып. 4.
5. Федеральный закон от 05 мая 2014 года № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2014. 7 мая.
6. Качалов В. В., Баранчикова М. В. Терроризм как глобальная проблема современности // Наука и практика. 2015. № 2 (63).
7. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2006.
8. Уголовный кодекс Бельгии / под науч. ред. Н. И. Мацнева. СПб., 2004.
9. Уголовный кодекс Испании. М., 1998.
10. Уголовный кодекс Франции / под науч. ред. Л. В. Головкин, Н. Е. Крыловой. СПб., 2002.
11. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под науч. ред. Д. А. Шестакова. СПб., 2003.

И. В. Танага

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЯМИ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО ПРОВЕДЕНИЯ СОБРАНИЙ, МИТИНГОВ, ДЕМОНСТРАЦИЙ, ШЕСТВИЙ ИЛИ ПИКЕТИРОВАНИЯ

Социальный протест стал неотъемлемой частью российского общества, частью повседневной жизни россиян [1, с. 70]. Накопление скрытой протестной активности населения происходит под влиянием нескольких

групп факторов. Во-первых, это негативные общественно-политические настроения, связанные с неодобрением деятельности властей. Во-вторых, социально-экономические индикаторы, отражающие неудовлетворенность граждан собственным материальным положением и общей экономической ситуацией в стране и конкретном регионе. Третья группа факторов лежит в плоскости социального самочувствия населения и включает в себя его социальное терпение и эмоционально-психологическое состояние [2, с. 39–50].

Хотелось бы уделить внимание рассмотрению социально-психологических причин и условий совершения преступлений, связанных с нарушениями установленного порядка организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования.

В рамках концепции коллективного поведения социальный протест рассматривается как социально-психологический феномен, тесно связанный с повышенной эмоциональной напряженностью (массовая враждебность, социальное беспокойство, массовое возбуждение, паника, истерия, агрессия), и характеризуется иррациональностью (необычностью, стихийностью, непредсказуемостью).

Они стимулируются социально-психологическими предпосылками: восприятием личностью своих социальных проблем, возможностью их самостоятельного разрешения. Поведение человека в значительной мере детерминируется социально-психологическими чертами личности: темпераментом, эмоциональностью, интеллектом, общей культурой. Противоречия обостряются не только от того, что люди хотят есть или не обеспечены материально всем необходимым, но прежде всего потому, что сложившаяся социальная ситуация не соответствует их духовным устремлениям. Соответственно, возникновение и развитие социальных протестов связано с осознанием людьми неадекватности своих потребностей, интересов и ценностей потребностям, интересам и ценностям других лиц, групп, общностей или обществ [3, с. 105].

Субъективные психологические факторы совершения преступлений, связанных с нарушениями установленного порядка организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования, могут быть обусловлены прямым умышленным нарушением данного порядка (корыстные мотивы, идеологические мотивы, банальное желание показать свою «удаль» и т. п.). В то же время, желая получить новый жизненный интеллектуальный и физический опыт участия в протестных акциях, опыт массового коллективного взаимодействия (как правило, в критических условиях), участники таких мероприятий, поглощенные массовой эмоциональной эйфорией и находящиеся под постоянным информационным воздействием эпицентра акции (лидеры, спикеры, медиа и пр.), нередко неосознанно выходят за рамки законности, неадекватно оценивая свою роль и значимость в протестной акции, а также значимость самой протестной акции для них.

Многие исследователи указывают на то, что в квазиэкспертных суждениях о социальных проблемах (образовании, медицине, налогах) респонденты нередко упоминали свою недостаточную компетентность или тот факт, что ранее об этом не задумывались. Такие оговорки также являются свидетельством

саморефлексии, позволяя рассматривать данные реплики как вполне достоверные сообщения о предпочтениях: неясно артикулированные политические взгляды по ряду социальных вопросов в сочетании со спонтанной социальной чувствительностью, которая тесно связана с социальной позицией и траекторией респондентов [4, с. 141].

Существенную роль в формировании соответствующих негативных субъективных установок участников протестных акций на массовом уровне их воспроизводства играют средства массовой информации и коммуникации. А. Бикбов отмечает, что выражение гнева, проявляемое участниками митингов публично, становится ответом на коммуникативную игру ряда лидеров мнений (журналистов и блогеров), которые первыми взяли на себя ответственность за его публичную демонстрацию, на протяжении длительного времени предлагая или воспроизводя эмоционально маркированный и субверсивный язык описания действующего режима: нарушений на выборах как «воровства голосов»; правящей партии как безнаказанных «жуликов», которые «достали»; некорректных упреков партии власти к митингующим – в ответной характеристике «совсем уже с ума посходили со своим баблом» и т. д. Когда такой язык гнева и стилистических снижений публично практикуют не представители социально доминируемых групп, а руководители медийных проектов и светские обозреватели, это только усиливает его парадоксально субверсивно-легитимирующий эффект [4, с. 145].

Анализируя социально-психологические причины и условия совершения преступлений, связанных с нарушениями установленного порядка организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования, следует учитывать особенности конкретного региона. Так, например, для ряда территорий, находящихся на пути миграционных потоков, испытывающих миграционное давление близлежащих регионов, актуальна тема соблюдения мигрантами как официальных, так и неписаных правил поведения в местном сообществе, уважения к местному этикету, нормам и обычаям.

Таким образом, по экспертным оценкам, наиболее существенную роль в детерминации рассматриваемого типа преступлений играют социально-психологические причины и условия, составляющие 74 %, наряду с не менее важными социально-экономическими (82 %), организационно-управленческими (68 %), а также социально-политическими (52 %) факторами.

Литература

1. Очкина А. В. Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление. 2016. № 4 (132).
2. Дементьева И. Н. Социально-экономические и общественно-политические аспекты формирования протестного потенциала в регионе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 6 (118).
3. Соломатина Е. Н. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1 (33).

4. Бикбов А. Методология исследования «внезапного» уличного активизма (российские митинги и уличные лагеря, декабрь 2011 – июнь 2012) // *Laboratorium*. 2012. № 2.

Р. Е. Токарчук

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПОБОЯХ

В течение 2016 года законодательство об ответственности за побои подверглось неоднократным изменениям в ходе общего стремления к гуманизации уголовного законодательства путем декриминализации части насильственных действий [5, с. 49].

Анализ упомянутых трансформаций указывает на то, что при их воплощении в жизнь возникнут серьезные проблемы, которые могут вызвать снижение качества профилактики и предупреждения насильственных правонарушений.

Во-первых, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 116 УК РФ, отнесены к делам частного-публичного обвинения, а ст. 116.1 УК РФ – к делам частного обвинения (ст. 20 УПК РФ). При этом «КоАП РФ институт частного обвинения неведом» [2, с. 3], производство по административным правонарушениям априори носит публичный характер, и материал по ст. 6.1.1 КоАП РФ может оформляться на основании непосредственного обнаружения правоохранителями признаков административного правонарушения, получения сообщения из медицинской организации о потерпевшем со следами побоев (ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ).

Соответственно, за побои, совершенные впервые, лицо может быть привлечено к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ вне зависимости от наличия заявления потерпевшего. В следующий раз это же лицо за те же действия при отсутствии признаков ст. 116 УК РФ может быть привлечено к ответственности только по ст. 116.1 УК РФ и при наличии заявления потерпевшего. К ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ второй раз оно привлечено быть не может, так как это возможно только «если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

Очевидно, что лицо, совершившее побои и привлеченное к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, за последующие побои может никакой ответственности, административной или уголовной, не понести. Привлечение домашнего агрессора к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ возможно станет причиной роста агрессии в отношении зависимого лица. Это приведет к эскалации насильственных действий, но не повлечет никакой ответственности при отсутствии заявления потерпевшего – ввиду отнесения ст. 116.1 к делам частного обвинения.

Вторым парадоксом данной ситуации является отсутствие системной согласованности ст. 6.1.1 с КоАП РФ, для которого она является совершенным

новшеством. Старая норма ст. 116 УК РФ о побоях согласована исключительно с системой УК РФ, с его Общей частью. Обстоятельств, исключающих преступность деяния, в УК РФ существенно больше, чем исключающих наличие административного правонарушения. К последним в ст. 2.7 КоАП РФ относится только крайняя необходимость. Согласно этой статье: «не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред». В статье 2.8 КоАП РФ обстоятельством, исключающим административную ответственность, признается невменяемость лица. В статье 2.9 КоАП РФ, не исключая наличия административного правонарушения, допускается право уполномоченного органа освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием при малозначительности правонарушения.

Согласно буквальному толкованию этих последних норм, крайней необходимостью нельзя признать случаи причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление или административное правонарушение, либо при обоснованном риске. Если гражданское лицо применит физическую силу, причинившую боль, для задержания преступника либо в целях воспитательного принуждения, розыгрыша, съемки фильма, демонстрации сцены единоборства, возникнут все необходимые основания для привлечения лица, совершившего данное действие, к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Формально под эту статью подпадают все матчи по хоккею с шайбой, все виды единоборств и тому подобные развлекательные зрелища. Не исключит административной ответственности и заявление участников этих мероприятий о согласии на возможное причинение вреда, ведь вопрос примирения сторон для КоАП РФ значения не имеет.

Конечно, государственные служащие органов правопорядка, которым в соответствии с федеральным законодательством предоставлены полномочия по применению физической силы или специальных средств, имеют возможность использования этих средств для задержания лица, совершившего преступление или административное правонарушение. Между тем иное гражданское лицо должно в перечисленных случаях подлежать ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ. По этой статье должен быть привлечен к ответственности родитель, из самых лучших побуждений в воспитательных целях применивший к своим детям меры психического или физического принуждения, вплоть до порки ремнем за совершение низких поступков или правонарушений под действием негативного влияния интернета и улицы. Что уж говорить об учителях школ, бесправных перед своими учениками [6, с. 288].

Законодательство не разделяет мнение о допустимости воспитательного принуждения и насилия, преследуя любое нарушение телесной неприкосно-

венности, причинившее физическую боль. А привлечение родителя к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ дает основания для: лишения его родительских прав на основании ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с осуществлением физического или психического насилия над подопечным; изъятия у него ребенка без решения суда на основании «непосредственной угрозы» его здоровью (ст. 77 СК РФ).

На практике реализация принятых норм, посвященных побоям, может привести к негативным последствиям [5, с. 51–52].

Во-первых, граждане потеряют возможность реагировать на противоправные действия окружающих, так как применение к ним силы может быть квалифицировано по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Может произойти рост открытых преступлений, агрессивности и безнаказанности правонарушителей. Вырастет страх людей перед преступностью, так как в правовом поле они не смогут рассчитывать на помощь посторонних лиц в задержании преступника.

Во-вторых, если спортсменов силовых единоборств, хоккеистов, каскадеров и актеров, разыгрывающих реалистичные сцены рукопашных схваток, начнут за их работу привлекать к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, то о спортивных достижениях и видах спорта, предусматривающих жесткие столкновения между спортсменами, можно забыть. Театр и киноиндустрия лишатся сцен боевых единоборств. Практические свидетельства того, как суды понимают нормы законодательства, руководствуясь принципом законности, не оставляют сомнений в том, что подобное развитие практики ожидаемо.

В-третьих, противодействие правоохранителей собственно семейному насилию может быть сведено к минимуму, и мы получим его рост. Домашние агрессоры после привлечения по ст. 6.1.1 КоАП РФ к ответственности перенесут злобу за свое унижение на близких, которые, учитывая особенности частного обвинения в контексте ст. 116.1 УК РФ, будут замалчивать данные факты, претерпевая боль и унижение. Само привлечение к ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ семейных агрессоров станет затруднительным, так как они могут лгать, а ребенок и члены семьи будут скрывать истину. При этом привлечение к ответственности добропорядочных родителей, наказавших своего ребенка в воспитательных целях, не будет составлять труда, так как добропорядочный гражданин отказываться от признания этого факта и его причин не будет, ведь ответственный родитель не захочет просить ребенка лгать и откажется от лжи сам, так как это противоречит принципам добросовестного воспитания. В результате полиция и органы опеки и попечительства станут бороться с добропорядочными родителями, воспитывающими своих детей традиционными методами, а не с семейными агрессорами.

В-четвертых, дети, а не родители, станут хозяевами положения в семье, добываясь от родителей желаемого шантажом. Дети не всегда понимают, что обращение с жалобой на воспитательное принуждение может послужить причиной отторжения их от семьи, родители же это осознают и перейдут в статус рабов своих детей, а не воспитателей [8].

В-пятых, подобное вмешательство в дела традиционной семьи может спровоцировать ухудшение демографической ситуации в стране. Рождаемость сильно упадет, если традиционное воспитание ребенка превратится в угрозу личной безопасности родителя.

В-шестых, внутрисемейная безнаказанность детей приведет к росту их бесконтрольности, неуправляемости и росту преступности несовершеннолетних. Е. М. Тимошина, поддержанная известным криминологом Ю. М. Антоняном, справедливо указывает, что «необоснованное увеличение прав детей приведет к увеличению неуправляемости, отклоняющегося поведения и психопатологий, а в конечном итоге к росту преступности несовершеннолетних» [4, с. 69–70]. Уже сегодня имеют место вопиющие факты подростковой безнаказанности, требующие экстренных мер реагирования, на которые у родителей и педагогов нет прав [1].

В-седьмых, это может привести к серьезным негативным последствиям политического характера. В Российской Федерации проживают люди множества национальностей, исповедующие различные религии, в представлении некоторых из которых воспитательное принуждение или разрешение конфликта «по-мужски» (кулаками по обоюдному согласию) являются нормой. Реализация запрета на такие действия способно породить взрывы общественного недовольства во многих регионах нашей страны и даже в кругах региональных властей, что легко станет поводом для массовых беспорядков и даже регионального сепаратизма.

Таким образом, созданное законодателем положение в вопросах ответственности за побои в виде административных правонарушений и преступлений требует оперативного законодательного вмешательства.

С. В. Пархоменко еще в 2004 году предлагала определение понятия «деяния, преступность которого исключается в силу социальной полезности и необходимости» в следующем виде: «деянием, преступность которого исключается в силу социальной полезности и необходимости, признается такое действие (бездействие), которое хотя формально и содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но согласно (вариант: в соответствии) статьям ... настоящего Кодекса преступлением не является» [3, с. 150].

Мы считаем, что невозможно полностью охватить и отразить в уголовном законе или КоАП РФ те общественно-полезные или общественно-безопасные действия и поступки, которые могут формально подходить под составы преступлений или административных правонарушений. Об этом свидетельствует большое количество предложений по расширению видов обстоятельств, исключающих преступность деяний [7, с. 398–446]. На наш взгляд, уже давно нужна более общая и категоричная схема такого исключения при его общественной полезности и необходимости.

Для исключения вероятности привлечения к уголовной ответственности за действия, являющиеся общественно полезными, такие как: применение силы для задержания правонарушителя, воспитательное принуждение и другие, предлагаем ч. 2 ст. 14 УК РФ изложить в следующей редакции: «Не

является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности либо социальной полезности и необходимости не представляющее общественной опасности». Аналогичный подход видится правильным применить и к ст. 2.7 КоАП РФ, представив ее в следующей редакции: «Не является административным правонарушением причинение лицом вреда охраняемым законом интересам в социально полезных целях либо в состоянии крайней необходимости, если общественно полезная цель не могла быть достигнута иными средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред либо равным ему».

О том, что все исследованные в работе случаи причинения вреда в общественно полезных целях действительно являются таковыми, было бы полезным подготовить разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, но мы думаем, что и сама судебная практика не будет относить к правонарушениям применение силы с целью задержания правонарушителя, воспитательного принуждения и т. п. Главное – дать правоприменителю законную возможность признавать эти деяния неподсудными и вообще не являющимися правонарушениями. Между тем в целях разграничения насилия и воспитательного принуждения в правовом поле, необходимого для сохранения права на него у воспитателей и родителей, Верховному Суду Российской Федерации следует разработать и утвердить постановлением Пленума Верховного Суда соответствующие разъяснения. В них необходимо закрепить мысль о том, что общественно полезное принуждение (физическое или психическое), в том числе воспитательное, – это не насилие. Это причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лица не является правонарушением, если вред был причинен родителем, опекуном (попечителем), преподавателем, воспитателем или иным лицом, имеющим обязанность заботы о ребенке, его содержании, воспитании или обучении, в процессе воспитательного принуждения, то есть в процессе организованного и целенаправленного психического или физического воздействия на личность и поведение ребенка в целях его социализации для жизни в обществе, если иными средствами достижение воспитательных целей осуществить было невозможно, и при этом не было допущено превышение пределов воспитательного принуждения [5, с. 58].

В заключение заметим, что реализация данных предложений, не претендующих на роль истины в последней инстанции, может способствовать следующим положительным эффектам долгосрочного характера:

- более эффективному преследованию побоев, сокращению количества и качества насильственных преступлений и административных правонарушений;
- разграничению противоположных по своим социальным свойствам воспитательного принуждения, спортивных и художественных поединков, других случаев социально полезного применения силы (задержание преступника и т. п.) и насильственных действий (насилие, побои), что направит силы правоохранителей на предупреждение второго, а не на запрет первого;

– закреплению правомочия граждан по применению физической силы в социально полезных целях, создав дополнительную мотивацию для активного общественно-полезного поведения;

– расширению перспективных возможностей последующего обоснованного изменения уголовного законодательства или КоАП РФ в части ужесточения мер, направленных на предупреждение и преследование насилия в различных его проявлениях, в том числе семейного;

– исключению случаев изъятия детей органами опеки и попечительства в качестве наказания за воспитательное принуждение, осуществленное родителями;

– снижению уверенности правонарушителей или воспитуемых детей в их безнаказанности, формированию представления об обязанностях, границах выражения прав и свобод, уверенности в том, что посторонние граждане имеют право на пресечение их противоправных действий и задержание;

– закреплению основ неприкосновенности родителя в вопросах воспитания своих детей, что послужит утверждению традиционных семейных ценностей, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, повышению авторитета родителей в семье и обществе и поддержанию устойчивости каждой семьи, будет способствовать сохранению благоприятных условий для улучшения демографической обстановки в стране;

– сокращению поводов для развития регионального сепаратизма.

Литература

1. Из-за хулигана в тульской школе детей переводят на домашнее обучение // Новые известия. URL: <http://newizv.ru/news/society/17-03-2017/iz-zahuligana-v-tulskoj-shkole-detey-perevodyat-na-domashnee-obuchenie>.

2. Колоколов Н. Новая такса за мордобой // ЭЖ-Юрист. 2016. № 31.

3. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб., 2004.

4. Тимошина Е. М. Проблемы и лжепроблемы ювенальной юстиции // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 5.

5. Токарчук Р. Е. Вопросы воспитательного принуждения детей родителями в связи с государственными мерами противодействия семейному насилию // Библиотека криминалиста. 2017. № 2 (31).

6. Токарчук Р. Е. Воспитательное принуждение – уголовно-наказуемое насилие или допустимая необходимость? // Развитие государственности и права в Республике Крым: реалии и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (5 февраля 2016 года) / под общ. ред. С. А. Буткевича. Краснодар, 2016.

7. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2016. Т. X.

8. Школьник поставил на колени родителей и заставил извиниться. URL: <http://news.vse42.ru/feed/show/id/27238120>.

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Системе уголовных наказаний всегда уделялось пристальное внимание в науке уголовного права. Сегодняшний день – не исключение. Однако основной акцент обычно делался на общую парадигму построения наказаний. Ученые практически не занимаются ее исследованием внутри санкций конкретной уголовно-правовой нормы. Поэтому несмотря на то, что законодатель систематически реформирует виды и размер наказаний в конкретных уголовно-правовых нормах, ситуация не улучшается, а ухудшается. Сегодня бессистемно увеличивается количество альтернативных и кумулятивных санкций, исключаются нижние границы наказаний в некоторых из них, достаточно произвольно включаются в санкции вновь введенные наказания, по ряду преступлений в одних случаях санкции ужесточаются, в других – смягчаются. Однако все эти изменения не оказывают существенного положительного влияния на судебную практику, состояние преступности, процент рецидива.

Причин неудовлетворительного положения дел в данной сфере много. Сегодня только ленивый не говорит о глубоком затяжном кризисе современной уголовно-правовой политики [1, с. 4], справедливо отмечается, что она формируется стихийно, без учета теоретических разработок, потребностей правоохранительной практики, накопленного уголовно-правового нормативного материала [3, с. 31; 6, с. 11]. Нередко изменение санкции конкретных уголовно-правовых норм происходит под воздействием сиюминутных властных установок, без учета социальных последствий, мнения экспертов, научного обсуждения и т. д. Но главная причина состоит в том, что наука сегодня не предложила концепцию формирования системы уголовных наказаний применительно к конкретной уголовно-правовой норме. Нет методологии, которая могла бы быть положена в основу процесса создания этой системы и которая позволила бы задать вектор ее построения. Отсутствие теоретического осмысления такой системы уголовных наказаний в рамках конкретной статьи УК РФ, ее научно обоснованной модели приводит к несогласованностям в правовом регулировании вопросов наказуемости, затрудняет процесс эффективного законоотворчества, порождает ошибки в правоприменении, влечет назначение несправедливого наказания, негативно сказывается на отношении к уголовному закону. Проблема современных системных исследований, касающихся санкции конкретной статьи УК РФ и отраженных в ней видов наказаний, обозначена еще Аристотелем, который справедливо замечал, что «целое – больше суммы его частей». Исследование системы изложенных в санкции статьи видов наказаний как сущности, а не как конгломерации частей является важнейшей задачей современной науки уголовного права.

Ту же мысль, но уже применительно к системе наказаний высказывает В. К. Дуюнов: «определения, сводящие понятие системы наказаний к простому перечислению их в законе, являются поверхностными и в принципе неправильными. Система – это не любое, а только особое состояние определенного множества: чтобы некое множество могло быть наделено статусом системы, недостаточно, чтобы составляющие его элементы были просто перечислены, необходима достаточная совокупность системообразующих признаков [5, с. 185]».

В теории систем определены критерии, которым должен удовлетворять объект, чтобы он мог рассматриваться в качестве системы:

1. Система должна быть частью, подсистемой некоторой большей системы, входить в некоторую другую систему. При этом допускается, чтобы она одновременно являлась подсистемой нескольких различных систем. Это крайне важное для нас замечание, потому что система наказаний конкретной уголовно-правовой нормы является частью не только общей системы наказаний, но и подсистемой самой уголовно-правовой нормы, так как в любом случае зависит от изложенного в этой норме общественно-опасного, противоправного деяния.

2. Система – это некоторый объект изучения, обладающий целостностью. Он может быть материальным (реальным), мысленным (абстрактным), а может обладать совокупностью признаков того и другого. Целостность системы наказаний конкретной уголовно-правовой нормы априори определена существованием самой нормы в УК РФ.

3. Система должна иметь некоторую характеристику, критерий качества, которые определяют существование объекта как системы. В нашем случае, так как система наказаний конкретной уголовно-правовой нормы является подсистемой системы наказаний в целом, то очевидно, что критерии и характеристики подсистемы и системы должны совпадать. Основой концепции любой системы наказаний является удовлетворение ее критерию справедливости, который проявляется в целях наказания. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ они заключаются в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений

4. Объект, рассматриваемый как система, должен разбиваться на части, содержать в себе подсистемы, которые включают более мелкие составляющие элементы системы. В нашем случае в их качестве выступают те виды наказаний, которые перечисляются в санкции конкретной уголовно-правовой нормы [2, с. 69–71].

Главной особенностью системного анализа является сопоставление внешних условий функционирования системы и ее внутренней возможности адаптации к этим условиям. Причем определяющую роль согласно общей теории систем в конкретной системе играют не внутренние, а внешние факторы. Проблема системы наказаний конкретной уголовно-правовой нормы выражается в том, что ее внутренние резервы не адаптированы к современным условиям, их не хватает для того, чтобы ответить на внешние вызовы. Такое состояние системы свидетельствует о том, что ее внутренние возможности не

эффективны в сложившихся внешних условиях. Как показывает выборочный анализ норм УК РФ, у элементов системы наказаний уголовно-правовой нормы в некоторых случаях отсутствует устойчивая взаимосвязь [4, с. 338]. Так, замена или выпадение какого-либо вида наказания в санкциях конкретной уголовно-правовой нормы, как правило, не влечет никаких последствий при правоприменении.

Нужно подвергнуть системному внутреннему анализу элементы самой системы, принципы, на которых она основана, выработать методологию ее построения. Далее, как того требует общая теория систем, систему уголовных наказаний конкретной уголовно-правовой нормы необходимо исследовать во взаимосвязи с внешними факторами (политическими, идеологическими, нравственными, экономическими и т. д.).

Литература

1. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. 2012. № 4.
2. Гаазе-Рапопорт М. Г. Кибернетика и теория систем // Системные исследования. Ежегодник. М., 1973.
3. Рарог А. И. Уголовная политика, законодательные технологии и качество уголовного закона // Современные проблемы уголовной политики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., 27 сентября 2013 года / под ред. А. Н. Ильяшенко. Краснодар, 2013. Т. 1.
4. Уголовное право. Общая часть / отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. М., 2013. Т. 1.
5. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2008.
6. Лесников Г. Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004.

Г. С. Шкабин

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Значимость уголовного права в сфере борьбы с преступностью не подлежит сомнению. В этой отрасли права не только определяются конкретные деяния, признаваемые преступлениями, она еще и обеспечивает с нами вместе борьбу необходимыми средствами, устанавливая границы правомерного поведения. На сегодняшний день оперативно-разыскная деятельность, которая осуществляется посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий (ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», ред. от 6.07.2016), не исключает возможности

причинения вреда правоохраняемым объектам. Поэтому возникает необходимость ее рассмотрения с точки зрения уголовного права.

Исследование упомянутой проблемы позволяет убедиться в том, что, с одной стороны, причинение вреда интересам третьих лиц в данном случае имеет существенную связь с институтом крайней необходимости, а с другой – рассматриваемое явление содержит собственные, характерные только для него черты. Однако отечественная правоприменительная практика идет по иному пути, не признавая какого-либо значения института крайней необходимости в оперативно-разыскной деятельности.

В России реализация идеи уголовно-правового обеспечения оперативного внедрения уже рассматривалась на законодательном уровне. Примером тому является Федеральный закон от 22 ноября 1995 года «О борьбе с организованной преступностью», принятый Государственной Думой РФ в 1995 году, то есть еще до принятия УК РФ 1996 года. В нем предусматривалось дополнение ст. 14.1 УК РСФСР «Особенности уголовной ответственности при выполнении задания по защите от тяжких преступлений, связанных с созданием и функционированием организованных групп, банд, преступных организаций и преступных сообществ» [4, с. 256–257]. По мысли законодателя, эта статья закрепляла бы новое обстоятельство, исключающее преступность деяния, регулирующее правомерность причинения вреда лицом, внедренным в наиболее опасные формы преступных групп. Несмотря на всю социальную значимость данной нормы и всего проекта федерального закона в целом, он был отклонен Президентом РФ. Отечественным юристам оставалось только сожалеть об этом [3, с. 13].

Такой вариант представляется неприемлемым для уголовного законодательства. Очевидно, что в законопроекте нарушены принципы, на которых строится институт соучастия и соразмерность вреда, лежащие в основе криминализации деяний [5, с. 60]. Кроме того, его действие фактически распространялось бы на очень маленький круг лиц, то есть значительно ограничивался бы субъектный состав правоприменения.

В теории уголовного права существуют аналогичные предложения. Например, Н. В. Петрашева считает необходимым дополнить УК РФ новой формулировкой, исключающей уголовную ответственность, – «мнимое соучастие» и изложить ее в следующей редакции: «Уголовная ответственность сотрудников органов, имеющих право на осуществление оперативно-разыскной деятельности, иных сотрудников, а также граждан, оказывающих содействие ОВД, на основании постановлений, утвержденных в установленном порядке уполномоченным лицом, при выявлении, пресечении подготавливаемого или совершаемого тяжкого или особо тяжкого преступления, исключается, при условии вынужденного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам лица, предприятия или учреждения, в том числе третьим лицам, если эти лица действовали в состоянии «мнимого соучастия» в форме выполнения специального задания органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность» [1, с. 132–133].

А. П. Дмитренко и Е. А. Рускевич предлагают включить в УК РФ ст. 42.1 «Причинение вреда при проведении оперативно-внедрения», которая, по их мнению, должна выглядеть таким образом: «1. Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям лицом, действующим в рамках проводимого в соответствии с законодательством об оперативно-разыскной деятельности оперативно-внедрения с целью выявления, предупреждения, пресечения или раскрытия преступной деятельности.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему тяжкое либо особо тяжкое преступление, сопряженное с насилием, опасным для жизни или здоровья человека, а равно повлекшее наступление тяжких последствий.

3. Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью второй настоящей статьи, не может быть осуждено к пожизненному лишению свободы, а наказание в виде лишения свободы не может быть назначено ему на срок свыше двух третей максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за это преступление.

4. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, выступающему в роли организатора либо подстрекателя совершения преступления, данное лицо подлежит уголовной ответственности на общих основаниях» [2, с. 50–56].

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что все приведенные предложения имеют общий недостаток. Он заключается в следующем: в них отражается всего лишь часть многовариантного поведения внедренного лица при осуществлении оперативно-разыскного мероприятия. В действительности вполне вероятны ситуации совершения лицом действий, схожих с преступлением, и при отсутствии признаков соучастия. Кроме того, вред объектам уголовно-правовой охраны может быть причинен и при проведении других оперативно-разыскных мероприятий, также не связанных с соучастием.

Таким образом, как мнимое соучастие, так и другие рассматриваемые дефиниции не являются универсальными для уголовно-правового обеспечения эффективности оперативно-разыскной деятельности. Отсюда следует вывод о нецелесообразности закрепления в Уголовном кодексе приведенных выше норм.

Принимая во внимание, во-первых, современное состояние преступности, имеющей в значительной степени профессиональный, глубоко законспирированный характер, во-вторых, то, что оперативно-разыскная деятельность является наиболее эффективным средством предупреждения преступлений, и, в-третьих, сложившуюся практику и существующие теоретические разработки, считаем необходимым дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 39.1 следующего содержания:

«Статья 39.1. Причинение вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при проведении оперативно-разыскного

мероприятия уполномоченным лицом, которое действует в целях предотвращения, пресечения или раскрытия преступления, если при этом не было допущено превышения пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия.

2. Превышением пределов причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия признается умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью другого человека либо нарушение половой неприкосновенности или половой свободы личности или умышленное причинение иного вреда, явно не соответствующее характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления» [6, с. 56–64].

Литература

1. Петрашева Н. В. Социально-правовое назначение «мнимого соучастия» в форме выполнения специального задания органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы межведомственного круглого стола (Рязань, 14 апреля 2016 года) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. Рязань, 2016.

2. Дмитренко А. П., Русскевич Е. А. Социально-правовая обусловленность регламентации правомерного причинения вреда при проведении оперативного внедрения // Проблемы применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-разыскной деятельности: материалы межведомственного круглого стола (Рязань, 14 апреля 2016 г.) / под ред. Г. В. Ищука, Е. Н. Билоуса, А. В. Ковалева, Г. С. Шкабина. Рязань, 2016.

3. Миньковский Г. Комментарий письма Президента Российской Федерации об отклонении Уголовного кодекса Российской Федерации // Российская юстиция. 1996. № 2.

4. Организованная преступность – 3 / под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М., 1996.

5. Сурков К. В. Опыт законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации. СПб., 1998.

6. Шкабин Г. С. Уголовно-правовая норма (de lege ferenda) о причинении вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия // Государство и право. 2017. № 4.

Л. В. Яковлева

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Уголовно-процессуальная политика представляет собой деятельность органов государственной власти и должностных лиц по определению приоритетов в правовом регулировании уголовного судопроизводства, созданию

эффективного механизма уголовно-процессуального регулирования и его совершенствованию, обеспечению надлежащего выполнения участниками уголовного судопроизводства возложенных на них функций и реализации назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ [8, с. 254]. Следовательно, уголовно-процессуальная политика должна ориентироваться на предназначение уголовного судопроизводства, защищать права личности, общества и государства не только от преступных посягательств, но и от их последствий, обеспечивать баланс законных интересов и безопасность [12, с. 65].

Уголовная и уголовно-процессуальная политика России должна быть направлена на обеспечение соответствия отечественного уголовного законодательства и практики его применения международным и конституционным стандартам прав человека и безопасности. Необходимо реализовать систему принципов и приоритетов, основанных на нормах международного права, совершенствовать механизм уголовно-процессуального регулирования, соответствующий криминологической ситуации в стране.

Опасными являются участвовавшие в последнее время призывы к пересмотру ряда обязательств, принятых на себя Россией согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [9]. Утверждается, что решения ЕСПЧ наносят ущерб суверенитету страны, и озвучиваются предложения по сокращению числа решений, выносимых ЕСПЧ в пользу заявителей по жалобам против России. Предлагается разработать особый порядок оперативного пересмотра уголовных дел с участием граждан, чьи жалобы были приняты к рассмотрению [6]. При этом не учитывается, что решения, по которым наше государство признается виновным в нарушении положений Конвенции, служат ориентиром в процессе укрепления законности и защиты прав личности в стране, а не подрывают ее независимость и не умаляют ее достоинство.

Отмечается, что существенная часть жалоб наших граждан в Европейский суд по правам человека направляется в связи с нарушениями, допущенными в ходе уголовного судопроизводства [7].

По сведениям, представленным председателем Европейского суда по правам человека на ежегодной пресс-конференции 26 января 2017 года в Страсбурге во Дворце прав человека, начиная с 2012 года, Россия остается на первом месте по числу вынесенных в отношении нее постановлений. С 2007 по 2011 год Российская Федерация занимала второе место. По итогам 2016 года количество постановлений, вынесенных против России,кратно превосходит показатели других стран, а также результаты предыдущих лет: 228 (против 116 в 2015 году). Для сравнения отметим, что на втором месте по итогам 2016 года по этому показателю находится Турция с 88 постановлениями, что меньше в 2,5 раза. 7 821 жалоба в отношении России ожидает рассмотрения Европейским судом [13].

Чаще всего по российским делам ЕСПЧ признавал нарушение права на свободу и безопасность (153 случая), на защиту от бесчеловечного обращения (64), а также на справедливое судебное разбирательство (41) [11].

Ярким примером являются постановления Европейского суда по правам человека по вопросу нарушения ст. 3 Конвенции в связи с жестоким обращением в ходе уголовного судопроизводства по жалобам: № 21049/06 «Рустам Ходжаев против России»; № 22458/04 «Захарин и другие против России» и № 4722/09 «Турбылев против России».

Заявители жаловались на жестокое обращение во время задержания сотрудниками правоохранительных органов, а также на недостатки расследования, касающегося жалоб на жестокое обращение.

Европейский суд установил, что «...в совокупности медицинские справки, представленные заявителями, а также их показания дают достаточные основания считать, что травмы могли быть получены заявителем от сотрудников милиции» (п. 64 постановления). Он пришел к заключению о том, что «...расследование по жалобам на жестокое обращение не соответствовало требованиям статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте». По делу Ходжаева заявитель также жаловался на то, что отсутствие защитника в ходе заседания суда кассационной инстанции повлекло за собой нарушение его прав на справедливое судебное разбирательство и на помощь защитника, предусмотренных ст. 6 Конвенции. Европейский Суд отметил, что «...отсутствие квалифицированной правовой помощи поставило заявителя в неблагоприятное положение по отношению к обвинению... [В] настоящем деле было допущено нарушение пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции» [10].

Содержание решений ЕСПЧ позволяет считать, что в нашем государстве судебная и прокурорская деятельность, направленная на устранение нарушений, восстановление справедливости и соблюдение закона, не достигает своих целей и не решает поставленные перед ней задачи. Это приводит к такому положению, когда оправдательные приговоры выносятся крайне редко, а решения о заключении под стражу – не обоснованно, а по желанию органов расследования; прослеживается взаимная поддержка оперативно-разыскного, следственного и судебного аппаратов; изменения, вносимые в уголовно-процессуальное законодательство, хаотичны, не продуманы и не обоснованы, они не соответствуют фактическим обстоятельствам.

Считаем, что все эти проблемы необходимо решать внутригосударственными средствами, однако на современном этапе, с учетом высокого уровня коррумпированности и довольно низкого уровня правосознания, без решений ЕСПЧ, подкрепленных действительными санкциями, обойтись невозможно. Граждане вынуждены обращаться в Европейский суд, не найдя справедливости в своей стране. Таким образом, решения международного суда помогают повысить законность соблюдения прав и свобод человека в России.

Уголовно-процессуальная политика должна быть направлена на обеспечение потребностей современного общества при производстве по уголовным делам, на повышение качества и эффективности норм уголовно-процессуального права и реального уголовного процесса, а следовательно, и на достижение целей уголовного процесса [14, с. 10].

В связи с этим считаем, что одним из современных направлений уголовно-процессуальной политики при совершенствовании уголовно-процессуального

законодательства должно быть более расширенное применение решений Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда РФ, положений Конвенции, новых конвенций, принятых Советом Европы, так как они содержат более полную регламентацию процессуальных процедур.

Следует в буквальном смысле воспринять слова Председателя Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькина о том, что Конвенция, являющаяся международным договором, считается составной частью российской правовой системы. Такое же положение, по его мнению, занимают и «решения Европейского суда в той степени, в какой они выражают общепризнанные принципы и нормы международного права» [5].

Следует отметить, что и представители руководства самого ЕСПЧ, говоря о «прецедентном значении» итоговых выводов и правовых позиций суда, вовсе не настаивают на их нормативном характере [2, с. 37], и, хотя термин «прецедент Европейского суда» получил широкое распространение, в своем строгом правовом значении судебного прецедента он может применяться лишь к тем государствам, которые допускают такую возможность в своей конституции. В случае России можно, по-видимому, сказать, что здесь понятие «европейский прецедент» корректно использовать лишь в смысле «прецедента толкования» [4, с. 29]. В частности, правовая позиция ЕСПЧ как элемент судебной правовой доктрины обязательна для применения Конституционным Судом РФ, так как он должен учитывать ее в процессе самостоятельного толкования и применения Конвенции в контексте российской Конституции.

Судья Конституционного Суда РФ С. Н. Бондарь считает, что решения ЕСПЧ входят в состав правовой системы Российской Федерации в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в некоем двойственном качестве: как акты казуального решения споров о соответствии Конвенции действий российских национальных властей и как акты официального (нормативного) толкования конвенционных положений. Данная позиция нашла отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года № 2-П, в котором указывается, что «как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского суда по правам человека ... в части толкования содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод ... являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права» [1, с. 27].

В целях совершенствования российского уголовного судопроизводства решения ЕСПЧ могут быть использованы в работе по двум направлениям. Во-первых, в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ, установленное Европейским судом нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод относится к числу новых обстоятельств, вызывающих отмену вступившего в законную силу приговора по уголовному делу. При вынесении ЕСПЧ данного решения должен быть не только отменен приговор суда, но и внесены соответствующие коррективы в уголовно-процессуальное законодательство. Поэтому отмечается, что так как правило, выработанное

Европейским судом, затрагивает наиболее существенные вопросы уголовно-судопроизводства, изменения должны касаться, прежде всего, содержания назначения и принципов как наиболее важных положений действующего законодательства [3, с. 12].

Таким образом, необходимо, чтобы действующая на современном этапе концепция уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации в полной мере соответствовала международным правовым стандартам, отраженным в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В связи с этим она нуждается в коррекции с учетом многочисленных решений ЕСПЧ в адрес России и других европейских стран.

В целях устранения сложившихся проблем в области нарушения прав и свобод в уголовном судопроизводстве необходимо разработать механизм осуществления независимой экспертизы в отношении всех ситуаций, которые повлекли вынесение решений ЕСПЧ о признании вины России. Существенное значение имеют кадровые вопросы, так как если бы правоохранительные органы, незаконная деятельность которых привела к подаче жалоб, проводили детальный анализ правоприменительной практики и не повторяли ошибок прошлого, новых аналогичных решений можно было бы избежать.

Также решения Европейского суда по правам человека должны обязательно учитываться при разработке проектов законов, вносящих изменения в уголовно-процессуальное законодательство.

Литература

1. Бондарь С. Н. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соотношении с компетенцией Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2006. № 6.
2. Вильдхабер Л. Материалы Международной конференции «Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия». М., 2005.
3. Гриненко А. В. Решения Европейского суда по правам человека и российское уголовно-процессуальное законодательство // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 2.
4. Ершов В. В. Правовая природа постановлений Европейского суда по правам человека // Российское правосудие. 2007. № 1.
5. Зорькин В. Д. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Материалы VIII Международного форума по конституционному правосудию «Имплементация решений Европейского суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы». М., 2005.
6. Интернет-конференция с Председателем Конституционного Суда РФ Зорькиным В. Д. на тему: «Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации по защите прав и свобод граждан». URL: <http://www.garant.ru/action/conference/403248/>.

7. Иски наших граждан составляют самую многочисленную категорию среди поступающих на рассмотрение ЕСПЧ. URL: <http://ria.ru/world/20120126/549514271.html>.
8. Малько А. В. Теория правовой политики. М., 2012.
9. Федеральный закон от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.
10. Обзор постановлений ЕСПЧ. URL: <http://europeancourt.livejournal.com/115388.html>.
11. Пятая часть решений ЕСПЧ в 2016 году касалась России. URL: <http://pravo.ru/news/view/137642/>.
12. Смирнова И. Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые суждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике // Криминологический журнал ОГУЭП. 2010. № 3 (13).
13. Статистические показатели деятельности Страсбургского суда. URL: <https://roseurosud.org/novosti-espch/espch-2017-rossiya-bet-rekordy>.
14. Челохсаев О. З. Современная уголовно-процессуальная политика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безгодов Александр Юрьевич – магистрант 1 курса магистратуры Южного университета (ИУБиП).

Глазкова Ксения Александровна – курсант 3 курса Новороссийского филиала Краснодарского университета МВД России.

Давыдова Кира Владимировна – адвокат РОКА «Советник».

Казанков Владимир Юрьевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Киреева Жанна Борисовна – преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат философских наук.

Коваленко Вера Ивановна – ведущий научный сотрудник НИЦ № 1 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Корецкий Данил Аркадьевич – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета доктор юридических наук, профессор.

Короленко Ирина Ивановна – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) кандидат юридических наук, доцент.

Куделя Виктория Александровна – магистрант Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия.

Лазарева Наталья Юрьевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент.

Маслов Вячеслав Сергеевич – доцент кафедры процессуального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) кандидат юридических наук.

Марков Александр Иванович – доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) кандидат юридических наук, доцент.

Мелешко Николай Петрович – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии права и национальной безопасности Южного университета (ИУБиП) кандидат юридических наук, доцент.

Мельников Виктор Юрьевич – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) доктор юридических наук, доцент.

Миллеров Евгений Владимирович – старший преподаватель кафедры административного и таможенного права Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук.

Миллерова Елена Александровна – доцент кафедры административно-уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения кандидат юридических наук.

Милюков Сергей Федорович – профессор кафедры уголовного права Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена доктор юридических наук, профессор.

Непрянов Руслан Григорьевич – начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Осадчая Наталья Георгиевна – доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат юридических наук, доцент.

Панарина Виктория Валерьевна – директор правового департамента Ассоциации «Национальное объединение строителей».

Петрашева Наталья Валерьевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Пешков Дмитрий Викторович – старший преподаватель кафедры уголовного права первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

Писаревский Алексей Евгеньевич – адвокат РОКА кандидат философских наук.

Просочкин Александр Михайлович – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России.

Разогреева Анна Михайловна – доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета кандидат юридических наук, доцент.

Решетов Евгений Владимирович – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) кандидат юридических наук, доцент.

Рябко Наталья Владимировна – доцент кафедры уголовного права Ростовского филиала Российской таможенной академии кандидат юридических наук.

Саадулаев Камилль Саидович – магистрант 1 курса магистратуры Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Сазанова Екатерина Алексеевна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии права и национальной безопасности Южного университета (ИУБиП) кандидат юридических наук.

Салахатдинов Ренат Рамизович – магистрант 1 курса магистратуры Южного университета (ИУБиП).

Самойлова Юлия Борисовна – доцент кафедры уголовного процесса первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростове-на-Дону) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук.

Саркисян Нонна Борисовна – главный специалист Ейского городского суда Краснодарского края.

Сейфуллаев Сулейман Сейфуллахович – магистрант 1 курса магистратуры Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Селиверстов Вячеслав Иванович – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова доктор юридических наук, профессор.

Сетраков Александр Николаевич – начальник кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Смирнов Александр Михайлович – ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний кандидат юридических наук, доцент.

Соловьев Владислав Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Сорокун Николай Сергеевич – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России кандидат юридических наук.

Стаценко Вячеслав Георгиевич – заведующий кафедрой уголовного процесса первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростове-на-Дону) Института повышения квалификации Московской академии Следственного комитета Российской Федерации кандидат юридических наук, доцент.

Стешич Елена Сергеевна – преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовский юридический институт МВД России кандидат юридических наук, доцент.

Танага Ирина Владимировна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Токарчук Роман Евгеньевич – старший преподаватель кафедры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук.

Улезько Сергей Иванович – профессор кафедры уголовного права и криминологии Чеченского государственного университета доктор юридических наук, профессор.

Шкабин Геннадий Сергеевич – доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя кандидат юридических наук.

Яковлева Людмила Валериевна – доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Коваленко В. И. Криминологические предпосылки криминализации деяний, связанных с криминальной эксплуатацией человека.....	3
Корецкий Д. А. «Новая нормальность» в общественном сознании и юриспруденции: норма или патология?.....	8
Короленко И. И. Проблемы обеспечения прав несовершеннолетних участников уголовного процесса	15
Лазарева Н. Ю. О некоторых проблемах отечественного уголовного законодательства.....	21
Маслов В. С., Сейфуллаев С. С. Проблемы применения современных принудительных работ в уголовном праве.....	26
Марков А. И., Решетов Е. В. Профессиограмма и психограмма юриста и их значение для профессиональной деятельности	29
Мелешко Н. П., Безгодов А. Ю. Частная жизнь и уголовно-правовые меры ее защиты	34
Мельников В. Ю. Следственные действия в отношении подозреваемого.....	38
Миллеров Е. В. Проблема соотношения материальных и социально-нравственных критериев культурных ценностей, перемещаемых через таможенную границу контрабандным путем.....	44
Миллерова Е. А. Об основных проблемах квалификации преступлений, связанных с проституцией	46
Милюков С. Ф. Эволюция необходимой обороны: от традиционной к экстраординарной.....	48
Непрянов Р. Г., Казанков В. Ю. К вопросу об ответственности участников преступного сообщества (преступной организации) в международном уголовном праве	54
Осадчая Н. Г. Освобождение от наказания: потенциал и перспективы развития	58
Осадчая Н. Г., Куделя В. А. Перспективы наказания в виде смертной казни.....	61
Панарина В. В. О принципах уголовного права как нормативно-доктринальной проблеме.....	64
Петрашева Н. В., Сетраков А. Н. Тактические ошибки реформирования уголовного закона на примере преступлений террористической направленности.....	69

Пешков Д. В. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних в условиях борьбы с терроризмом.....	74
Писаревский А. Е., Салахатдинов Р. Р. Меры противодействия преступным посягательствам на несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей	78
Просочкин А. М. Административная преюдиция: за и против.....	81
Разогреева А. М., Давыдова К. В. Криминологические предпосылки и эффекты правоприменительной практики криминализации и пенализации нарушения ПДД в состоянии опьянения	87
Рябко Н. В. Влияние принципов назначения наказания на реализацию уголовной политики Российской Федерации	90
Сазанова Е. А., Саадулаев К. С. Уголовно-правовые меры противодействия организации и ведению незаконного игорного бизнеса в России.....	93
Самойлова Ю. Б. Уголовно-правовая охрана занесенных в Красную книгу Российской Федерации водных биологических ресурсов.....	96
Саркисян Н. Б. Конфискация имущества в системе мер уголовно-правового воздействия	100
Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительная политика России: основные категории и система факторов	104
Семенцова И. А. К вопросу о расширении круга лиц, которым назначаются принудительные меры медицинского характера.....	111
Смирнов А. М. К вопросу о чрезмерном гуманизме российской уголовной политики	114
Соловьев В. С. Проблемы уголовной политики в сфере противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационных технологий	118
Сорокун Н. С., Киреева Ж. Б. К вопросу о криминологической характеристике неправомерного завладения автомобилем или иным транспортным средством	123
Стаценко В. Г. К вопросу о правовом регулировании изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела	126
Стешич Е. С. Некоторые дискуссионные вопросы классификации убийств	129
Танага И. В. Социально-психологические причины и условия совершения преступлений, связанных с нарушениями установленного порядка организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования	133

Токарчук Р. Е. Проблемы применения уголовного и административного законодательства о побоях	136
Улезько С. И. Система наказаний уголовно-правовой нормы: постановка проблемы	142
Шкабин Г. С. Проблемы правомерности причинения вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия	144
Яковлева Л. В. Уголовно-процессуальная политика в контексте решений Европейского суда по правам человека	147
<i>Сведения об авторах</i>	153

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ**

**Материалы Всероссийской
научно-теоретической конференции**

19 мая 2017 года

Часть 2

Редактор *В. Г. Пампура*
Корректор *В. Г. Пампура*
Технический редактор *В. Г. Пампура*
Компьютерная верстка – *Е. Е. Пелехатая*

Сдано в набор 10.10.2017. Подписано в печать 15.12.2017.
Формат 60x84/16. Объем 10 п.л. Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman. Печать ризография.

Бумага офсетная.

Тираж 42 экз. Заказ № .

Редакционно-издательское отделение НИиРИО

ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО

ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

ISBN 978-5-89288-332-0

9 785892 883320